

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 4 раза в год

Под общей редакцией Е. Н. Максимовой

УДК [1+93/94+32](06)
ББК 60+87я437
П18

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор:

Е. Н. Максимова, д-р полит. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Д. В. Маковская, канд. полит. наук

Редакционная коллегия:

Авдонин В. С., д-р политических наук (Москва); Алиев А. А.-Г., д-р ист. наук (Москва); Аликберов А. К., канд. ист. наук (Москва); Андросов В. П., д-р ист. наук, профессор (Москва); Бармина Е. А., канд. филол. наук, доцент (Севастополь); Белоглазов Р. Н., канд. ист. наук (Севастополь); Гарас Л. Н., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Дмитриев В. В., канд. ист. наук, доцент (Севастополь); Ефременко Д. В., д-р политических наук (Москва); Жиртуева Н. С., д-р филос. наук, доцент (Севастополь); Зайцев И. В., д-р ист. наук, доцент (Москва); Ирхин А. А., д-р полит. наук, доцент (Севастополь); Кабаченко А. П., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Козлов М. Н., д-р ист. наук, доцент – редактор истор. рубрики (Севастополь); Миронов А. В., д-р филос. наук, доцент – редактор филос. рубрики (Севастополь); Наумкин В. В., д-р ист. наук, профессор, академик РАН (Москва); Скворцов Л. Д., д-р филос. наук, профессор (Москва); Скребец Е. В., д-р полит. наук, доцент – редактор полит. рубрики (Севастополь); Чихарев И. А., канд. полит. наук, доцент (Севастополь); Шаронова В. Г., канд. ист. наук (Москва).

Editor-in-chief

Maksimova E.N., Doctor of Political Sciences, Docent

Executive secretary

Makovskaya D.V., Candidate of Political Sciences

Editorial Board:

Avdonin V.S., Doctor of Political Sciences (Moscow); Aliev A.A.G., Doctor of Historical Sciences (Moscow); Alikberov A.K., Candidate of Historical Sciences (Moscow); Androsov V.P., Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow); Barmina E.A., Candidate of Philological Sciences, Docent (Sevastopol); Beloglazov R.N., Candidate of Historical Sciences (Sevastopol); Garas L.N., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Dmitriev V.V., Candidate of Historical Sciences, Docent (Sevastopol); Efremenko D.V., Doctor of Political Sciences (Moscow); Zhirtueva N.S., Doctor of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Zaytsev I.V., Doctor of Historical Sciences, Docent (Moscow); Irkhin A.A., Doctor of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Kabachenko A.P., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Kozlov M.N., Doctor of Historical Sciences, Docent – Editor of Historical Section (Sevastopol); Mironov A.V., Doctor of Philosophical Sciences, Docent – Editor of Philosophical Section (Sevastopol); Naumkin V.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); Skvortsov L.D., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Moscow); Skrebets E.V., Doctor of Political Sciences, Docent – Editor of Political Section (Sevastopol); Chikharev I.A., Candidate of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Sharonova V.G., Candidate of Historical Sciences (Moscow)

П18 Парадигмы истории и общественного развития : сборник научных трудов / Севастопольский государственный университет ; под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; гл. ред. Е. Н. Максимова ; отв. секретарь Д. В. Маковская. — 2016 (вып. 1) — . — Севастополь, 2021. — 74 с. : ил. — Вып. 24. — ISSN 2500-4190.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим и политическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия.

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой. Сборник выходит 4 раза в год. Издается с января 2016 г. Сборник зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN (ISSN: 2500-4190), Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС77-64133 от 25 декабря 2015 г.), индексируется в библиографической базе данных научных публикаций российских учёных РИНЦ.

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

Белоглазов Р. Н., Николаева М. Ю.

Опубликованные документальные материалы по истории советско-германских отношений в 1922-1933 гг. 5

Вакулова Т. В.

Оборона Севастополя 1941-1942 гг.: роль 19 береговой батареи имени М. С. Драпушко 11

Козлов М. Н., Жиртуева Н. С.

Огненные проводники в царство мертвых в языческом представлении восточных славян 21

Философские науки

Скребец Е. В., Галяс И. А., Матвеева Я. В.

Концепция «Москва – Третий Рим» в контексте исторического имперского дискурса 27

Кольба Я. И.

Студия внутреннего развития «Путь к себе» как новое религиозное движение (особенности учения и практики) 34

Миронов А. В.

«Закрытость общества» и чувство покинутости в философии Ж.-П. Сартра 39

Шавардова Е. Ю.

Философия имиджа современного образовательного учреждения 44

Ткаченко Р. В.

Будущее как онтологическая категория 49

Политические науки

Скребец Е. В., Росенко М. И.

К проблеме эффективности правозащитной деятельности: опыт европейской правозащитной работы 54

Бернацких И. В., Ларченков В. В.

Военная сфера государства и значимость ее военно-научного компонента 59

Перминова Л. А., Максимова Е. Н.

Европейский вектор миграционных процессов: кейс арабских стран 65

Карпов А. В., Маковская Д. В.

Динамика политического развития современной Ливии: ситуационный анализ 69

CONTENTS

Historical Studies

Beloglazov R. N., Nikolaeva M. Yu.

Published Documentary Materials on the History of Soviet-German Relations in 1922-1933 5

Vakulova T. V.

Defense of Sevastopol 1941-1942: the Role of the Coastal Battery 19 Named after M. S. Drapushko 11

Kozlov M. N., Zhirtueva N. S.

Fire Guides to the Realm of the Dead in the Pagan View of the Eastern Slavs 21

Philosophical Studies

Skrebets E. V., Galyas I. A., Matveyeva Y. V.

The Concept of "Moscow - the third Rome" in the Context of Historical Imperial Discourse 27

Kolba Y. I.

«The Path to Self» Inner Development Studio as a New Religious Movement (Features of Teaching and Practice) 34

Mironov A. V.

"The Closeness of Society" and the Feeling of Abandonment in the Philosophy of J.-P. Sartre 39

Shavardova E. Yu.

Philosophy of the Image of a Modern Educational Institution 44

Tkachenko R. V.

The Future as an Ontological Category 49

Political Studies

Skrebets E. V., Rosenko M. I.

On the Problem of the Effectiveness of Human Rights activities: the Experience of European Human Rights Work 54

Bernatskikh I. V., Larchenkov V. V.

The Military Sphere of the State and the Importance of its Military Scientific Component 59

Perminova L. A., Maksimova E. N.

The European Vector of Migration Processes: the Case of Arab Countries 65

Karpov A. V., Makovskaya D. V.

Dynamics of the Political Development of Modern Libya: Situational Analysis 69

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(470:430)''1920/1930''

В статье рассматриваются основные опубликованные документальные материалы по истории советско-германских отношений в 1922-1933-е гг. Установлено, что актуальность и общественная значимость данной темы обуславливает постоянное увеличение объемов и введение в научный оборот новых архивных документальных комплексов доступных историкам благодаря цифровизации и размещению на интернет-ресурсах, что существенно расширило источниковую базу для проведения исследований.

Ключевые слова: СССР, Веймарская республика, рапальский период, историография

Р. Н. Белоглазов, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: belovr73@mail.ru

М. Ю. Николаева, магистрант

Севастопольский государственный университет

E-mail: mniklvaa@gmail.com

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1922-1933 ГГ.

История российско-германских отношений в 1922 – 1933-е гг. пользуется большим вниманием, как со стороны отечественного, так и зарубежного научного сообщества. По этой проблеме существует обширная историография, насчитывающая сотни статей, монографий и других публикаций. Очевидно, что характер взаимодействия между Россией и Германией с определенного времени во многом определял развитие международной обстановки в Европе и имел для нее системообразующий характер. Несмотря на периоды тесного политического и экономического сотрудничества, родственные связи между правящими династиями Романовых и Гогенцоллернов, двум странам так и не удалось выйти на уровень стратегического военно-политического союза, что стало одним из факторов начала Первой мировой войны.

Поствоенная политическая эпоха, связанная с гибелью империй, радикальными революционными преобразованиями открыла новую страницу во внешней политике России и Германии, что также имело судьбоносное значение для Европы и мира накануне Второй мировой войны. Характерной особенностью 1920-х – начала 1930-х гг. после заключения советско-германского договора в Рапалло (рапальский период) о восстановлении дипломатических отношений было стремление Советского Союза к развитию с Веймарской республикой особого партнерства, призванного стать политическим противовесом давлению со стороны лидеров Антанты, которые претендовали на гегемонию в Европе по итогам Первой мировой войны. В свою очередь руководство Германии придерживалось подобной стратегии, пытаясь благодаря сближению с СССР выйти за рамки ограничений, созданных Версальской системой под диктовку Англии и Франции.

Развитие историографии по теме советско-германских отношений перед Второй мировой войной претерпело несколько этапов в развитии. Для каждого из них характерно большое влияние на формирование исследовательского дискурса политико-идеологических дискуссий и столкновений актуальных для своего времени. Особенно показательны в этом отношении характеристики советской предвоенной дипломатии в зависимости от оценок государственного режима в СССР и целей его внешней политики. В связи с этим в соответствующей научной литературе можно обнаружить два диаметрально противоположных подхода. Во-первых, это тенденциозные трактовки

советской стратегии на международной арене якобы направленной исключительно на разжигание противоречий между европейскими странами и, в связи с этим на поощрение реваншистских настроений в Германии, что нашло свое выражение в секретном военном сотрудничестве с Рейхсвером, продолжавшимся до начала 1930-х гг. Во-вторых, попытки объяснить внешнеполитический курс Кремля совокупностью субъективных и объективных факторов, обусловленных национальными интересами СССР, прежде всего ориентированными на обеспечение обороноспособности и безопасности.

Возможности историков в плане проведения соответствующих исследований существенно расширились в связи с проработкой новых материалов и целых документальных комплексов после массового рассекречивания документов и их публикации в условиях «архивной революции», начавшейся в России в начале 1990-х гг. Это позволило ввести в научный оборот ранее неизвестные источники, благодаря цифровизации обеспечить более широкий доступ к уже опубликованным печатным сборникам документов, что не только расширило базу исследований, а также позволяет провести более объективную историческую реконструкцию изучаемых событий, избежать предвзятых, чрезмерно идеологизированных и политизированных подходов.

С учетом сформировавшихся в последние годы новых информационных возможностей представляется актуальным провести обзор основных документальных источников по теме советско-германских отношений рапальского периода, опубликованных на русском и немецком языках.

Указанный корпус документов отличается большим видовым и содержательным многообразием, имеет значительный историко-информационный потенциал и доступен исследователям в основном в сети интернет. Условно его можно разделить на следующие группы: многотомные издания документов и материалов по внешней политике СССР и Веймарской республики; отдельные сборники документов освещающие советско-германские отношения на определённом временном отрезке; сборники документов характеризующих политическое, торгово-экономическое, военно-промышленное и научно-культурное сотрудничество Советского Союза и Веймарской республики; статистические данные по экономическому обмену и экспортно-импортным операциям; сборники официальных нормативно-правовых актов; резолюции и решения съездов и собраний политических партий.

Соответствующие документальные материалы представлены широким спектром разнообразных изданий и публикаций, доступных преимущественно на специализированных интернет-ресурсах. Особое место в этом массиве данных принадлежит комплексу архивных источников, оцифрованных и опубликованных Архивом внешней политики Российской Федерации. В частности, это фонд Л. М. Карахана (секретарь советской делегации на переговорах в Брест-Литовске) [2], архив народного комиссара торговли и промышленности РСФСР Л. Б. Красина [1], материалы Гаагской [3] и Генуэзской [4] конференций, фонды секретариата наркома иностранных дел РСФСР и СССР Г. В. Чичерина [5], секретариата народного комиссара иностранных дел СССР (до 1931 г. заместитель наркома) М. М. Литвинова [6].

Данные документальные собрания позволяют охарактеризовать многие сферы и направления советско-германских отношений до середины 1920-х гг., выделяются содержательным разнообразием, так как включают следующие материалы: переписка между официальными ведомствами двух государств и их представителями, ноты и сообщения внешнеполитических ведомств СССР и Германии, годовые отчёты послов, сообщения полномочных представителей Советского Союза в Веймарской республике. Среди документов с большим информационным потенциалом также следует отметить переписку между наркомом (и их заместителями) иностранных дел и полномочными представителями (послами) СССР за рубежом. Эти источники помогают выявить основные цели, задачи и принципы советской дипломатии при принятии тех или иных решений в отношении Германии.

Наиболее обширную группу опубликованных документов составляют сборники материалов по внешней политике СССР и Веймарской республики. Одним из фундаментальных собраний в этом плане является двадцати четырёхтомное издание «Документы внешней политики СССР» [11], представляющее систематическую публикацию документальных источников по внешнеполитической деятельности Советского Союза, начиная с периода Октябрьской революции и до начала 1942 г. Выпуск многотомника продолжался в течение сорока одного года – с 1959 по 2000 гг. В издании опубликованы наиболее важные документы для понимания становления и развития политики СССР на международной арене.

Материалы непосредственно о советско-германских отношениях в рапальский период содержатся в томах с пятого [15] по шестнадцатый [16]. Документы, необходимые для изучения внешнеполитической обстановки 1918 – 1922 гг. и исследования причин, побудивших Советскую Россию на сближение с Веймарской республикой, приведены во втором [12], третьем [13] и четвертом [14] томах издания.

Многотомные сборники документов по внешней политике Германии представлены сборником «Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik, 1918 – 1945» [36]. Особенность этого издания заключается в том, что после Второй мировой войны многие из приведённых в нем материалов, характеризующих внешнюю политику Веймарской республики, оказались в руках союзников. В связи с этим выход первых томов состоялся на территории Великобритании, США и Франции. Редакционную работу над этим собранием вели в том числе историки из ФРГ, присоединившиеся к проекту в 1960 г. В продолжении этой работы в 1967 г. в Гёттингене немецкие специалисты выпустили издание из двух томов, посвящённое политике Германии по отношению к Советскому Союзу, Польше и Балтийским странам в 1925 – 1926 гг. [37, 38].

Не менее значимые сведения о советско-германских отношениях содержатся в специализированных изданиях документальных материалов по истории международной политики. Так, сборник «Документы международных отношений (1917-1945 гг.)» [17], составленный советским и российским историком А. А. Ахтамзяном, включает наиболее значимые и важные документы по истории внешней политики Советского Союза соответствующего периода.

Сборники «Мир между войнами: Избранные документы по истории международных отношений 1910-1940-х годов» [22] и «Системная история международных отношений. Том 2: в 4х т. Документы 1910-1940 годов» [29], составленных политологом-международником А. В. Мальгиным, содержат как документальные материалы по внешней политике, публиковавшиеся в СССР в изданиях открытого и ограниченного распространения, так и зарубежные материалы, в том числе и немецкие.

Важным источником по истории советско-германских отношений дорапальского периода является сборник документов «Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора» [30, 31], изданный в 1968 г. Его особенностью является публикация многочисленных документальных источников из архивохранилищ СССР и ГДР, позволяющих рассмотреть разные аспекты и последовательность формирования взаимодействия между Советской Россией и Германией в 1918 – 1922 гг.

Одним из главных сборников документов по рассматриваемому периоду российско-германских отношений стало издание – «Дух Рапалло: советско-германские отношения. 1925 – 1933» [18], выпущенное под редакцией советского и российского историка, специалиста по истории международных отношений Г. Н. Севостьянова. Приведённые в сборнике материалы раскрывают характер и содержание отношений между двумя странами, показывают действия и шаги советской дипломатии по реализации положений Рапальского договора 1922 г. по основным направлениям двустороннего сотрудничества.

Сборник документов в трех томах по материалам Архива Президента Российской Федерации «Москва-Берлин. Политика и дипломатия Кремля, 1920 – 1941» [25, 26, 27] впервые ввел в научный оборот большой объем документов, характеризующих разнообразные аспекты советско-германских отношений и развитие международной обстановки в период между двумя мировыми войнами.

Советско-германское сотрудничество в военной сфере, которое регулировалось секретными соглашениями, освещено в сборнике документов «Фашистский меч ковался в СССР: Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922-1933. Неизвестные документы» [32]. Книга была издана в 1992 г. и содержит преимущественно рассекреченные материалы, которые долгие годы были недоступны исследователям. Их главной особенностью является принадлежность к корпусу документов специальных служб СССР и Германии, что определяет их специфический информационный потенциал в плане характеристики негласного характера взаимоотношений двух стран в военно-технической области. При всей значимости и ценности для исследований данного сборника следует отметить его некорректное тенденциозное название, так как указанная хронология рапальского периода не затрагивала временной промежуток прихода к власти и деятельности гитлеровского режима.

Статистические сборники [7, 8, 9, 10] внешней торговли СССР представляют большой объем данных о товарообороте с Германией, экспортно-импортных операциях и иллюстрируют развитие тесных экономических связей между двумя государствами.

Резолюции и решения съездов и собраний ВКП(б) способствуют пониманию механизмов принятия важнейших внешнеполитических решений высшим руководством Советского Союза. Основным источником такого рода информации выступает многотомное издание «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986)» [19]. Четыре тома [20, 21, 22, 23] данного издания посвящены рапалльскому периоду.

Сборник «Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». 1923-1939» [28] содержит важнейшие постановления Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросам европейской политики. Документы отражают главные тенденции внешнеполитической стратегии Советского Союза и характер его взаимоотношений с ведущими европейскими державами, в том числе и Веймарской республикой.

Документы, отражающие развитие двусторонних отношений в контексте политической конъюнктуры в Германии отражены в двухтомном издании «Deutschland, Russland, Komintern (1918–1943)» [40, 41]. Данный сборник был подготовлен Германско-российской исторической комиссией, проводившей анализ истории деятельности Коммунистического Интернационала (Коминтерна). Второй том содержит более 500 документов, которые раскрывают содержание российско-германских отношений от Октябрьской революции 1917 г. и до начала Второй мировой войны. Проект, созданный Германско-российской исторической комиссией, вносит ценный вклад в систематическое изучение истории немецкого коммунизма и германско-советских отношений.

Особого исследовательского интереса заслуживают документы немецких правительственных актов. В частности, историческая комиссия Баварской академии наук (Historische Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften) совместно с Федеральным архивом Германии (Bundesarchiv) под общим руководством историка К.-Д. Эрдманна осуществила выпуск сборника документов и материалов ведомства рейхсканцлера Германии с 1919 по 1933 гг. [33]. Данное издание из двадцати трёх томов включает протоколы заседаний республиканского Министерства в хронологическом порядке и отражает деятельность германского правительства от первого премьер-министра Филиппа Шейдемана [34] до последнего канцлера Веймарской республики Курта Шлейхера [35]. Особенностью сборника является то, что в случае отсутствия какого-либо из протоколов, издание дополнялось параллельными или замещающими записями. При этом менее важные пункты повестки дня сокращались, а документы исторической и политической важности сопровождалась справкой в каждом конкретном случае для лучшего понимания представленного источника. Данное издание доступно широкому кругу читателей, так как размещено на сайте Федерального архива Германии [39].

Таким образом, опубликованные документальные архивные материалы, как российского, так и немецкого происхождения, по истории рапалльского периода советско-германских отношений отличаются содержательным многообразием и большим историко-информационным потенциалом. Значительный объем документов был опубликован при СССР, где уделяли особое внимание этой проблеме в связи с необходимостью популяризации советской внешней политики и изучения предпосылок начала Второй мировой войны. На Западе эта тематика также пользовалась актуальностью в контексте исследования развития международных отношений в предвоенной Европе.

Учитывая постоянный интерес историков к данной теме в период «архивной революции» корпус соответствующих источников постоянно расширяется, так как пополняется за счет оцифровки и публикации новых документальных комплексов и соответствующих сборников. Большинство из этих материалов впервые вводится в научный оборот, часть из них раньше относилась к документам с ограниченным доступом и была недоступна для исследователей.

В целом существующая источниковая база по теме достаточно репрезентативна для того, чтобы определить и комплексно, всесторонне изучить основные направления и характеристики развития дипломатических отношений и сотрудничества между Германией и СССР в указанный хронологический период.

Список литературы

1. АВПРФ. Архив Л. Б. Красина // Документы архивов МИД России. Революция 1917 года: Судьбы русской и советской дипломатии – URL: <http://1917.mid.ru/archives/avprf/arkhiv-l-b-krasina/> (дата обращения: 01.12.2021).

2. АВПРФ. Секретариат Л. М. Карахана // Документы архивов МИД России. Революция 1917 года: Судьбы русской и советской дипломатии – URL: <http://1917.mid.ru/archives/avprf/sekretariat-l-m-karakhana/> (дата обращения: 01.12.2021).
3. АВПРФ. Гагская конференция (1922 г.) // Документы архивов МИД России. Революция 1917 года: Судьбы русской и советской дипломатии – URL: <http://1917.mid.ru/archives/avprf/gaagskaya-konferentsiya/> (дата обращения: 01.12.2021).
4. АВПРФ. Генуэзская конференция (1922 г.) // Документы архивов МИД России. Революция 1917 года: Судьбы русской и советской дипломатии – URL: <http://1917.mid.ru/archives/avprf/genuezskaya-konferentsiya-1922/> (дата обращения: 01.12.2021).
5. АВПРФ. Секретариат Г. В. Чичерина // Документы архивов МИД России. Революция 1917 года: Судьбы русской и советской дипломатии – URL: <http://1917.mid.ru/archives/avprf/sekretariat-g-v-chicherina/> (дата обращения: 01.12.2021).
6. АВПРФ. Секретариат М. М. Литвинова // Документы архивов МИД России. Революция 1917 года: Судьбы русской и советской дипломатии – URL: <http://1917.mid.ru/archives/avprf/sekretariat-m-m-litvinova/> (дата обращения: 01.12.2021).
7. Внешняя торговля Союза ССР за 1918-1927/28 годы (Статистический сборник) / под ред. С. Бакулина, А. Винокура. – Ленинград: 4-я типография ОГИЗ 'а им. т. Лоханкова. – 847 с.
8. Внешняя торговля СССР за первую пятилетку (за период 1928 по 1933 г.) (Статистический обзор) / под ред. А. Н. Вознесенского, А. А. Волошинского. – М.: Издание Главного таможенного управления Внешторгиздат, 1933. – 576 с.
9. Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. (Статистический обзор) // Исторические материалы – URL: <http://istmat.info/node/22117> (дата обращения: 01.12.2021).
10. Внешняя торговля СССР за 20 лет: 1918-1938 гг. (Статистический сборник) // Исторические материалы – URL: <http://istmat.info/node/22114> (дата обращения: 01.12.2021).
11. Документы внешней политики СССР: в 24-х т. – М.: Госполитиздат, 1959–2000.
12. Документы внешней политики СССР. Том 2: в 24-х т. 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. М.: Госполитиздат, 1958. – 778 с.
13. Документы внешней политики СССР. Том 3: в 24-х т. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. – М.: Госполитиздат, 1959. – 702 с.
14. Документы внешней политики СССР. Том 4: в 24-х т. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. – М.: Госполитиздат, 1960. – 812 с.
15. Документы внешней политики СССР. Том 5: в 24-х т. 1 января 1922 г. – 19 декабря 1922 г. – М.: Госполитиздат, 1961. – 786 с.
16. Документы внешней политики СССР. Том 16: в 24-х т. 1 января – 31 декабря 1933 г. – М.: Госполитиздат, 1970. – 920 с.
17. Документы международных отношений (1917-1945 гг.) / сост. А. А. Ахтамзян. – М.: МГИМО МИД РФ, 1999. – 148 с.
18. Дух Рапалло: Советско-германские отношения. 1925-1933 / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. – М.: Научно-просветительский центр «Университет», 1997. – 288 с.
19. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). – М.: Политиздат, 1983-1990.
20. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Том 2: в 11-ти т. 1917-1922. – М.: Политиздат, 1983. – 606 с.
21. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Том 3: в 11-ти т. 1922-1925. – М.: Политиздат, 1984. – 494 с.
22. Мир между войнами: Избранные документы по истории международных отношений 1910-1940-х годов / сост. А. В. Мальгин. – М.: МГИМО МИД РФ, 1997. – 308 с.
23. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Том 4: в 11-ти т. 1926-1929. – М.: Политиздат, 1984. – 575 с.
24. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Том 5: в 11-ти т. 1929-1932. – М.: Политиздат, 1984. – 446 с.

25. Москва–Берлин. Политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. Том 1: в 3-х т. 1920-1926 / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. – М.: Наука, 2011. – 1031 с.
26. Москва–Берлин. Политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. Том 2: в 3-х т. 1920-1926 / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. – М.: Наука, 2011. – 755 с.
27. Москва–Берлин. Политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. Том 3: в 3-х т. 1920-1926 / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. – М.: Наука, 2011. – 690 с.
28. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». 1923–1939. – М.: РОССПЭН, 2001. – 400 с.
29. Системная история международных отношений. Том 2: в 4-х т. Документы 1910-1940 годов / сост. А. В. Мальгин. – М.: Московский рабочий, 2000. – 243 с.
30. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Том 1: в 2-х т. 1917-1918 гг. – М.: Политиздат, 1968. – 758 с.
31. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Том 2: в 2-х т. 1917-1918 гг. – М.: Политиздат, 1971. – 596 с.
32. Фашистский меч ковался в СССР: Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. – М.: Советская Россия, 1992. – 384 с.
33. Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik / unter der Gesamtleitung von Karl-Dietrich Erdmann. – Boppard am Rhein, 1968-1990.
34. Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik: Das Kabinett Scheidemann (1919) / hrsg. von H. Schulze. – Boppard am Rhein, 1971. – 622 s.
35. Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik: Das Kabinett von Schleicher (1932/33) / hrsg. von A. Golecki. – Boppard am Rhein, 1986. – 436 s.
36. Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik, 1918–1945 – URL: <https://archiv.diplo.de/arc-de/gut-zu-wissen/akteneditionen/akten-zur-deutschen-auswaertigen-politik-1918-1945/1496702> (дата обращения: 01.12.2021).
37. Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik, 1918–1945. Serie B: 1925–1933. Band II, 1: Dezember 1925 bis Juni 1926. Deutschlands Beziehungen zur Sowjet-Union, zu Polen, Danzig und den Baltischen Staaten. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1967. – 543 s.
38. Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik, 1918–1945. Serie B: 1925–1933. Band II, 2: Juni bis Dezember 1926. Deutschlands Beziehungen zur Sowjet-Union, zu Polen, Danzig und den Baltischen Staaten. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1967. – 555 s.
39. BArch. Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik «Online Edition» – URL: <https://www.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/0000/index.html> (дата обращения: 01.12.2021).
40. Deutschland, Russland, Komintern – I. Überblicke, Analysen, Diskussionen / hrsg. B. H. Bayerlein, J. Drabkin, H. Weber. – GmbH: De Gruyter, 2014. – 485 s.
41. Deutschland, Russland, Komintern – II. Dokumente (1918–1943) / hrsg. B. H. Bayerlein, J. Drabkin, H. Weber. – GmbH: De Gruyter, 2014. – 1849 s.

Статья поступила в редакция 15.12.2021

Beloglazov, R. N., Nikolaeva, M. Yu. *Published Documentary Materials on the History of Soviet-German Relations in 1922-1933.*

The article discusses the main published documentary materials on the history of Soviet-German relations in 1922-1933. It is established that the relevance and social significance of this topic determines the constant increase in the volume and introduction into scientific circulation of new archival documentary complexes available to historians due to digitalization and placement on Internet resources, which significantly expanded the source base for research.

Keywords: USSR, Weimar Republic, Rapallo period, historiography

УДК 93/94(47)«1941/1942»

На основании работ севастопольских, российских и советских исследователей рассматриваются причины создания 19 береговой батареи в Балаклаве, её роль в обороне Севастополя в годы Великой отечественной войны 1941-1945 годов. Отмечается, что первый штурм Севастополя в октябре – ноябре 1941 года провалился после нанесения советскими войсками сильных контрударов и обстрела немецких позиций береговыми батареями. Батарея № 19 удерживала главные подступы немцев на юге Севастопольского оборонительного региона. Она была единственной береговой батареей, которая находилась непосредственно рядом с линией фронта. Второй штурм в декабре 1941 года вновь провалился, благодаря героизму советских пехотинцев и моряков. 19 Батарея вновь сыграла значительную роль в выполнении стратегических и тактических задач советской армии. Героизм бойцов 19 батареи проявился в сохранении слаженного боевого коллектива и уникальной передислокации орудий батареи на новую позицию и продолжении огня. Третий штурм Севастополя фашистами, летом 1942 года, привел к очень высоким потерям, 19 батарея подвергалась мощному обстрелу из дальнобойных орудий, бомбардировкам с воздуха, гибели личного состава и командира Драпушко. Однако в ходе второй обороны, 19 береговая батарея приняла на себя главный удар неприятеля на Балаклавском направлении, остановила и задержала наступление немцев на Севастополь, тем самым препятствовала реализации дальнейших захватнических планов врага.

Ключевые слова: Севастополь, оборона Севастополя, Великая отечественная война, 19 береговая батарея имени М. С. Драпушко

Т. В. Вакулова, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: vakulo1@yandex.ru

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ 1941-1942 ГГ.: РОЛЬ 19 БЕРЕГОВОЙ БАТАРЕИ ИМЕНИ М. С. ДРАПУШКО

Актуальность изучения истории 19 береговой батареи имени Драпушко в Балаклаве, связана с 80-летием начала героической обороны Севастополя в 1941-1942 годах, а также с необходимостью всестороннего изучения региональной истории периода второй обороны Севастополя. Актуальность темы усиливается в связи с интересом к региональной истории и сохранением фортификационного наследия России, изучению истории береговых батарей Черноморского флота и его Главной военно-морской базы – Севастополя.

Изучение истории 19 береговой батареи будет содействовать освящению малоизученных фактов, закреплению знаний по истории Севастополя и России в Великой отечественной войне, стимулированию роста творческого потенциала и воспитанию патриотических чувств у студентов. Патриотическое воспитание связано с важнейшими функциями обеспечения культурно-нравственного развития молодёжи, демонстрирует исторически обусловленную необходимость сохранения исторической памяти, так как объекты фортификационного наследия России являются важнейшим историческим источником и свидетелем российской боевой и героической истории. Необходимо отметить, что история, например, 35 береговой батареи в Севастополе, изучена более подробно, издано большое количество статей научного и научно-популярного характера, так как поисковая работа ведется большим коллективом сотрудников Мемориального комплекса 35 береговой батареи, а роль 19 береговой батареи в обороне города изучена меньше. Поэтому необходимо изучать роль данной батареи в обороне Севастополя.

Осознание исторической ценности береговых укреплений произошло когда, они утратили свое боевое значение в связи с развитием новейших видов современного вооружения. После Второй мировой войны новые укрепления уже не строили, так как новые виды оружия делали любые укрепления мишенью для противников, а после появления ядерного оружия стало бессмысленным строительство береговых сооружений. Уже к 1960-м годам долговременная фортификация почти утратила боевое значение и перешла в разряд исторического наследия. Интерес к таким сооружениям сейчас значительно возрос, они изучаются и сохраняются как исторические памятники. Поэтому необходимость изучения истории береговых укреплений южных рубежей России действительно

становится весьма актуальной в наше время с двух позиций: познавательной и воспитательно-патриотической.

Анализ литературы по данной теме показал, что существуют работы общего и специального характера. В книге советского исследователя Ю. Г. Перечнева «Советская береговая артиллерия: история развития и боевого применения 1921–1945 гг.» [13], автор рассматривает развитие советской береговой артиллерии в предвоенные годы (1921–1941 гг.) и боевую деятельность в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется анализу боевого использования береговой артиллерии в обороне военно-морских баз и отдельных участков побережья от морского и наземного противника, исследуется ее роль на приморских направлениях в наступательных операциях. А в книге «Героический Севастополь» П. А. Моргунов на основе архивных материалов (Центрального Военно-Морского архива), военно-исторических исследований, мемуаров военачальников, бесед с участниками героической обороны Севастополя рассматривает подвиг и роль моряков Черноморского флота и воинов Приморской армии в обороне, а затем освобождении города [9].

В исследовании Там Хок Чиу «Боевые действия южных береговых батарей в обороне Севастополя (ноябрь, 1941 г.)» [15], рассматривается роль береговых батарей № 35, 18, 19 и 14 Севастопольского оборонительного района (СОР). Автор отмечает, что эти батареи сыграли значительную роль в выполнении стратегическо-тактических задач. В самой южной части СОР вдоль линии фронта и по береговой линии было создано немного оборонительных сооружений, дотов и дзотов. На основании анализа ряда исторических фактов из архивных документов автор приходит к выводу о том, что чаще всего принимали участие в боях батареи № 19, 18, 14. Их взаимодействие было особенно активным со второй половины ноября до конца месяца. Хотя батарея № 19 являлась единственной прифронтовой батареей на территории 1-го сектора, ее поддерживали батареи № 18, позже - батарея № 14, в дальнейшем - батарея № 35.

Важным источником по истории 19 береговой батареи, являются публикации севастопольского исследователя Александра Ивановича Меркушева. В течение нескольких лет в газете «Севастопольские известия» публиковались основные работы исследователя по истории батареи [2], [6], [7], [8]. Исследователь А. И. Меркушев занимается сбором, восстановлением и изучением информации о командирах и личном составе 19 береговой батареи. В его работах можно проследить историю создания берегового укрепления в царский период для обороны от Турции. Подробно автор описывает батарею в советский период, её орудия, командование и личный состав. Исследуется история 19 береговой батареи в период Великой Отечественной войны. Также в работах исследователя уделено значительное внимание истории батареи в послевоенный период и её состояния в современное время.

История 19 береговой батареи тесно связана с историей создания оборонительных сооружений Севастополя как базы Черноморского флота Российской империи. В XVIII веке береговые батареи являлись очень важной разновидностью береговых укреплений, так как они предоставляли важное средство береговой обороны – береговую артиллерию. Береговая батарея предназначалась для защиты и обороны береговой линии, морских портов, проливов, гавани, препятствовала высадке десантов, защиты прибрежных коммуникаций. Поэтому назначенный командующим войсками России в Крыму, на Днепре и Кубани в мае 1778 года, Александр Васильевич Суворов сразу оценил военно-стратегическое значение Ахтиарской, впоследствии Севастопольской бухты, и начал строительство укреплений на её берегах. Благодаря мудрости А. В. Суворова, за пять лет до создания Черноморского флота в 1778 году и основания города Севастополя, в 1783 году, впервые вдоль побережья полуострова были сооружены береговые батареи. В целях дальнейшей защиты Севастополя с моря А. В. Суворов начинает разворачивать на берегах бухт артиллерийские береговые батареи, которые потребовали большого количества пушек. Императрица Екатерина II 5 июня 1783 года дает специальное поручение Григорию Александровичу Потемкину по доставке необходимых пушек в Крым для создания оборонных укреплений Севастополя. Одна из батарей по защите города от нападения противника с моря по приказу Суворова, была развернута на мысе Курона. Мыс Курона или мыс Батарейный, находится на западном берегу Балаклавской бухты. Высота его над уровнем моря составляет 56 м.

В период, с конца XIX начала XX века, когда Севастополь становится важнейшей военно-морской базой и мощной крепостью Российской империи, вооружение береговых батарей севастопольской крепости постройки 1893 – 1904 годов характеризуется, как хорошо укрепленные пушками. Для прикрытия южного направления, на основании принятого плана усиления Севастопольской крепости, Главное управление Генерального штаба приступило в 1910 году к

созданию дополнительного приморского фронта обороны, который протянулся от мыса Херсонес до Балаклавы. В соответствии с этим планом началось строительство батареи, которая получила номер 22 и была названа в честь, юного князя Николая Николаевича. В обороне Севастополя в 1941-1942 годов была в списках оборонительных сооружений под номером 19. В народе, позже, была названа батарея Драпушко, по фамилии ее командира Марка Степановича Драпушко.

Таким образом, на мысе Курона в конце XVIII века, впервые было построено сомкнутое земляное укрепление в виде неправильного четырехугольника с бастионами на трех углах, с глубоким и широким рвом, эскарпом и контр-эскарпом. На отвесном берегу построили люнет. Ров был высечен в скале. Строительство нового типа непосредственно береговой бронебашенной батареи началось в 1913-1914 гг., по постановлению Военного Совета от 14 апреля 1912 г. на территории юго-западнее Балаклавской бухты. К началу 1914 года на батарее были выполнены земляные работы на 70 %. В 1915 году строительством 19 батареи, в тот период № 22, руководил военный инженер подполковник Петров Сергей Константинович. В апреле 1915 года была закончена установка дальномерного павильона на левом фланге батареи. В мае была закончена работа над маскировкой откосов большей части батареи, задернованы скаты брустверов на левом фланге. Батарея вошла в строй в 1916 году. Она предназначалась для борьбы с крейсерами и эсминцами. На ней имелись погреба для боезапаса и бруствер, прикрывавший личный состав и орудия от огня противника с моря. Батарея выполняла оборонительные задачи совместно с батареями дополнительного приморского фронта обороны. В 1927 году при советской власти 19 береговая батарея была разоружена и стояла восемь лет. В 1935 году сооружение батареи приспособили под станцию наблюдения и связи. Перед Великой отечественной войной в орудийных дворах разместились четыре 76-мм пушки зенитной батареи №73, которая в 1942 г. была перевезена на Кавказ.

Севастопольский исследователь А. В. Неменко в книге «Севастополь. Хронология второй обороны. Год 1941» пишет, что 6 ноября 1941 года прозвучал первый залп из 152 мм пушки, был открыт огонь по противнику с батареи № 19 под командованием капитана М. С. Драпушко. Батарея вела огонь по скоплению войск и техники противника. Было израсходовано 70 снарядов. В результате вражеская колонна была рассеяна [12].

Вторая оборона Севастополя 1941-1942 гг. началась с **первого штурма** города 30 октября 1941г., и продолжался до 21 ноября 1941г. Первый штурм провалился после нанесения советскими войсками сильных контрударов и обстрела немецких позиций береговыми батареями.

Второй штурм фашисты начали 17 декабря 1941 года, когда пошли дивизии 11-й армии Манштейна. Но штурм вновь провалился 30 декабря 1941 года, благодаря героизму советских пехотинцев и моряков. Кроме того, в конце декабря 1941 – начале января 1942 года советские войска высадились на Керченском полуострове и в Феодосии, в результате чего враг должен был перебросить на это направление часть дивизий из-под Севастополя. После взятия Керчи фашистские войска развернули свой последний – третий штурм, который начался 7 июня 1942 г. и длился до 3 июля 1942 г. Враг методично бомбил и обстреливал город из самых тяжёлых орудий. 30 июня 1942 года немцы захватили Малахов курган.

Для защиты Севастополя было сформировано три сектора обороны, после присоединения Приморской армии к защитникам города их стало четыре. Согласно работам Ю. Г. Перечнева [13], проведение управления береговой артиллерией в ходе обороны Севастополя не было на постоянной основе. В первом этапе, до ноября 1941 г., береговые батареи были разделены на определённые сектора.

Важно отметить, что батарея № 19 удерживала главные подступы немцев на юге Севастопольского оборонительного региона. Она была единственной береговой батареей, которая находилась непосредственно рядом с линией фронта. И хотя командующий немецкой армии Эрик фон Манштейн в своих мемуарах утверждает, что немецкой армией было осуществлено два штурма, а первый штурм был всего лишь попыткой захвата города сходу, но именно 19 береговая батарея отражала первый штурм, оказывала поддержку огнём, уничтожала наступление и подавляла скорость наступления при подступах к первому сектору Севастопольского оборонительного региона (СОР). Вице-адмирал Черноморского флота Н. М. Кулаков в книге «Доверено флоту» писал: «Ни одна из наших тяжелых батарей не действовала тогда в таких условиях - почти на переднем крае. Две тысячи снарядов, которые 19 батарея выпустила за те дни, много значили для предотвращения глубокого прорыва врага на правом фланге обороны». Так высоко оценивал вице-адмирал Черноморского флота роль 19 береговой батареи в отражении первого штурма Севастополя [11].

4 ноября 1941 года войска флота и сухопутные подразделения, в том числе прибывшие из Одессы части Приморской армии, были объединены в Севастопольский оборонительный район. Его командиром назначен вице-адмирал Ф. С. Октябрьский, а его заместителем – генерал-майор И. Е. Петров. До 9 ноября 1941 года, включительно, защитники сдерживали натиск врага. Вечером 9 ноября, понеся большие потери, враг прекратил активные боевые действия.

На 19 береговую батарею легла вся тяжесть отражения противника в первом секторе обороны, как и 54 батарею – в третьем. Обе батареи вели боевые действия в условиях непосредственного соприкосновения с противником, они как никто другой подвергались артиллерийским обстрелам и авиационным ударам во время первого штурма города. 6 ноября 1941 года противник начал атаки с утра в районе села Шули. Он пытался сбить 2-й полк морской пехоты и овладеть его позициями. И имел в этом некоторый успех, пока в бой не вступила 19 береговая батарея [11]. 7 ноября 1941 года 19 батарея, совместно с береговыми батареями № 10, №35 и 265-го корпусного артиллерийского полка, нанесла огневой удар в направлении хутора Мекензи и по долине Кара-Коба. Это позволило 2-му Перекопскому батальону и 3-му полку морской пехоты остановить дальнейшее наступление противника, занявшего во второй половине дня хутор Мекензи.

Манштейн вынужден был подтягивать новые силы и развернуть подготовку к плановому наступлению на главную базу Черноморского флота, которое началось 11 ноября 1941 года. Противник намеревался за счет овладения высотами, господствующими над Балаклавой, заставить защитников Севастополя отступать к городу [7]. Поэтому батареи № 18, 19 и 14 стали играть главную роль в подавлении наступающих вражеских войск и танков на территории 1-го сектора. Они были очень важны в ноябрьской обороне. Батарея Драпушко как раз располагалась недалеко от линии фронта 1-го сектора и обеспечивала огневую мощь его войск. Батарея № 18 главным образом оказывала огневую помощь батарее № 19 и своим армейским частям, действовавшим на фронте 1-го сектора.

Днем 12 ноября 1941 года, 19 батарея совместно с 18 и другими вела огонь по мотоколонне противника северо-западнее деревни Варнутки. 13 ноября 1941 стал фатальным для обороняющихся 1-го сектора. Вражеские самолеты прицельно бомбили Балаклаву. В боевых донесениях указывалось, что 13 ноября 1941 года в 16:35 береговая батарея №19 вела огонь по высоте 386.6, выпустив 20 снарядов. 14 ноября 1941 года, немцы подвергли батарею Драпушко интенсивному обстрелу. Последующие дни первого штурма города Севастополя для батареи Драпушко были одновременно героическими и трагическими. В эти дни, особенно 15 и 16 ноября 1941 года, противник начал активные боевые действия против батареи. Сначала немецким войскам на этом направлении сопутствовал успех. Но, открыла огонь и 19-я батарея, она вела огонь почти в упор, с расстояния 2-3 км, шрапнельными снарядами. На подступах к Генуэзской балке противник был остановлен огнем береговых батарей № 18 и 19 и остатками 383-го полка. Немецкое наступление захлебнулось. Оборона на участке 1-го сектора держалась только благодаря огню одной береговой батареи №19. Для нее самой вопрос удержания Балаклавских высот, являлся вопросом жизни и смерти. Расположенная над входом в Балаклавскую бухту, батарея была расположена флангом к высоте 386.6. И в случае установки артиллерии противника на этой высоте, она была бы обречена. 15 ноября 1941 года, ведя огонь по немецкой пехоте в районе деревни Варнутка, Кучук-Мускомья и старого сухопутного форта, только что захваченного гитлеровцами, батарея № 19 израсходовала 486 снарядов. В этот день батарея вела почти непрерывный огонь, обеспечивая, в том числе и собственную безопасность. Пока действовала 19 береговая батарея, противник не мог установить на высоте 386.6 артиллерию и минометы большого калибра, необходимые, для того чтобы сбить советские войска на обратных скатах высоты 212.1[11]. От напряженной стрельбы тела орудий накалялись, но другого выхода не было. Батарея жила, пока вела поединок с противником. Батарея почти не имела зенитного прикрытия, начиная с 15 ноября 1941 года, непрерывно подвергалась налетам немецкой авиации. Стремясь разделаться с батареей, срывающей их атаки, гитлеровцы за несколько часов выпустили по ней около трехсот снарядов и бесчисленное количество мин. А убеждаясь, что батарея не подавлена, повторяли огневые налеты вновь и вновь. Многократно бомбила ее и фашистская авиация. На огневой позиции возникали пожары, нарушалась связь, выбывали из строя люди. Но батарея продолжала действовать, поражая и дальние, и близкие цели, последние – прямой наводкой [1].

Неся большие потери от артиллерийского обстрела, противник решил уничтожить батарею капитана Драпушко и, сосредоточил по ней огонь двух артиллерийских и несколько минометных батарей. Дважды пожар угрожал погребам с боезапасами, но каждый раз батареицы, не прекращая

стрельбы, сбивали пламя. 16 ноября, к концу дня, захватчики выбили советские части с занятой ими накануне высоты 386,6 и вышли на рубеж Генуэзской башни. Бой не прекращался и ночью. Имея превосходство в силах, к исходу дня 17 ноября 1941 года противник овладел восточными высотами, отдельные группы автоматчиков вышли на ее гребень. Это существенно изменило условия ведения боевых действий для 19 батареи Драпушко. Противник располагался на расстоянии одного километра от батареи. В пределах прямой видимости. Доходило до прямого огневого контакта личного состава батареи с противником [14].

17 ноября 1941г. ситуация в 1-м секторе складывалась сложная и противоречивая. Вершина высоты со старым фортом была занята немецкими войсками, как и вершина высоты с Генуэзской башней. Эти позиции были потеряны в ходе ночного боя. Однако в то же время советские войска получили подкрепления и попытались контратаковать немцев на высоте 212.1. В это время, огонь береговой батареи № 19 стал намного слабее. Вышли из строя все орудия. Два из них артиллеристы под руководством капитана Драпушко восстановили, но материальная часть орудий была сильно изношена. Не один раз захватчики считали батарею уничтоженной. Но утром она оживала и наносила свои огненные удары по врагу, так как за ночь, укрыв орудия брезентом, батарейцами они ремонтировались. Документы свидетельствуют, что батарея вела на позиции в Балаклаве боевые действия до 23 ноября 1941 года. Немцы находились в километре от неё [11].

Батарею можно было считать погибшей. Одним из вариантов было взорвать её, а батарейцев направить в другие части. Но командир с бойцами батареи не могли смириться с этим. Командование дало команду на передислокацию батареи с двумя орудиями. И она возродилась, на новом, неожиданном для врага месте на 7 километре Балаклавского шоссе. После передислокации 19 береговой батареи на другое место на позиции осталась группа краснофлотцев во главе с Еловым Н.В.

Второй штурм города немецко-фашистскими захватчиками продолжился 3 декабря 1941 года. Участие 19 береговой батареи Черноморского флота в отражении второго штурма так же было решающим. Газета «Красный черноморец» [10] в передовице «Месяц обороны морской крепости» сообщила: «Героически бьёт врага батарея командира Драпушко. Под ураганным огнем бойцы и командиры этой батареи устраняют повреждения и снова громят фашистские банды» [2]. Это сообщение флотской газеты свидетельствует о том, что батарея Драпушко уже в начале декабря 1941 г, продолжала вести боевые действия на новой позиции. В донесении о создании после первого штурма города стационарных батарей их значилось 7, в числе которых была указана и батарея № 19. Никто не хотел верить в то, что батарейцы 19 батареи по переднему краю обороны перетаскивали стационарные 152 мм. морские орудия за многие километры на новое место. Рассказ старшины батареи П. Ф. Запорожца и подтверждение В. Г. Никитченко, офицера – порученца генерала Моргунова, уже в послевоенные годы, развеяли эти сомнения [5]. Из четырех шестидюймовок, удалось собрать заново две [3]. На помощь личному составу 19 батареи в ремонте орудий пришли специалисты Артиллерийского ремонтного завода № 1127. При установке орудий на 7 километре Балаклавского шоссе проявили своё мастерство такелажник Чекин и военный инженер Ф. И. Бажин. Героизм батарейцев заключался не только в том, что они умело поражали цели противника, но и в том, что сохранили слаженный боевой коллектив и передислоцировали стационарную батарею на новую позицию. Отремонтировав орудия, вступили в бой с немецко-фашистскими захватчиками. На новом месте батарея Драпушко была скрыта в складках местности, с большим сектором обстрела – от Любимовки до Балаклавы, откуда продолжала наносить по врагу чувствительные удары. 17 января 1942 года было решено опробовать орудия стрельбой по заранее разведанным целям. В качестве объектов были выбраны два дзота противника над Черной речкой. Первую цель удалось накрыть с пятого снаряда, вторую с третьего. Всего было сделано 15 выстрелов вторым орудием. После второго штурма Севастополя, период с января по февраль 1942 года, считают относительно спокойным. Между немецкими и советскими войсками происходили лишь незначительные стычки. В отечественной историографии период с 2 января по 4 июля 1942 г. считают третьим этапом обороны Севастополя.

Третий штурм Севастополя, начался 7 июня 1942 года. Потери советских войск в Севастополе в этот период были очень высоки, особенно в начальный период, с января по март 1942 г. Причем, потери, которые понесли защитники Севастополя в ходе этих боев, во всех советских исторических исследованиях старались скрыть. Старались опустить описание этих боев даже их непосредственные участники. Хотя, более детальное изучение второй обороны Севастополя свидетельствует, что защитники города переходили в наступление 5 и 16 января, 27 февраля, а также 11 марта 1942 года.

Но информации об этих боях мало, как и о неудавшихся попытках Черноморского флота высадить десанты 5 января в Евпатории, 6 января 1942 года в Судак, 20 января в районе Мамашай (с. Орловка) – Кача.

В начале января 1942 года в Севастополь прибыло подкрепление, а немецкая армия, наоборот, поредела, так как существенная ее часть отправилась на восток Крыма. До мая 1942 года, ряды защитников Севастополя регулярно пополнялись новыми отрядами. 26 апреля 1942 года, 19 батарея совместно с батареями 705 и 703 участвовала в подавлении дальнобойной артиллерии противника, которая обстреливала прибывший советский транспорт с пополнением в количестве 3187 человек маршевого пополнения, 138 краснофлотцев, 143 тонн боезапаса, 48 противотанковых ружей, четыре 152-мм гаубицы, 1224,5 тонн продовольствия, 392 тонн фуража и 280 тонн угля, выпустив 44 снаряда.

В январе 1942 года прибыло пополнение на 19 береговую батарею. По этому поводу флотская газета в публикации под рубрикой «Новыми победами встретим 24-ю годовщину Красной Армии и Военно-морского флота» писала: «Комсомольская организация батареи капитана Драпушко на собрании обсудила обращение комсомольцев Московского автозавода имени Сталина, предложивших ознаменовать 24-ю годовщину Красной Армии новыми победами. Пришедшие недавно на батарею молодые бойцы-комсомольцы взяли на себя обязательство освоить к 23 февраля свою специальность и специальность одного из своих товарищей» [13]. Награжденный медалью «За боевые заслуги» командир орудия Щербак обязался подготовить молодых бойцов своего орудийного расчета к боевым стрельбам» [9]. Свои обязательства они выполнили. «Бойцы береговой обороны – было сказано в приказе командующего Черноморским флотом от 23 февраля 1942 года, – огнем своих пушек сокрушайте фашистов. Равняйтесь на батареи Матюшенко, Драпушко, Александра» [4]. В движении среди батарей на звание снайперской, одной из первых, это звание получила батарея Драпушко. Если мы проанализируем имеющиеся документы, то сложится следующая картина. По донесениям 8 января 1942 года 19 батарея вела боевые стрельбы по противнику, а 9 января 1942 г., в период так называемого затишья, она вместе со 116 батареей вела огонь на подавление огневых точек перед деревней Камары, сейчас село Оборонное, и в районе горы Гасфорта [7].

13 января 1942 г. батареи № 116, 19 и 113 обстреливали колонну автомашин и огневые точки противника в районе Черкез-Кермен и на дороге Кача – Мамашай (с. Орловка). 16 января 1942 г. в течение дня батареи береговой обороны № 116, 113 и 19 вели огонь на подавление огневых точек и живой силы противника в районах села Комары, южнее дачи Торопова, селения Нижний Чоргунь и Языковая балка. К исходу дня огонь советских батарей сосредоточился на районах старых укреплений восточнее Балаклавы, а также селений Шули и Нижний Чоргунь. Было доложено о подавлении одной минометной батареи, одной автомашины и двух повозок. Корректировщики доложили о том, что рассеяно до роты пехоты. Вместе с тем, корректировщик 116-й береговой батареи Спахов доложил о том, что снаряды береговых батарей, вследствие сильного износа стволов, часто сталкиваются с проблемой недолёта снарядов до точки поражения [7]. 17 января 1942 г. батарея № 19 вместе с батареями № 111 и № 116 вела огонь на подавление огневых точек и пехоты противника в районах восточных скатов Итальянского кладбища и дачи Торопова. Наблюдалось прямое попадание в расположение пехоты противника. 4 февраля 1942 г. батареи береговой обороны № 19, 114 и 116 подавили 2 миномётные и 4 артиллерийские батареи противника в районе деревни Дуванкой (ныне Верхнесадовое), высот Яйла-баш и Кая-баш. 8 февраля 1942 года немецкими войсками была сделана попытка обстрелять советские части в 1-м секторе, которая завершилась неудачно. Огнем 19-й и 116-й береговых батарей, два 7,5 см орудия противника выведены из строя. 10 февраля 1942 года немецкая 15 см. дальнобойная батарея открыла огонь из района Черкез-Кермен. После открытия огня советскими 19-й и 116-й батареями противник огонь прекратил 14 февраля 1942 г. при обстреле противником на 19-й батарее загорелась маскировка, состоящая из рыбацких сетей и веток. Пожар был погашен силами личного состава. В этот день обстреливались и береговые батареи № 2, 112, 115, 113. Всего по артиллерийским дивизионам береговой обороны за первые два месяца 1942 года было убито 10 человек, и ранено – 29. Маскировка батарей оправдала себя, хотя на примере батареи № 19 стало ясно, что применение для маскировки подручных материалов недопустимо. На береговых батареях, к щитам орудий начали крепить специальные дуги, на которых лежали маскировочные сети, которые чаще всего, представляли собой самодельные, из старых рыбацких сетей. С февраля, особое внимание стало уделяться маскировке объектов. 18 февраля 1942 г. 19-я батарея вела стрельбу по подавлению противника [9].

5 марта 1942 года батарея противника из района деревни Уппа (ныне с. Родное) обстреляла аэродром «Херсонесский маяк». Один МиГ-3 был разбит. Ответный огонь открыла батарея № 19. 17 марта 1942 г., батареи № 19 и 705 вели огонь по румынским частям и произвели 15-минутный огневой налет по целям 2-го сектора. 23 апреля на батарее № 703 во время стрельбы сорвался болт, крепящий стенку со щитом. Из компрессора стала идти большая течь жидкости. Потекла жидкость из накатников и на 19-й батарее. Выявлена недоброкачественность взрывателя «МР» у 6 снарядов образца 1915 года. В результате до 8% снарядов не давали разрывов. При стрельбе теми же снарядами были два случая срыва ведущих поясков, в результате чего снаряды разорвались, не долетев до цели на 3 километра, по счастливой случайности никто не пострадал, хотя в бою в этот день на батарее от снарядов противника было ранено два человека [12].

24 марта 1942 г. батарея №19 вела непродолжительный огонь по наводке корпоста в районе горы Гасфорта, по румынской пехоте и конным повозкам. В этот период стрельбы артиллерии были более результативными. В конце мая 1942 года советские войска были вынуждены оставить Керченский полуостров. Часть подразделений 51-й армии эвакуировалась на материк. После ликвидации Крымского фронта оборона Севастополя не могла долго продолжаться. Под Севастополем была сосредоточена почти вся 11-я немецкая армия, насчитывавшая свыше 200 тыс. человек. Противник располагал 2 тыс. орудий, 450 танками, 600 самолетами. Советские войска, получившие пополнение в начале июня, имели 106 тыс. человек, 600 орудий, 38 танков и 53 самолета. Город был полностью блокирован с суши [12].

В этот же период противник предпринял активные меры против Черноморского флота. Без подвоза подкрепления и боеприпасов Севастополь не мог долго сопротивляться, советским артиллеристам приходилось снижать плотность огня. Зенитная артиллерия не могла сбивать вражеские самолеты, из-за чего немцы усилили бомбардировки города [9].

С 27 мая 1942 г. Севастополь почти ежедневно подвергался артиллерийским обстрелам и бомбардировкам с воздуха. 7 июня 1942 года после продолжительной артиллерийской подготовки немецкая армия перешла в наступление. Главный удар пришелся на восточный берег Севастопольской бухты, вспомогательный – на юго-восточную окраину города. В течение 5 дней велись упорные бои, в результате которых советским войскам пришлось отступить. 18 июня 1942 года противник вышел к Инкерману и Сапун-горе. 22-26 июня 1942 г. защитники получили последнее пополнение – 142-ю стрелковую бригаду. В этот период морская блокада усилилась: авиацией неприятеля были потоплены несколько судов Черноморского флота. Лидер «Ташкент» стал последним из надводных кораблей, прорвавшихся в город. Для доставки боеприпасов и вывоза раненых стали использоваться транспортные самолеты, делавшие вылеты из Краснодара в ночное время [9].

29 июня 1942 г. немецкие войска возобновили штурм. Враг наступал практически по всей линии фронта, кроме Балаклавы. Создалась реальная угроза захвата Севастополя противником. В результате авиаударов и артиллерийских обстрелов отдельные подразделения были полностью уничтожены. У защитников осталось всего 18 тыс. солдат, 200 орудий полевой артиллерии и 20 орудий ПВО. К вечеру 29 июня 1942 года немецкие подразделения прочно закрепились в районе Сапун-горы. Самолеты Севастопольского оборонительного района совершили вылет и провели бомбардировку вражеских позиций. Днем авиацию невозможно было использовать из-за того, что немецкие истребители блокировали аэродром. 30 июня 1942 года противник продолжил наступление. Многократное преимущество в боевой технике и живой силе позволяло немецким войскам вклиниваться в линию обороны в нескольких местах. Многие советские подразделения попали в окружение и были уничтожены. К вечеру 30 июня немецкая армия захватила все основные подступы к Севастополю. Защитники были вынуждены отступить к Херсонесу и бухтам Казачья и Камышовая. 1 июля 1942 г. немцы контролировали почти все побережье в районе Севастополя. Советские бойцы, зная о невозможности эвакуации, упорно сопротивлялись. Они уничтожали все стратегически важные объекты, оборудование заводов, склады, запасы продовольствия. За период двух штурмов Севастополя, 19 береговая батарея и личный состав, как другие стационарные и вспомогательные мобильные батареи, проявили силу, мужество и героизм. Благодаря их стойкости Севастополь смог так долго удерживать свои позиции.

Береговая батарея №19 в Балаклаве до Великой отечественной войны была образцовой. Это звание она подтвердила и в ходе Второй обороны Севастополя 1941 – 1945 гг. 19 береговая батарея удерживала главные подступы на юге СОР. Она непосредственно оказывала поддержку огнём, уничтожала врага и подавляла скорость вражеского наступления при движении противника к

первому сектору СОР. На 19 батарею легла вся тяжесть отражения натиска противника в первом секторе обороны. Батарея вела боевые действия в условиях непосредственного соприкосновения с противником, она подвергалась артиллерийским обстрелам и авиационным ударам во время первого штурма города. Роль 19 батареи заключается в том, что она предотвратила попытку глубокого прорыва врага на правом фланге обороны.

Батарея Драпушко, приняла на себя главный удар неприятеля на Балаклавском направлении, остановила наступление немцев, отстояла важный район. В начале декабря 1941 года вела боевые действия на новой позиции, сохранила свой старый номер, тот же личный состав и орудия, которые были передислоцированы на несколько километров из прифронтовой полосы в тыл. Батареи в сложных условиях перетаскивали стационарные 152 мм. морские орудия за многие километры на новое место. Исследователь А. И. Меркушев сообщает, что после Великой Отечественной войны, не верили в то, что ночью, без света, без мощной техники, практически под огнем противника, в несколько десятков тонн орудия были передислоцированы на новую позицию. Рассказ старшины батареи Петра Запорожца и В. Г. Никитченко, офицера-порученца генерала Моргунова, в послевоенные годы развеяли эти сомнения. Командир батареи капитан Драпушко доказал возможность передислокации батареи на новое место в ноябре 1941 года. И уже в декабре батареи вступили в бой с двумя отремонтированными орудиями, которые ранее стояли на позиции в районе Балаклав. Ими они отражали второй и третий штурм. Роль батарейцев заключался не только в том, что они умело поражали цели противника, но и в том, что сохранили слаженный боевой коллектив и передислоцировали стационарную батарею на новую позицию. Отремонтировав орудия, вступили в бой с немецко-фашистскими захватчиками.

17 декабря 1941 года немецко-фашистские войска начали второй штурм, который продолжался до 31 декабря 1941 года и завершился для фашистов провалом. Участие 19 береговой батареи Черноморского флота в отражении первого и второго штурма Севастополя сыграло решающее значение в защите города и оттягивании сил противника. Первое и второе наступление немецко-фашистских войск на Севастополь благодаря действиям командиров и солдат 19 Береговой батареи провалились.

Планируя третий штурм, фашистское командование предусмотрело подавление батареи Драпушко. Она подвергалась постоянному обстрелу из дальнбойных орудий, бомбардировкам с воздуха. 16 июня 1942 года авиационная бомба завалила вход на командный пункт. Марк Драпушко и 6 командиров и краснофлотцев погибли [2]. Батарея, уже без него, воевала под командованием старшего лейтенанта Волчан Антона Николаевича, до 30 июня 1942 года. В этот день, произведя оставшимися зарядами последние выстрелы по колонне танков и подбив два из них, бойцы батареи уничтожили орудия и, вырвавшись из окружения, прибыли на 35 батарею.

В ходе Второй обороны Севастополя, 19 береговая батарея приняла на себя главный удар фашистских войск на Балаклавском направлении, остановила и задержала наступление врага на Севастополь, тем самым сорвала дальнейшие захватнические планы фашистов.

Список литературы

1. Басов, О. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941-1945. – М.: Наука, 1987. – 336 с.
2. Бессмертная батарея капитана Драпушко : библиогр. список / Центр. гор. библиотека им. Л. Н. Толстого г. Севастополя ; Центр краеведения ; сост. : Л. А. Денисова, А. И. Меркушев ; макет и верстка М. А. Дубовицких. – Севастополь, 2020 – 16 с.
3. Ванеев, Г. И. Севастополь 1941-1942 гг.: Хроника героической обороны / Г. И. Ванеев. – Киев: Украина, 1995. Т.1: – 30.10.1941-02.01.1942. – 253с.; Т.2: – 02.01 – 05.07.1942. – 285 с.
4. Драпушко, В. Забвению не подлежит / В. Драпушко // Советская культура. – 1987. – 21 февраля. – С. 4.
5. Маношин, И. С. Героическая трагедия: о последних днях обороны Севастополя 29 июня – 12 июля 1942 гг. / И. С. Маношин. – Симферополь: Таврида, 2001. – 208 с.
6. Меркушев, А. И. Пятьдесят семь лет он отдал Черноморскому флоту / А. И. Меркушев // Севастопольские известия – 2019. – 14 декабря – С. 10.
7. Меркушев, А. На переднем рубеже обороны / А. Меркушев // Севастопольские известия – 2020. – 15 февраля. – С. 10.
8. Меркушев, А. И. От Балаклав до Берлина. Судьба одного из героев 19-й береговой батареи / А. Меркушев // Севастопольские известия – 2020. – 13 июня – С. 10-11.

9. Моргунов П. А. Героический Севастополь. — М. : Наука, 1979. — 518 с. : сайт. — URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/geroicheskiy-sevastopol.html> (дата обращения: 18.12.2021).

10. На подступах к Севастополю // Красный черноморец. — 1941. — 22 ноября (№398). — С.1. : сайт. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view=1941_crimealib.ru%2Fpdf%2F1941_11%3D0%26nosw%3D1 (дата обращения: 18.12.2021).

11. Неменко, А. В. Первый штурм Севастополя. Ноябрь 1941 г. / А. В. Неменко. — М.: Издательство Яуза, 2017. — 215 с.

12. Неменко, А. В. Севастополь. Хронология второй обороны. Том 1. Год 1941. — 2016. : сайт. — URL: http://samlib.ru/n/nemenko_a_w/oborona-1.shtml (дата обращения: 18.12.2021).

13. Перечнев, Ю. Г. Советская береговая артиллерия: история развития и боевого применения 1921–1945 гг. / Ю. Г. Перечнев. — М. : Наука, 1976. — 336 с.

14. Симонов, К. М. Разные дни войны. Дневник писателя / К. М. Симонов. — М.: Художественная литература, 1982. Т. I — 479 с.; Т. II — 688 с. : сайт. URL: http://militera.lib.ru/db/simonov_km/index.html (дата обращения: 18.12.2021)

15 Там, Х. Ч. Боевые действия южных береговых батареи в обороне Севастополя (ноябрь 1941 г.). Историческая и социально-образовательная мысль / Х. Ч. Там // ИСОМ. — 2017. — Том. 9. — № 1. — Часть 2. — С. 73-76.

16. Шунков, В. Н. Оружие и военная техника, изменившие ход истории. История вооружений от глубокой древности до наших дней / В. Н. Шунков. — М.: АСТ, 2013. — 320 с.

Рис.1. – Карта Балаклавской бухты

Рис.2. – Карта Гераклейского полуострова. Расположение береговых батарей.

Статья поступила в редакцию 26.12.2021

Vakulova, T. V. *Defense of Sevastopol 1941-1942: the Role of the Coastal Battery 19 Named after M. S. Drapushko*

Based on the works of Sevastopol, Russian, and Soviet researchers, the article considers the reasons for the creation of the coastal battery 19 in Balaklava, its role in the defense of Sevastopol during the Great Patriotic War of 1941-1945. It is noted that the first assault on Sevastopol in October – November 1941 failed after the Soviet troops launched strong counterattacks and bombarded German positions with coastal batteries. The battery 19 held the main approaches of the Germans in the south of the Sevastopol defensive region. It was the only coastal battery that was located directly next to the front line. The second assault in December 1941 failed again, thanks to the heroism of Soviet infantrymen and sailors. The battery again played a significant role in the implementation of strategic and tactical tasks of the Soviet army. The heroism of the fighters of the battery was manifested in the preservation of a well-coordinated combat team and the unique relocation of the battery guns to a new position and the continuation of fire. The third assault on Sevastopol by the Nazis, in the summer of 1942, resulted in very high casualties. The battery was subjected to heavy shelling from long-range guns, aerial bombardment, which led to the death of the personnel and the commander Drapushko. However, during the second defense, the coastal battery took the main blow of the enemy in the Balaklava direction, stopped and delayed the German offensive on Sevastopol, thereby hindering the implementation of further aggressive plans of the enemy.

Keywords: Sevastopol, defense of Sevastopol, Great Patriotic War, coastal battery 19 named after M. S. Drapushko.

УДК 930.2:393(=16)

Основной целью данного исследования стала историческая реконструкция языческих представлений восточных славян об огненных психопомпах – проводниках в царство мертвых. Опираясь на материалы археологических раскопок древнерусских могильников дохристианской эпохи и данные древнеславянских письменных источников XI-XVI вв., авторы смогли последовательно провести анализ языческих представлений наших предков об огненных птицах, крылатых лошадях и волиебных ладьях как олицетворениях кремационного огня.

Ключевые слова: небесный мир, огненная птица, крылатый конь, кремационный огонь.

М. Н. Козлов доцент, д-р ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: kmn_75@mail.ru

Н. С. Жиртуева доцент, д-р фил. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: zhr_nata@bk.ru

ОГНЕННЫЕ ПРОВОДНИКИ В ЦАРСТВО МЕРТВЫХ В ЯЗЫЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Несмотря на тот факт, что в последнее время значительно увеличилась источниковедческая база изучения восточнославянского язычества, многие его аспекты остаются большим белым пятном в современной гуманитарной науке.

Так, долгое время для отечественных исследователей была своеобразным табу тема языческих представлений восточных славян о проводниках в царство мертвых. При этом, отдельные аспекты данной проблемы затрагивались в трудах археологов, этнографов и историков еще в XIX в.

Археолог и этнограф Д. Н. Анучин, например, в 1890 г. в своей монографии «Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда. Археолого-этнографический этюд», опираясь на письменные источники, данные археологии и этнографические источники провел реконструкцию языческой традиции доставки тела умершего к месту захоронения с помощью ритуальных ладей, специальных саней или вороного коня [2, с.151].

Советские археологи неоднократно отмечали в своих научных трудах факт наличия в древнерусских захоронениях костей жертвенных животных как части погребального инвентаря, но не развивали данную тему [9, с.76-90], [7], [8, с.46-89], [5, с. 87–99].

Сравнительно недавно предметом исторических исследований стали такие важные аспекты восточнославянского язычества, как древнерусские представления и верования, связанные с подземным и небесным мирами мертвых [19, с. 16-21].

Тема же дохристианских представлений наших предков о доброжелательных духах-олицетворениях кремационного огня до сих пор не становилась специальным предметом изучения в трудах отечественных исследователей. Между тем, без детального изучения представлений наших предков дохристианской эпохи о духах-посредниках между реальным и загробным мирами, полноценно реконструировать языческие представления наших предков о загробном мире практически невозможно. Историческая реконструкция языческих представлений восточных славян об огненных психопомпах – проводниках в царство мертвых – основная цель данной статьи.

Можно согласиться с мнением А. А. Котляревского о том, главным посредником в сознании наших предков между миром мертвых и миром живых был кремационный огонь [21, с.75].

Огонь и дым от погребального костра, поднимаясь в небо, по мнению наших предков, отправлял в небесный мир и душу усопшего. В многочисленных восточнославянских «Житиях святых» XI-XVI вв. часто встречается любопытный сюжет, в котором монахи якобы встречались с «бесами» (сожженными мертвецами), которые появлялись из черного дыма. «Житие» Авраамия – архимандрита Ростовского, например, сообщает о том, как святой в церкви якобы встретился с бесом в виде воина, «изыде смрадень из сосуда аки дымъ чернь» [11, с.225]. В «Житии» Сергея Радонежского описывается случай, когда на святого напал целый полк бесов в виде дыма и огня, от которых «пламень велик исхождаше», но после энергичных действий, совершенных святым, все бесы «аки дымъ исчезаше» [13, с. 210].

«Душа» сожженного покойника воспринималась нашими предками в виде легкого крылатого существа, напоминающего насекомое или птицу. А. А. Потебня предположил, что в сознании восточных славян-язычников души предков-«бабушек» превращались в бабочек [26, с. 45]. Эта гипотеза хорошо

согласуется с другими филологическими данными. Так, в некоторых областях России до настоящего времени бабочек называют «душечками». В Украине «душечками» называют ведьм, души которых якобы ночью летают на шабаш [37, с. 100, 285].

Есть основания утверждать, что восточные славяне-язычники верили в то, что души сожженных мертвецов превращаются в птиц. Подтверждением этому может служить чрезвычайная популярность у наших предков, как в языческую, так и раннехристианскую эпохи гаданий по их полету. В птицах, очевидно, видели души предков, предсказывающих своим потомкам будущее. Митрополит Кирилл II (XIII в.) Жалуется на то, что его паства «верует в поткы и в датля, и в вороны, и в синицы когда где хоцещи пойти, которая предупредить поиграеть, то станешь послушающе, правая или левая, ли да еще ны поиграешь по нашей мысле то мы себе глаголеше, добро ны потка си, добро ны говоришь, ркуще окаяннины а когда ны будеть пойти на долгый путь, мы послушаемь потка» [23, с.142].

«Окаяные птичы кобени» упоминаются неизвестными авторами славянских вставок к «Слову о Евангелии», «Беседе Григория Богослова об испытании града», «Слове при мытарства» Кирилла Туровского и многих других письменных источниках раннего средневековья [1, с.85, 93, 97], [23, с.173-174].

Упоминание о птицах - предвестниках несчастья находим и в «Слове о полку Игореве». Так, при перечислении всех плохих примет, которые предшествовали поражению новгород-северского князя Игоря Святославовича в битве с половцами, упоминаются и предупреждения птиц: «Уже несчастий его подстерегают птицы по дубравам орлы клекотом на кости зверей зовут» [35, с.4].

Верования в птицу как душу предка, которая прилетает к человеку перед ее смертью, долго сохранялось во всем восточнославянском мире. В народном представлении крик ворона или филина на крыше чьего-то дома предвещает в этом доме покойника. Птица, случайно залетевшая в окно дома, особенно воробей, предсказывает какую-то беду или смерть в доме [6, с.100].

Вера в преобразовании душ умерших людей в птиц была присуща не только восточным славянам, но и их ближайшим соседям – чехам и болгарам. В болгарском фольклоре некоторые мертвецы превращались в «навий» – крылатых враждебных людям существ [30, с. 461].

Таким образом, традиционной формой древнеславянских посмертных верований была вера в преобразование дыма от кремационного костра в крылатых существ – птиц или бабочек. Превращенные в птиц души-берегини отправлялись, по мнению восточных славян, в «небесное царство». Отражением языческих представлений о путешествии души-птицы в «небесное царство мертвых» было верование в существование волшебных птиц, переносящих души покойников в небесный мир.

Такими проводниками у восточных славян-язычников дохристианской эпохи, очевидно, считались вороны. Имя ворона в древнеславянском языке было табуировано. Древнеславянский термин «врань» буквально означает «черный». Интересным выглядит также единство терминов «ворон» – в значении «птица» и вороной – лошадь черного цвета [37, с. 353].

Данный факт, возможно, подтверждает наличие у восточных славян представлений о воронах как перевозчиках из реального мира в мир иной. Подобная ассоциация четко прослеживается в «Слове о полку Игореве», в тексте которого можно найти строки о предсмертном сне князя Всеслава, в котором вороны понесли его в царство мертвых [35, с.8].

Интересно, что в народном представлении лошадь черного (вороного) цвета считалась «нечистой» и имеющим связь с потусторонним миром. Таких лошадей запрещалось использовать в брачных церемониях.

Другой птицей-проводником в небесный мир в сознании наших предков был орел. В. Я. Пропп, проанализировав сказочный сюжет, в котором описывается выкармливание орла и последующий перенос этой птицей героя в потусторонний мир, пришел к выводу, что в данном разделе народного фольклора сохранилось упоминание о реальном языческом обычае, который существовал у восточных славян в дохристианскую эпоху - выкармливать и убивать реальных орлов, чтобы они в будущем перенесли своих бывших хозяев в рай [28, с.168].

Археологические источники в целом подтверждают данную теорию. Кости крупных птиц (из которых опознаны орел, сокол, ворон) зафиксированы в новгородских сопках, курганах Волго-Клязьминском междуречья, Гнездовском могильнике и т.п. [32, с. 63, 188], [9, с. 80].

Упоминания о хищных птицах-проводниках в царство мертвых сохранились в письменных источниках близких к восточным славянам балтийских племен. Так, например, как свидетельствует «Хроника Феодосия Сафоновича», одного из литовских князей по имени Свинторог сожгли вместе с оружием, конем и хищными птицами – ястребами и соколами, задачей которых было доставить сожженного покойника в «царство некоего наибольшего бога» [36, с.174].

Вера в наличие языческого божества – огненного птицы, отражением которого был кремационной огонь, имела место и у восточных славян. В древнерусском Хронографе XII в. упоминается некий огненный орел «владеющий птицами», который, по словам автора «человечю плоть ядацы» и от этого

«птица песнивая» [27, с. 115]. Славянская вставка апокрифической «книги Варуха» рассказывает о великой огненной птице, которую святой якобы увидел в раю. Эта птица летала вместе с солнцем и охраняла его [24, с. 279].

В пластике рельефной композиции «Вознесение Александра Македонского» на одном из фасадов Успенского собора Владимира на Клязьме можно было увидеть любопытный рисунок, на котором изображены грифоны, несущие вверх человека [3, с.78].

Одним из отражений культа огня - проводника в царство мертвых у древних славян IX-X вв., вероятно, стал культ петуха – солнечной птицы. Наши предки верили, что данная птица пробуждает каждое утро солнце от сна. Вера в зависимость солнца от петухов породила в свою очередь представление о существовании связи между петухами и реальным огнем. Образ петуха был связан с представлением о «черте времени», то есть границе между ночью и днем. Древнеславянское название петуха - «кур» звучит так же, как современное диалектное «кур» в значении «дым» в современных псковской и тверских областях России. Украинский «кур» означает «запах» [38, с.422].

О принесении небесным богам в жертву кур как рецидив старого культа огня упоминается во многих памятниках восточнославянской письменности. Так, в «Слове некоего Христолюбца» - источнике начале XII в., в частности, находим следующее – «и вероють въ Пероуна и въ Хърса и въ Сима и въ Регла ... и коуры имъ режут. И огневи молятся же ся, зовуще его Сварожичем» [1, с.374].

Сведения о петухах, приносимых в жертву языческим богам помещено между перечнем «верхних» богов (Перуна и Хорса) и упоминанием олицетворение огня – Сварожича, далеко не случайно. Языческий бог огня, Сварожич, представлялся нашим предкам отражением небесного огня, отсюда и имя бога – Сварожич (сын Сварога – неба). Представителями «верхнего мира» в источнике выступают Перун и Хорс; петухи – жертвы же предстают в данном случае посредниками между огнем и небом.

Схожие обряды описал и неизвестный автор славянской вставки к «Слову об идолах» Иоанна Златоуста – «А друзии (молятся) Перуну, Хоурсу и куры им режутъ» [1, с. 89].

Сведения отечественных письменных источников согласуются с данными иностранных авторов. Так, согласно сообщению Льва Диакона, воины князя Святослава Игоревича, совершив обряд кремации тел погибших воинов и убитых невольников, задушили нескольких младенцев и петухов и утопили их тела в водах Истра [22, с. 78]. Подобные действия должны были способствовать последующему возрождению погибших воинов в виде младенцев, а ускорить этот процесс должны были петухи – посредники между мирами.

Схожие данные сообщает Константин Багрянородный в своем сочинении «Об управлении империей». Согласно данному источнику восточные славяне-язычники приносили в жертву священному дубу олицетворению какого-то небесного бога, живых петухов на острове Хортица [20, с. 49].

Очевидно, по языческим канонам мясо кур использовали в пищу только во время поминальных праздников. В остальные дни употребления этих птиц было запрещено. Испанский автор арабского происхождения Аль-Бекри сообщает в одном из своих произведений, восточные славяне опасались есть кур, чтобы не вызвать гнев богов [16, с. 54].

Согласно данным археологии, кости петухов наряду с останками лошадей и собак фиксируются археологами в большинстве дружинных захоронений [9, с. 84-85]. Как рецидив кремации, обычай класть в могилу петухов или убивать их над телом недавно умершего человека, сохранился вплоть до XIX в. в некоторых областях Украины и Саратовской губернии России [21, с. 86]. Подобный обычай был зафиксирован также в некоторых районах Чехии и Польше [40, с. 56, 151].

В народном сознании петухи как олицетворение огня могут очищать человеческое жилище от нечистой силы. Так до нашего времени в некоторых районах России принято выносить белье и одежду в курятник, чтобы петухи очистили ее от нечистой силы [14, с. 349]. Хорошим средством защитить будущий дом от негативного влияния считалась у жителей Курской области и Белоруссии тушка петуха, положенная в фундамент жилья [14, с. 315].

Другим распространенным сюжетом в индоевропейской мифологии конца I тыс. н. э. было путешествие покойника в загробный мир верхом на огненном коне – олицетворении кремационного огня. Вера, в крылатого коня – посредника между миром мертвых и миром живых, вероятно, возникло в результате эволюции древних представлений об огненной птице – олицетворении кремационного костра [28, с. 59]. Так, в большинстве письменных и фольклорных источников священные лошади, выступающие в качестве посредников между двумя мирами, больше напоминают огневых птиц, чем реальных лошадей. Обычно они имеют в сказке или легенде красный, или желтый цвет, а также большие крылья, когти и т. п. Их путешествие в «иной мир» вместе с покойниками «выше леса стоячего», «ниже облака летучей» напоминает полет птиц.

Священный конь – посредник между «земным» и «небесным мирами» – один из самых распространенных спутников главных героев греческой, германской, кельтской мифологии. Особенно данные верования были присущи норманнам, которые в свою очередь, оказали большое влияние на

идеологические представления восточнославянской военной элиты IX-X вв. Так, согласно канонам норманнской языческой идеологии, погибший в бою воин мог попасть в северогерманский рай «Вальхаллу» только с помощью бледного коня – вестника богов или погребальной лады.

В «Старшей Эдде», например, следующие строки:

«Ехать пора мне на бледном коне
по воздушной тропе
путь свой направлю
по алой дорожке
на запад от неба» [39, с. 223].

У древних славян, особенно балтийских, конь считался олицетворением солнца и других небесных богов и использовался в качестве оракула. Так, например, в «Первом Жизнеописании Оттона Бамбергского» рассказывается о священном коне, с помощью которого одно из славянских племен якобы узнавало волю своих богов. Если это племя готовилось к вооруженному походу, то священное животное проводило через ряд копий, и, судя по его поведению, предугадывали последующие события [21, с. 58].

По словам Саксона Грамматика, такие лошади являются олицетворением древнеславянского бога Свентовида и почитались многими местными племенами на острове Рюген [31, с. 44-45].

Вероятно, из представлений об огненном коне как посреднике между миром живых и миром мертвых возник у восточных славян обычай привозить тело покойника к месту захоронения на коне. Так, в Сильвестровском списке «Жития Бориса и Глеба», время написания которого относят к концу XII в. сообщается о том, что перед погребением тело киевского князя Бориса «възложив на коня повезоша» [34, с. 52]. Галицкого князя Василька, как свидетельствует «Киевская летопись», после ослепления «яко мертв» завернули в ковер и посадили на коня [29, с. 235].

Интересное сообщение, характеризующие нравы украинцев XVII в., можно найти в труде польского священника Иоанна Менция «О языческих обычаях» пруссов, ливов и других соседних народов». Согласно данному источнику, украинцы обычно перед похоронами покойного одетого и обутого, сажали на коня и везли на кладбище [17, с. 152].

После доставки тела умершего к месту захоронения, конь, на котором везли покойника, возможно, приносился в жертву умершему. Он должен был доставить душу покойника в загробный мир. Курганы с лошадиными захоронениями зафиксированы археологами в восточной части Новгородской области, а также Калининской, Ярославской, Владимирской областях, в юго-восточном Приладожья [5, с. 87].

Вероятно, наибольшее распространение культ лошади – проводника в царство мертвых, получил среди высших социальных слоев восточнославянского общества. В так называемых «дружинных» курганах довольно часто встречаются захоронения покойника с лошадью. Особенно характерным был данный обычай для захоронений XI-X вв. в некрополях древнерусских городов Киева, Новгорода, Ярославля, Чернигова, Смоленска и т. д., а также могильников, расположенных вблизи этих племенных центров – Гнездовского, Михайловского, Тимиревского, Петровского, Шестовицкого и т. д. [9, с. 77-83].

Археологические данные находят подтверждение со стороны письменных источников. В «Житии Константина Муромского» неизвестный автор, например, с возмущением сообщает о том, что некоторые представители высших слоев восточнославянского общества «кони закалающе по мертвых» [10, с. 231].

Исключительный интерес в свете исследований языческих представлений о пути покойника до «небесного царства» верхом составляет рассказ «Повести временных лет» о расправе киевского князя Владимира Святославича и его окружения над языческим богом Перуном. Киевский князь, как утверждает летопись, «Перуна же повеле привазаты коневу к хвосту и влади с горы» [25, с. 80]. Расправа князя Владимира над своим бывшим патроном Перуном, вероятно, должна была символизировать торжественные похороны бога, переход его из реального мира в потусторонний. Таким образом, путь Перуна к потустороннему миру проходил с помощью лошади как главного проводника к небесному царству мертвых.

Интересно отметить, что даже после принятия христианства миф о том, что мертвецы ездят обычно на лошадях сохранились еще многие столетия не только в народной среде, но и среди христианского духовенства. Так, например, под 1092 автор «Повести временных лет» сообщает, что «навьи» стали «во дне являтися на конь» [25, с. 141].

Интересные данные, характеризующие представления наших предков о лошадях – посредниках между двумя мирами содержатся и в «Житии святого Иоанна архиепископа Новгородского» – источнике XV в. В нем можно найти рассказ о том, как один из местных священнослужителей своими молитвами «укротил черта», превратив в лошадь и с ее помощью отправился в Иерусалим [12, с. 74]. В том же источнике представлены данные о появлении другого коня, который якобы принес святому «с неба» несколько мешков с деньгами [12 с. 70-71].

Важным посредником между реальным миром и небесным «царством мертвых» в индоевропейской мифологии, кроме «волшебной птицы» и «крылатого коня», считалась захороненная вместе с умершим

ладья. Этот аспект языческих верований общинноевропейской мифологии был связан с представлением о существовании где-то за небесным морем волшебной страны, в которой можно добраться только с помощью специальной погребальной ладьи [4, с. 109].

В народном представлении погребальная ладья часто ассоциировалась с самым потусторонним миром. Показательным представляется в этом отношении созвучность древнеславянских слов «навь», «навье» в значении «мертвец», «покойник» с санскритским «нав» – корабль, и латинским словом «navis» – «ладья» [21, с. 62]. В украинском языке термин «навь» означает одновременно «судно» и «гроб» [15, с. 125]. В так называемых «простых» древнеславянских захоронениях конца I тыс. погребальные ладьи до сих пор обнаружены не были. Это свидетельствует о том, что широкое распространение миф о путешествии покойников в царство мертвых с помощью «погребальной ладьи» в восточнославянском обществе не получил. Вместе с тем ладейные заклепки были найдены археологами в некоторых так называемых «дружинных захоронениях» могильниках, а также некрополях древнеславянских городов Ярославля, Ладоги, Киева [32, с. 248]; [7, с. 5, 43, 74].

Некоторые исследователи объясняют наличие в восточнославянских курганах ладейных заклепок и других атрибутов норманнской погребальной обрядности наличием в составе княжеских дружин определенного количества наемников-викингов [18, с. 132].

Между тем целый ряд письменных источников свидетельствуют о том, что в конце I тыс. обычай трупосожжения или трупоположения в ладьях был широко распространен в древнерусской воинской среде повсеместно. Так арабский путешественник Ибн-Фадлан сообщает в своих «Записках», о том, что русы и в их числе «простые люди» (вероятно дружинники) сжигают своих мертвецов в ладьях [33, с. 96]. В этой связи можно согласиться с В. В. Седовым, предположившим, что во второй половине X в. обряд трупосожжения в ладье из этнического (норманнского) превратился в социальный (присущий всей древнерусской дружине) [32, с. 252].

Таким образом, можно сделать вывод, о том, что у восточных славян-язычников существовали традиционные представления о кремационном костре как некоем проводнике в небесный мир. Олицетворением погребального костра считались огненная птица, крылатый конь и волшебная ладья.

Список литературы

1. Аничков, Е. В. Язычество и Древняя Русь / Е. В. Аничков. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1914. – 386 с.
2. Анучин, Д. Н. Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда. Археолого-этнографический этюд / Д. Н. Анучин. – М.: Типография О. О. Гербек, 1890. – 151 с.
3. Вагнер, Г. К. Грифон во Владимиро-Суздальской фасадной скульптуре / Г. К. Вагнер // Советская археология. – 1962. – № 3. – С. 78-91.
4. Вундт, В. Миф и религия / В. Вундт. – СПб.: Типография Брокгауза и Ефрона, 1875. – 409 с.
5. Голубева, Л. А. Конские погребения в курганах Северо-Восточной Руси VIII- XI вв. / Л. А. Голубева // Советская археология. – 1981. – № 4. – С. 87–99.
6. Даль, В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. Материалы по русской демонологии / В. И. Даль. – СПб.: Литера, 1996. – 448 с.
7. Дубов, И. В. Новые источники по истории Древней Руси / И. В. Дубов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 176 с.
8. Дуйчев, И. К. К вопросу о языческих жертвоприношениях в Древней Руси / И. К. Дуйчев // Культурное наследие Древней Руси. – М.: Наука, 1966. – С. 46-89.
9. Жарнов, Ю. Е. Животные в погребальном обряде / Ю. Е. Жарнов // Советская археология. – 1991. – № 2. – С. 76-90.
10. Житие Константина Муромского // Памятники старинной русской литературы, изданные Н.И. Костомаровым. – СПб.: Издательство императорской академии наук, 1860. – Т.1. – С. 229-235.
11. Житие преподобного отца нашего Авраамия архимандрита Ростовского // Жития святых в XII книгах. – Киев: Изд-во Киево-Печерской Лавры, 1855. – Кн.2. – С. 224-227.
12. Житие отца нашего Иоанна архиепископа Новгородского // Жития святых в XII книгах. Киев: Изд-во Киево-Печерской Лавры, 1855. – Кн.1. – С.73-77.
13. Житие преподобного отца нашего Сергия Родонежского // Жития святых в XII книгах Киев: Изд-во Киево-Печерской Лавры, 1855. – Книга 1. – С. 210-213.
14. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М.: Наука, 1991. – 507 с.
15. Земський, Ю. Народні уявлення про життя та смерть у дослідженнях подільських краєзнавців кін. XIX - поч. XX ст. / Ю. Земський // Берегиня. – 1998. – № 3-4. – С. 116-127.
16. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах. – СПб.: Изд-во Императорской академии наук, 1878. – 192 с.

17. Иоанн Менеций. О языческих обычаях прусов, ливов и других языческих народов / Менеций Иоанн. – СПб: Типография О. О. Гербек, 1837. – С. 149-153.
18. Кирпичников, А. Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь (На материалах восточнославянских племен и Древней Руси). – Сборник научных трудов. – Киев: Наукова думка, 1980. – С. 111-130.
19. Козлов, М. Н. Небесный мир в языческих представлениях восточных славян / М. Н. Козлов // Парадигмы истории и общественного развития. – 2020. – №20. – С. 16-21.
20. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Константин Багрянородный. – М.: Изд-во АН СССР, 1989. – С. 337.
21. Котляревский, А. А. О погребальных обычаях языческих славян / А. А. Котляревский. – М.: Синодальная типография, 1868. – 275 с.
22. Лев Диакон / Лев Диакон. – История. – М.: Наука, 1988. – 239 с.
23. Описание рукописей Воскресенского первоклассного именуемого новый Иерусалим, монастыря, писанных на пергаменте и бумаге // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. – 1859. – Т.8. – Вып. 2. – С. 117-152.
24. Откровение Варуха, когда послан был к нему ангел Рафаил по повелению господню в святой град на Сион-гору и когда плакались плакания Иерусалимовы // Златоструй. Древняя Русь X-XIII веков. – М.: Наука, 1990. – С. 276-282.
25. Повесть временных лет. Под ред. и с пред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.-Л.: Изд-во АН. СССР, 1950. – 239 с.
26. Потебня, А. А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий / А. А. Потебня. – М.: Типография Императорской академии наук, 1865. – 310 с.
27. Приложения к протоколам к запискам о Русском Хронографе. А. М Лазаревского // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. – 1860. – Т. 9. – Вып. 2. – Стб. 112-117.
28. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – 365 с.
29. ПСРЛ. Т.2.: Ипатьевская летопись. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 938 стб.
30. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1987. – 782 с.
31. Саксон Грамматик. Деяния даннов / Саксон Грамматик. – Т.2. Перевод с латинского языка и комментарии А. С. Досаева. – М.: Русская Панорама, 2017. – 616 с.
32. Седов, В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв. / В. В. Седов. – М.: Наука, 1982. – 327 с.
33. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X в. Собрание, перевод и объяснения Гаркави А. Я. – СПб.: 1870. – С. 82-116.
34. Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV века. – СПб.: Типография Императорской Академии наук Изд-во, 1860. – 147 с.
35. Слово о полку Игореве. Вступительная статья и редакция текста И. Глазунова. – СПб. Типография М. М. Стасюлевича, 1897. – 22 с.
36. Софонович, Ф. Хроніка з літописців стародавніх. – Киев: Наукова думка, 1992. – 334 с.
37. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1964. – Т.1. – 573 с.
38. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1971. – Т.2. – 672 с.
39. Эдда. Скандинавский эпос. Под ред. С. Свириденко. – М. Типография О.О. Гербек, 1917. – 377 с.
40. Bylina Stanisław. Człowiek i zaświat u wizje kar posmiertnych w Polsce sredniowiecznej / Stanisław Bylina. – Warszawa. – 1992. - 220 s.

Статья поступила в редакцию 20.11.2021

Kozlov, M. N., Zhirtueva, N. S. *Fire Guides to the Realm of the Dead in the Pagan View of the Eastern Slavs*

The main purpose of this study was the historical reconstruction of the pagan ideas of the Eastern Slavs about the fiery psychopomps – guides to the realm of the dead. Relying on the materials of archaeological excavations of ancient Russian burial grounds of the pre-Christian era and data from Ancient Slavic written sources of the 11th-16th centuries, the authors were able to consistently analyze the pagan ideas of our ancestors about fiery birds, winged horses and magic boats as personifications of cremation fire.

Keywords: heavenly world, fiery bird, winged horse, cremation fire..

УДК 141:[321.01+271.22-12](470+571)(094)

Прослеживается эволюция религиозно-идеологических взглядов отечественных мыслителей XIX–XX вв. в поиске истинного смысла историософской концепции «Москва - Третий Рим» как ориентира для развития русской государственности; раскрываются религиозно-мессианские, мистические и эсхатологические аспекты идеологии «Москва - Третий Рим» и «Святая Русь» для обоснования русской имперской идеи, заключающейся во всемирно-историческом призвании России - объединении славянского мира в православную империю, способную противостоять западной цивилизации.

Ключевые слова: концепция «Москва - Третий Рим», мифологема, Российская империя, историософия, русская имперская идея, мессианская идея, христианская духовность, православная вера.

Е. В. Скребец, профессор, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: L_skrebec@mail.ru

И. А. Галяс, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: Korol_Irina9@mail.ru

Я. В. Матвеева, ассистент

Севастопольский государственный университет

E-mail: matveyeva.yanina@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ» В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИМПЕРСКОГО ДИСКУРСА

Актуальность темы определяется возросшим интересом современных отечественных исследователей к поиску нового транслисторического мессианского смысла средневековой историософской концепции «Москва – Третий Рим» как ресурса для обоснования геополитических намерений современной России и укрепления ее статуса как большого государства в динамично меняющемся глобальном мире.

Цель статьи: проанализировать религиозно-идеологические воззрения отечественных мыслителей XIX – XX вв. в поиске достижения идеальной органической территориальной формы существования России как наднационального государства, базирующегося на сверхэтническом пространстве, этнокультурном разнообразии и православно-славянской идеологии имперостроительства.

Процесс архаизации, который начался после распада Советского Союза, и свертывания пространства России к рубежам периода Московского Царства вызвал необходимость оформления геополитической идентичности новых государственных образований на постсоветских территориях и привел к актуализации испытанных на протяжении столетий идеологем. Популярность словосочетания «Москва – Третий Рим», который встречается в названиях трудов современных российских исследователей, таких как А. Малер, А. Неклесса, А. Панарин, Н. Сеницына и многих других, свидетельствует об актуальности этого образа в посткоммунистической России [9;12;14;17]. Отечественные мыслители активно обращаются к данной концепции для обоснования геополитических намерений современной России, укрепления ее статуса большого государства и в поисках возможностей консолидации нации в современных условиях.

Основы мифологемы Третьего Рима, которые используются в новейших версиях русской имперской идеи, были изложены в посланиях старца Филофея Псковского (1462-1542) Василию III и

дяку Пскова Мисюрю Мунехину. В соответствии с самой распространенной версией, критикуя искажение православия, которое состоялось после падения его бывших центров – Рима и Константинополя вследствие отступничества от православной веры, Филофей называет единственным носителем истинной веры Русское царство. Подчеркивая величие власти русского государя, Филофей призывает его, как преемника власти византийского Василевса, возглавить миссионерскую деятельность по обращению в христианство других народов.

Согласно идеологии современных отечественных неоконсерваторов, идея исторического преемничества империи от Первого и Второго Рима, выявила необходимость государственной централизации и укрепления политического могущества России, превратилась в элемент концептуального наследия периода Российской империи и способствовала формированию основ имперской идеологии, без которой было немыслимо развитие самой империи.

Историософская концепция «Москва – Третий Рим» впоследствии послужила основой для создания патриархом Никоном теории «вселенского государства», модель наднационального объединения которой была использована властью Российской империи в более поздние периоды. Из историософской концепции со временем была сформирована идеологическая система, в соответствии с которой начиная с XVI в. трактовалась политическая история России. «Предимперские» идеи, которые содержатся в трудах митрополита Иллариона и концепции Филофея о Москве как о Третьем Риме, заложили мировоззренческую основу определения России как единственного оплота истинного христианства в мире, возможностей воссоздания источников ее могущества в разных исторических условиях и оправдали в глазах русских «имперцев» русскую территориальную экспансию «до конца мира». Концепция возрождения величия Византийской империи в Русском государстве, возникшая в XVI в., стала осуществлять влияние на международно-политические доктрины Русской империи, ее традиции были возрождены в XIX – начале XX вв. и продолжают существовать сейчас в форме элементов политических программ и теоретических исследований российских ученых.

Религиозно-идеологические основы русской имперской идеи были сформированы в середине XIX – нач. XX вв. с распространением идеи достижения земного величия Русского государства как православной империи и обоснованием ее неограниченного территориального расширения. Об универсально-общечеловеческом измерении русской государственности, в частности, писали Ф. Достоевский, Вл. Соловьев, К. Леонтьев. Православные мыслители развивали концепцию имперостроительства и духовной экспансии как единственно возможный спасительный русский путь – идея, которая позже трансформировалась в идею имперского расширения православного государства к вселенским размерам. Преемственность от византийских императоров, как считает Н. Бердяев, послужила основой «укрепления воли к могуществу» [5, с. 50]. Русская «воля к сверхчеловеческому величию», «дух русского православия», по мнению философа-богослова Г. Федотова, проявились в империи [22, с. 420]. Г. Федотов писал, что от погибшей Византии Москва унаследовала вселенскую идею, которая превратила Россию в православную вселенную [21, с. 446]. Концепция «Москва – Третий Рим», предусматривая вселенскую миссию России, которая хранит Православие и расширяет его границы, способствовала формированию идеологии создания обширной империи для решения русским народом религиозной задачи – возобновления на Земле образа Троицы. В современной концепции «Москва – Третий Рим» обоснована идея универсальной православной империи, которая базируется на сверхэтническом пространстве и этнокультурном разнообразии.

Одной из основных модификаций, внесенных Россией в имперское мироощущение и имперскую стратегию, современный русский историк С. Лурье считает то, что империя, передвигая внешние границы России, расширяла рубежи потенциального Православия. Автор утверждает, что россияне, таким образом, увеличивали зону его влияния, расширяя зону своего расселения [8]. Территория России стала ограничивать «империю правды», «Святую Русь». С. Лурье отмечает, что идеологиемы Москвы как Третьего Рима и Святой Руси связаны между собой: «и в той, и в другой идет речь о царстве истинного благочестия, единственном во всем мире». Однако доктрина Третьего Рима связана с конкретным местом, конкретным государством, а носителем ее может быть кто угодно, то есть каждый, кто примет Православие и Русское подданство, а идеологема Святой Руси носит более выраженную этническую расцветку, ее локализацию С. Лурье называет «скользящей» – то град Китеж, то Беловодье [8]. Поиски подобного Беловодья, побег народа от государства, реально выливались в колонизацию новых земель, и, таким образом, конфликт разных интерпретаций единственной культурной темы оборачивался негласным сотрудничеством народа и государства в создании Православной Империи [8].

Идея Третьего Рима, согласно исследованию парадигмы, определяла векторы территориального развития Русской империи, а православно-славянская идеология имперостроительства обеспечивала

динамику территориальной экспансии. Суровая централизация присоединяемых пространств, в свою очередь, обосновывалась духовными заданиями, чем объясняется гипертрофия русского государства, тоталитарные черты ее политических режимов. А. Митрофанов, поддерживая общепринятую версию, считает, что концепция Третьего Рима «на век определила государственную и национальную политику Московского государства» [11, с. 230]. Универсальная роль России, по его мнению, заключается в исполнении пророчеств Святого писания, и именно политическая доктрина Третьего Рима «позволила государственной власти России и народа распространить свое влияние и свою землю на одну шестую часть света, тогда как образованный Запад, наследуя Западную Римскую империю и церковный институт папства, только и делал что дробился на крошечные «передовые государства»» [11, с. 234].

Геополитическая преемственность между Вторым и Третьим Римом, согласно положению современных версий русской имперской идеи, став одним из основных источников национальной идеи периода Русской империи, была закреплена в конкретных политических формулах. Имперские черты русской государственности – ее неограниченная территориальная экспансия, государственное могущество «любой ценой» оправдывается в свете концепции Третьего Рима, которая регламентирует укрепление положения Православия и численности православных в мире. Известный русский историософ А. Малер, исследуя проблему сакральности Империи, описывает феномен «*Translatio Imperii*», теорию преемственности имперской миссии, которая объясняет ход мировой истории периодическими перевоплощениями той же империи. Основанием этой теории автор называет авраамическую историософию о «четырех царствах», латинскую теорию о Вечном Риме и христианской идее Катехона («удерживающего») [9, с. 130]. Принятая Россией, согласно концепции Третьего Рима, катехоничная государственность, по мнению А. Малера, – «это вовсе не идеал, это лишь нормальное, нормативное состояние общества, это не попытка построить на земле Рай, а попытка не допустить на земле ад, «аномию»» [10, с. 4]. А. Малер объясняет крах Византийской империи именно ошибочной целью ее внешней политики: сохранением ее территории Православия, которая осталась, вместо расширения по всем направлениям [9, с. 133].

Описывая процесс создания этой идеологии, А. Малер в своей книге «Духовная миссия Третьего Рима», отмечает, что геополитические масштабы единственно независимой православной страны сделали Россию Третьим Римом в сознании всей православной ойкумены [9, с. 136]. Автор утверждает, что из православного клерикализма логично может vyplывать оправдание русского империализма и даже русского национализма, но только в исключительно христианском смысле. Современные русские неоклерикалы, как и неовизантисты, идеологию которых исследует А. Малер, кроме принципиального наставления на миссионерскую экспансию Церкви, предлагают многочисленные проекты русской мессианской экспансии.

А. Малер пришел к выводу: как геополитическая основа православной цивилизации Россия должна развернуть свое влияние по всей планете, и уж по меньшей мере – в пространстве всей Северной Евразии. Сверхцелью этого влияния, по его убеждению, является интеграция всего православного мира вокруг России, формирования единого православно-политического блока. А. Малер считает этот проект абсолютно реальным, потому что «Россия несет в православном мире столичные функции, а ее геополитический вес многократно превышает возможности всех остальных стран восточно-христианского мира вместе взятых. Россия действительно или будет большой сверхдержавой, или ее не будет вообще, поэтому вопрос о возобновлении естественных исторических границ Русской Империи остается в силе» [10, с. 4]. Новой идеологией России, как считает И. Друзь, не может быть вульгарный русский национализм, секулярный по своей сути. Он приведет россиян к гибели и как христиан, и как народа. Возрожденная идея Третьего Рима, которая владеет всемирной универсальностью, и соответствующая геополитика – вот путь спасения [6, с. 240].

Достижение идеальной органической территориальной государственной формы России и духовных ее основ, согласно современным версиям сторонников концепции Третьего Рима, возможно только в империи. Православное сознание, как утверждает А. Окара, воспринимает православную Империю не просто как одну из форм социальной самоорганизации или духовного союза людей, но как бастион в борьбе с антихристом и мировым злом [13]. Однако, в современных условиях апостасии традиционного общества и необратимого кризиса монархической формы правления и монархического правосознания, в идеальном случае «катехон» является «совокупностью православных государств (или государств с подавляющим большинством православного и условно-православного населения, исторически существующих в стереотипах восточно-христианской культуры и идеологии – православная поствизантийская ойкумена, «Византийское Содружество

Наций», восточноевропейская цивилизация), которая должна удерживать «современный остальной мир» от торжества антихриста вплоть до Второго Пришествия». Без православной империи, согласно его идеям, православию принципиально не удастся воплотить идеал «симфонии» светской и духовной власти. На данный момент именно Россия, считает А. Окара, из всех стран восточно-христианской Ойкумены по разнообразным причинам ближе всех к православному геополитическому идеалу (поэтому ориентация на «православную геополитику» не может соединяться с русофобией и москвофобией), однако «православная геополитика» вовсе не тождественна с понятием «геополитика России» [13].

Имперская идея, таким образом, укрепились в идеологии, которая обеспечивала единство государственного организма, оправдывала новые территориальные приобретения государства, сакрализировала имперскую форму, закрепляя непримиримость с другим статусом России как признаком гибели мира. Концепция Третьего Рима способствовала обеспечению целостности процесса государственного и имперского строительства и, одновременно, отвечала русским религиозным поискам, характеристике всей философской русской мысли как религиозной (что отмечал, например, В. Зеньковский).

Славянофил Ю. Самарин выражал мысль, что именно Православная Церковь на Руси «оплодотворила ту почву, на которой возвысилось государственное строение», именно она обеспечила духовную силу и единство империи [16, с. 530]. Другой представитель славянофильского направления И. Аксаков сформулировал понятие составляющих русского мессианства и русского империализма как его выражения. По его мнению, русское мессианство в своем распространении, кроме рациональных причин, имеет «внутренний двигатель», который обеспечивает «единство народного духа» и является «духовно-органической силой» русской государственности [2, с. 798]. О потенциале русского народа и России как залога ее большого будущего, в поисках имперского величия, писал П. Чаадаев (в «Апологии сумасшедшего»). Один из значительных представителей русской религиозной философии XX в. Н. Бердяев подчеркивал, что для истории русского мессианского сознания историческая идея о Москве как о Третьем Риме имела очень большое значение. Однако Н. Бердяев отмечал и двойственность концепции Третьего Рима, которая оказалась в империалистическом искушении русского мессианского сознания. Как он утверждал, духовный провал этой идеи заключался в том, что Третий Рим «сложился как Московское царство, потом как империя и, наконец, как Третий Интернационал» [4, с. 12-13]. Сходство социалистического мессианизма с ветхозаветным замечали С. Булгаков, Г. Федотов.

Н. Бердяев писал, что идеология Третьего Рима способствовала укреплению и могуществу московского государства, царского самодержавия, но не развитию церкви, не росту духовной жизни [4, с. 13]. Московское Царство, как считал Н. Бердяев, не осуществило мессианскую идею Третьего Рима, но и постпетровская империя не была органичной, следовательно, создала бездну между «полицейским абсолютизмом и священным царством» [5, с. 50]. Н. Бердяев отмечал такие черты русского мессианства как его универсальный и всемирный характер, однако противопоставлял русскую мессианскую идею и имперскую идею как государственный проект. Как писал Н. Бердяев, в русском мессианстве «чистая мессианская идея Царства Божьего, царства правды, была омрачена идеей империалистической, волей к могуществу» [4, с. 222]. Бесчеловечность, жестокость, несправедливость, рабство человека, как считал Н. Бердяев, реализовались в империи, а Третий Рим не «должен быть могучим государством» [5, с. 102]. Образование огромной империи, рост государственного могущества, по его мнению, имели обратной стороной русскую вольницу, выход из государства, физический или духовный. Н. Бердяев пришел к заключению, что православная идея в Русской империи была дополнена, а потом смещена идеей государственной силы, которая оттеснила церковную жизнь на второстепенное место. Этой идеологической динамикой и соответствующими процессами впоследствии были объяснены крах российской, потом советской государственности и постепенное свертывание ее пространства к границам XVI в.

По мнению С. Лурье религиозно-политическим оправданием и могучей идеологической доминантой русского государства, «существующего только за счет постоянного перенапряжения сил, да еще и раздираемого внутренним конфликтом», была наследуемая от Византии идея большого православного царства [8]. Современный историк В. Ачкасов, напротив, считает, что идейная формула «Москва – Третий Рим» породила «цивилизационный изоляционизм», который из церковной и политической идеи превратился в стойкую доминантную характеристику народной культуры [3, с. 26]. По его мнению, в середине XIX в. в знаменитой теократической формуле графа С. Уварова – «Православие. Самодержавие. Народность» были закреплены «основные маркеры русской идентичности», которая имела явную связь с концепцией Третьего Рима [3, с. 32-33]. Современные российские исследователи отмечают, что идеи Третьего Рима неизгладимо отобразились в сознании

русского народа, воплотились в мессианское назначение России и обеспечили дальнейшее воссоздание ее имперских устремлений. Как пишет А. Неклесса, «уваровская триада не что другое, как известная рационализация, а точнее, идеологизация православно-государственного мифа старика Филофея. Тема та же самая – Россия отличается от католическо-протестантской Европы здоровой целостностью своей цивилизации, традиционным сотрудничеством народа и государства в рамках православной системы ценностей» [7, с. 50].

Православие, таким образом, является основой мессианского сознания русской нации, святости и иерархичности русской власти, русского самодержавия и империи как единственного вселенского царства, величие которого связано с его могуществом, исключительным значением его правителя. Россия, согласно трудам сторонников концепции Третьего Рима, способна через духовные черты ее населения, выполнить функцию объединения разных этносов и регионов мирового пространства в единственный специфический тип цивилизации. Формулирование легитимации современных версий возможного «сбора земель» Россией вызывает «употребление средневековой концепции для сохранения духовного ядра русской православной культуры» [12, с. 12].

Во вселенское назначение русского государства верил В. Соловьев; Россию и славянство он считал «новым домом Давидовым в христианском мире». Славянофил А. Хомяков признавал, что «вопрос о России во всех отношениях есть без сомнения единственный истинно-всемирный вопрос нашего времени» [19, с. 258]. Г. Федотов называл Россию «средоточием мира» [21, с. 445]. Идея исторического преемничества империи от Первого и Второго Рима (Византии), следовательно, перенесла Россию на центральное место в миросистеме, превращая в периферию другие территории. Стойкость и прочность внутренних геополитических образов, которые воссоздаются на очередном витке развития русского государства, продолжают определять значение России и в современном мире. А. Митрофанов утверждает, что новое идеологическое возвышение единодержавной власти отвечало новому политическому положению государства, которое объединялось, и заслугой Филофея, по мнению А. Митрофанова, было сведение положения об особенной роли России и ее правителей к высшему идеологическому уровню величия и ответственности за ход событий в мире. Обоснование периодизации мировой истории и значения Москвы как «настоящего и безусловного центра мира» привело автора, в свою очередь, к идее об «особенном, своеобразном пути строительства нового русского государства» [11, с. 226].

М. Чаев доказывает, что идея Третьего Рима возникла как программа для утверждения международного положения страны. Эта теория, согласно М. Чаеву, развивала представление о современном и будущем Московского царства: современное – «Москва – Третий Рим» и «апостольская церковь», а будущее – «все царства православия снисходя в единственное царство нашего государя» [27]. Исходя из истинности единой православной веры, Россия, согласно этой концепции, является единым центром миросистемы как прошлого, так современного, и будущего, ведущим субъектом мировой политики. По мнению русского философа А. Проханова, согласно концепции Филофея центр мира был перенесен в Москву – Третий Рим, и Запад более не считался «вместилищем истории» [15, с. 52]. Вслед за Флоровским, который считал «наступлением империи» деятельность патриарха Никона, А. Проханов пишет, что в середине XVII ст. при патриархе Никоне Россия собиралась стать огромным государством-монастырем, поскольку мыслила себя местом второго пришествия, и советский проект, соответственно, также был «никоновским проектом» [15, с. 210-211]. Уникальность идеала христианской Империи описывает С. Лурье, по мнению которого, она является содружеством людей, объединенных идеей Православия, что преодолели разделение на языки, этносы, культуры. Важный для византийцев универсализм сочетался у них с изоляционизмом – «представлением об Империи как о центре мира, по отношению к которому другие страны являются не интересной варварской периферией» [8].

Б. Успенский подчеркивает в концепции Третьего Рима двойственность восприятия истории: собственно, исторического (соответствующего представлению о линейном времени, которое объясняет события в причинно-следственном ряду) и космологического (соответствующего циклическому времени, основанному на соотношении событий с определенным первичным состоянием, которое повторяется в последующих событиях) [19, с. 84]. Такое понимание концепции Третьего Рима объясняет воссоздание имперской формы в течение русской истории, православным вариантом «*Translatio Imperii*». Этой точки зрения придерживается В. Цымбурский, который утверждает, что теория «Третьего Рима» какой бы трактовке в прошлом и настоящем не поддавалась, всегда оставалась утверждением абсолютной ценности последнего «царства»-цивилизации, которое замкнуло череду тех, что прошли, и невозобновленных более парадигмальных «царств»-цивилизаций [26, с. 94].

В русской социальной философии XIX-начала XX в. развивался еще один аспект русской имперской идеи – всемирно-историческое призвание России, которое заключается в объединении славянского мира в православную империю, способную противостоять западной цивилизации. Славянофилы, например, воспринимали Восточный вопрос как спор западного Рима и восточного, политическое представительство которого еще в XV в. перешло в Третий Рим – Россию [1, с. 804; 18, с. 72]. Во второй половине XIX – в начале XX вв. представители религиозных и идеалистических течений осваивали версии религиозно-детерминистского происхождения русской государственности, ее имперские версии. Русская имперская идея этого периода – идея будущего, которое предсказывает, отображает мессианское сознание, которое допускает превращение общества в империю. Идея Третьего Рима, которая выступила в качестве религиозной основы имперостроительства, определила формирование проектов достижения согласия православных народов и создания ими Всеславянской православной империи. После краха стольких империй, считает Г. Федотов, мы должны показать миру, что задача империи, то есть наднационального государства – может быть решена – «в форме мирного сотрудничества народов, не под гнетом, а под руководством большой нации» [20, с. 459-460]. Политическим заданием России Г. Федотов считает создание «гибких, но твердых форм этой связи, которая обеспечит каждой народности свободу развития по мере сил и зрелости» [20, с. 460].

Таким образом, Третий Рим – мифологема, которая заложила понимание всемирной истории как борьбы добра и зла – России и стран Запада, – с апокалиптическими нотами. Идеологема «Москва как третий Рим» стала источником духовного противостояния Православной России и западных исповеданий (эту идею развивали И. Киреевский, Ф. Тютчев, А. Хомяков). Современные апологеты идеологии Третьего Рима, такие, как Е. Холмогоров, М. Юрьев, продолжают развивать ее антизападнические позиции и доказывают необходимость проведения Россией изоляционистской политики, своевременность и прогрессивность экономической автаркии [24].

Российская имперская идея XIX – начала XX в. была преимущественно христианским решением имперской темы. Империя, согласно версии российской имперской идеи этого периода, выступает как консенсус, своеобразное приспособление христианства к законам политического мира и форма государственности, связанная с доминантным для русской культуры типом христианской духовности. Империя отвечает пониманию задач православия, прежде всего, как духовной и территориальной экспансии, а также русского национального уклада как средства достижения провиденциальной общецивилизационной миссии.

Список литературы

1. Аксаков, И. С. Всемирно-историческое призвание России: в 2 т. / И.С. Аксаков // Сочинения И.С. Аксакова. Славянофильство и западничество. 1860-1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси» / И.С. Аксаков. – [Издание второе]. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1891. – Т. 2. – 1891. – С. 783-799.
2. Аксаков, И. С. Всемирно-историческое призвание России / И.С. Аксаков // Полное собрание сочинений / И. С. Аксаков. – М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. – Т.2: Славянофилы и западники. 1860-1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». – 1886. – С.797-813.
3. Ачкасов, В. А. Россия и Запад: образ Запада в формировании российской идентичности / В. А. Ачкасов // Эволюция политической и правовой культуры России. Региональные особенности и влияние европейского фактора / [отв. ред. Б. Н. Ковалев, Е. А. Макарова: НовГУ имени Ярослава Мудрого. Ч. 1. Россия-Запад: истоки политической и правовой культуры]. – Великий Новгород, 2006. – С. 25-38.
4. Бердяев, Н. Русская идея / Н. Бердяев. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 286 с.
5. Бердяев, Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н. А. Бердяев // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / [отв. ред. Е. М. Чехарин; сост. М. А. Маслин]. – М.: Наука. 1990. – С. 43-271.
6. Друзь, И. Православие и геополитика / И. Друзь // Москва. – 2010. – № 4. – С. 230-240.
7. Исторические метаморфозы консерватизма / [Дегтярева М. И., Кирьянова И. К., Мартин А. и др.]; отв. ред. П. Ю. Рахшмир; М-во общ. и проф. Образования РФ. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1998. – 247 с.
8. Лурье, С. Община, империя, православие в русской этнической картине мира XV-XVII веков / С. Лурье // Отечественные записки. – 2001. – № 1. – URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2001/1/lur-pr.html>. 55 (дата обращения 1.07.2021)
9. Малер, А. М. Духовная миссия Третьего Рима / А. М. Малер. – М.: Вече, 2005. – 384 с.

10. Малер, А.М. Открытие политического православия / А. Малер // Завтра. – 2007. – № 49. – С. 4.
11. Митрофанов, А. В. Россия перед распадом или вступлением в Евросоюз / А. В. Митрофанов. – М.: Ад Маргинем, 2005. – 312 с.
12. Неклесса, А. И. «Третий Рим» или «третий мир»: глобальные сдвиги и национальная стратегия России / А. И. Неклесса // Восток. – 1995. – № 1. – С. 5-19.
13. Окара, А. В поисках имперской перспективы. Суждено ли Киеву стать новым центром поствизантийской цивилизации? / Андрей Окара // НГ Содружество. – 2000. – N 9 (32). – 25.10. – С. 1. – URL: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/2122103> (дата обращения 1.07.2021)
14. Панарин, А. С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? Избранная социально-философская публицистика / А. С. Панарин. – М.: РАН, 1996. – 154 с.
15. Проханов, А. А. Симфония «Пятой Империи» / А. А. Проханов. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 288 с.
16. Самарин, Ю. Ф. Сочинения: в 12т. / Ю. Ф. Самарин. – М.: Изд. И. Д. Самарина, 1887. – Т.6: Иезуиты и статьи богословско-философского содержания. – 1887. – 562 с.
17. Сеницына, Н. В. Третий Рим: истоки и эволюция средневековой концепции (XV-XVI вв.) / Н. В. Сеницына. – М.: Индик, 1998. – 414 с.
18. Соловьев, В. С. Византизм и Россия. Сочинения в 2-х т. В.С. Соловьев. – М.: Правда. 1989. – Т. 2. – 1989. – 735 с.
19. Успенский, Б. Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва – Третий Рим» / Б. Успенский // Избранные труды: в 3-х т. – [2 изд., испр. и перераб.] / Б. Успенский. – М.: Гнозис, 1996. – Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – 1996. – С. 83-123.
20. Федотов, Г. П. Будет ли существовать Россия? / Г.П. Федотов // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / [отв. ред. Е. М. Чехарин; сост. М.А. Маслин]. – М.: Наука, 1990. – С. 450-462.
21. Федотов, Г. П. Национальное и вселенское / Г. П. Федотов // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / [отв. ред. Е. М. Чехарин; сост. М.А. Маслин]. – М.: Наука, 1990. – С. 444-449.
22. Федотов, Г. П. Трагедия интеллигенции / Г. П. Федотов // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / [отв. ред. Е. М. Чехарин; сост. М. А. Маслин]. – М.: Наука, 1990. – С. 403-443.
23. Флоровский, Г. В. Пути русского богословия. VI. Философское пробуждение / Г. В. Флоровский // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / [отв. ред. Е. М. Чехарин; сост. М. А. Маслин]. – М.: Наука, 1990. – С. 272-378.
24. Холмогоров, Е. Третий Рим: очерк происхождения идеологии / Е. Холмогоров // Православно-аналитический сайт «Правая.ги». – 2004. – 23.07. – URL: <http://pravaya.ru/side/584/709.233> (дата обращения 12.07.2021)
25. Хомяков, А.С. Полное собрание сочинений: в 8 т. / А. С. Хомяков. – М.: У нив. тип., 1904. – Т.8. – 1904. – 467 с.
26. Цымбурский, В. Тютчев как геополитик / В. Цымбурский // Общественные науки и современность. – 1995. – № 6. – С. 86-98.
27. Чаев, Н. «Москва – Третий Рим» в политической практике московского правительства XVI в. / Н. Чаев // ИЗ. М. - 1945. - № 17. - С. 3- 23.

Статья поступила в редакцию 25.12.2021

Skrebets, E. V., Galyas, I. A., Matveyeva, Y. V. *The Concept of "Moscow - the third Rome" in the Context of Historical Imperial Discourse*

The article traces the evolution of religious and ideological views of domestic thinkers of the 19th-20th centuries in the search for the true meaning of the historiosophical concept of "Moscow - the Third Rome" as a guideline for the development of Russian statehood. The authors reveal religious-messianic, mystical, eschatological aspects of the ideologeme "Moscow - the Third Rome" and "Holy Russia" to substantiate the Russian imperial idea, which consists in the world-historical vocation of Russia - the unification of the Slavic world into an Orthodox empire capable of resisting Western civilization.

Keywords: concept of "Moscow - the Third Rome", mythologeme, Russian Empire, historiosophy, Russian imperial idea, Messianic idea, Christian spirituality, Orthodox faith..

Статья посвящена проблеме распространения новых религиозных движений и неокультов. Осуществляется анализ философско-религиозной сущности учения, особенностей мистического опыта и системы работы студии внутреннего развития «Путь к Себе» в городе Феодосия. Философия учения опирается на идеи Г. И. Гурджиева, Р. Бертона, К. Наранхо и С. Заннос. Практическая деятельность студии состоит из выполнения «духовных практик» различных традиций, в том числе практик Ошо, Г. И. Гурджиева, К. Кастанеды, при выполнении которых наступает переживание мистического опыта. Делается вывод на основании исследований Э. Андерхилл, Е. Г. Балагушкина, Э. Аронсона и Э. Пратканиса, что студия внутреннего развития «Путь к Себе» является новым религиозным движением и неокульт, а ее мистический опыт следует классифицировать как квазимистический.

Ключевые слова: мистика, новые религиозные движения, духовные практики, неокульт, квазимистика

Я. И. Кольба, аспирант

Севастопольский государственный университет

E-mail: yana.kolba@inbox.ru

СТУДИЯ ВНУТРЕННЕГО РАЗВИТИЯ «ПУТЬ К СЕБЕ» КАК НОВОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ (ОСОБЕННОСТИ УЧЕНИЯ И ПРАКТИКИ)

Сегодня никого не удивить потоком нахлынувших и повсеместно создаваемых объединений, которые пропагандируют нетрадиционные религиозные учения. В исследовательской литературе их называют новыми религиозными движениями (далее – НРД) или new religious movements (NRM). Изучение НРД, закономерностей их распространения в современном обществе, а также их влияния на мировоззрение человека являются важными научными задачами. Среди исследователей, которые внесли весомый вклад в изучение новых религиозных движений известные отечественные и зарубежные авторы: Е. Г. Балагушкин, В. К. Шохин, П. С. Гуревич, Л. Н. Митрохин, Б. З. Фаликов, Е. С. Элбакян, А. Баркер, М. Т. Сингер, Р. Энрот, М. Лангоун, Д. Г. Мелтон, Д. Крайсайдс.

Конечно, Крым не является регионом, который остался в стороне от этого тренда современности. Также как во всем мире, здесь наблюдается стремительное распространение НРД, что позволяет сказать об актуальности изучения подобных объединений в Крыму, необходимости анализа тенденций и факторов их развития и распространения. Современные исследователи отмечают маскировку подобных движений под тренинги личностного развития. На примере студии внутреннего развития «Путь к Себе», которая распространилась в городах Феодосия и Мариуполь (Украина), ставится цель проанализировать философско-религиозную сущность учения, особенности мистического опыта и систему работы.

Автор посещал занятия, семинары и лекции студии «Путь к Себе», и также изучал информацию, представленную на Интернет-ресурсе студии [7]. Результаты исследования важны для понимания потребностей и целей современного человека, который становится последователем НРД.

Необходимо отметить, что территориальная принадлежность в современных реалиях особого значения не имеет, так как часто неокульты находят своих последователей в Интернет-пространстве, о чем неоднократно упоминают исследователи виртуального пространства [12, с. 159]. В Феодосии последователи привлекаются посредством рекламы (листочки, плакаты) и ведения группы в социальных сетях, приглашая на занятия тех, у кого есть: «...желание внести в ...жизнь свежее дыхание, впустить в неё новизну, почувствовать её в новом качестве, ... раскрыть свой внутренний потенциал, увидеть свою истинную природу и внутреннюю красоту, осознать своё собственное предназначение» [7].

Описание деятельности студии «Путь к Себе»

Важно заметить, занятия в студии проходят на платной основе. Основная часть занятий состоит из выполнения «духовных практик» из различных традиций, включая методы Ошо, Г. И. Гурджиева, К. Кастанеды, мастеров дзен, суфийских мастеров и др.

Медитативные практики преподносятся как способствующие «укреплению, оздоровлению и омоложению физического тела, освобождению от эмоциональных блоков в теле (обид, раздражений,

депрессий...), остановке внутреннего диалога, очищению и расширению сознания, развитию собственного центра силы («внутреннего стержня»), расширению восприятия и осознания всех жизненных процессов, достижению поставленных целей в кратчайшие сроки, вхождению в настоящий момент» [7].

Пребыванию в «настоящем моменте» (когда внимание последователя направлено на непосредственно сейчас происходящие события, а не на прошлое или будущее) уделяется особое значение, считается, что в этом состоянии происходит настоящая жизнь. Все иные состояния человека классифицируются как жизнь биоробота (идея взята из учения Г. И. Гурджиева).

Так, в книге П. Д. Успенского «В поисках чудесного», являющейся одним из наиболее авторитетных источников учения, читаем: «Если человек меняется каждую минуту, если в нем нет ничего, способного противостоять внешним влияниям, это означает, что в нем нет ничего, способного противостоять смерти. Но если он становится независимым от внешних влияний, если в нем проявляется нечто, способное жить *само по себе*, это “нечто”, возможно, и не умрет. В обыденных обстоятельствах мы умираем каждую секунду. Меняются внешние обстоятельства, внешние влияния, и мы меняемся с ними, то есть умирают многие из наших “Я”. Если же человек разовьет в себе постоянное “Я”, способное пережить изменения внешних условий, оно может пережить и смерть физического тела» [14, с. 130]. Для достижения эффекта «постоянного “Я”» используются как гурджиевские разработки, например, намеренное страдание, так и медитации Ошо, авторские медитации и т.п. Что интересно, целью бессмертия последователи в нашем случае не особо задаются, гораздо более популярна цель получения благ, как эмоциональных, так и материальных. В отзывах о семинарах видим благодарность за положительные эмоции, поддержку (здесь можно сделать вывод, что одна из целей – изменить психологическое состояние), так же можно выделить следующие задачи, которые озвучили практикующие, – «укреплять свое Родовое Древо», «наполнение», «возможность поменять свою жизнь», «быть Собой», «новые возможности», так же «стать увереннее в себе», «увидеть скрытые возможности тела» [7].

В данной студии есть лидер, именуемый себя Мастером (с большой буквы), который проводит посвящение и организывает мероприятия. Посвященные проходят своеобразное обучение, имеющее несколько ступеней. После обучения последователи сами могут создать свое объединение.

Отношение к Мастеру неоднозначное, отмечается явный авторитаризм, при чем обоснованный учением. Мастер – тот, кто ведёт к присутствию. Мастер всегда присутствует, то есть имеет постоянное «Я». Считается, что это состояние способно вызвать некий отклик пространства (или Абсолюта), и на адептов изливается энергетический поток, который они именуют «Поток» или «Свет», «Поток Света» и т. п. Адепты верят, что данный поток способен очистить человека от негативных психологических программ, воздействовать на физическое тело, а также способен привести к инсайтам – состояниям внезапного озарения, осознания человеком причин своего состояния или проблемы. Инсайты сопровождаются катарсисом. В «Потоке» у последователей отмечается эмоциональные всплески, могут быть слезы, беспричинный смех, экстатические состояния. Если адепт из числа «присутствующих», то считается, что он живет в гармонии с «Потоком» и это приведет к благополучной жизни. Можно сказать, прослеживается следующая тенденция мировоззренческой парадигмы: мир заинтересован в благополучии людей, если они живут в настоящем моменте, «присутствуют». Следовательно, у адептов складывается логическая цепочка – духовный рост равно материальное благополучие. В связи с этим выделяем один из факторов, характеризующих потребность человека данного НРД, – *убеждение, что духовный рост приведет к благополучной жизни.*

«Поток» имеет конечную природу при взаимодействии с индивидами, количество «Потока» может зависеть от количества «присутствующих» на мероприятии или степени «присутствия» конкретного адепта. «Поток» открывается благодаря исполнению определённых практик из традиции Гурджиева, Кастанеды, Ошо и т.п. Кроме занятий есть лекции для посвящённых. До последней ступени пока дошедших нет, часто люди проходят обучение, порой по несколько лет, но потом уходят из студии.

Философское учение студии «Путь к Себе»

Онтология учения основана на учении Г. И. Гурджиева о строении мира [12].

Антропология учения синкретична, состоит из идей Г. И. Гурджиева [12], Р. Бертон [5], С. Заннос [10] и К. Наранхо [13].

Гносеология. Истинные знания даёт «Поток», это знания неискаженные, после чего их воспринимает просветленный и передает миру, возникают знания второго порядка, то есть те, которые искажены субъективным сознанием при передаче (сюда относят эзотерику и другие знания спиритуального плана) и так далее по нисходящей. Эта идея тоже взята из учения Г. И. Гурджиева [14]. Но более интересно ее применение. Именно основываясь на данные положения, Мастер является бесспорным авторитетом – Мастер единственный, кто беспрепятственно слышит «Поток» и передает его знания с минимальным искажением. По этой же схеме любое несогласие с авторитетом объявляется сопротивлением неразвитого эго несогласного адепта, который якобы не «дорос» до осознания истинности предлагаемых идей или же требований. Обязательным является повторное присутствие адепта на лекциях и мероприятиях, объясняющееся тем, что обучаемый не может принять полностью информацию, по мере «роста» она будет для него все более доступна (за повторную лекцию адепт платит со скидкой).

Аксиология. Главенствующими для последователя ценностями, логично, должен стать «Поток», Мастер и группа обучаемых.

Этика. Мастер может вести себя грубо, это объясняется гносеологическими положениями. Но, в целом, внутри студии складываются достаточно близкие, дружеские отношения. Если происходят какие-то хорошие события в жизни учеников, это связывается с Мастером и «Потоком», ученики должны развивать в себе чувство благодарности. Также есть система иерархии обучаемых. Чем дальше ты продвигается, тем больше должен оказывать бескорыстных услуг для студии. Старшие являются наставниками для младших (конечно же, деление не по возрасту, а по способности «присутствовать») и проводят беседы, иногда заменяют Мастера. Что интересно, здесь прослеживается тенденция Нью Эйдж, когда возраст наставников заметно меньше, чем возраст их учеников [11, с. 13].

Мистический опыт студии «Путь к Себе»

Мистические переживания наступают во время выполнения определенных практик на занятиях студии. Последователи входят в глубокие состояния сознания и открывается «Поток». Они могут в этом состоянии ощущать телесные и эмоциональные переживания, вплоть до наступления инсайта. После занятия предусматривается обязательная обратная связь с каждым членом студии, во время которой происходит обсуждение переживаний с Мастером, а также производится их интерпретация.

Попытаемся проанализировать данный мистический опыт, руководствуясь исследованиями Э. Андерхилл и Н. С. Жиртуевой, которые выделили следующие стадии мистического пути:

1. Осознание и признание существования Божественной Реальности, характеризуется недолгим, но ярким эмоциональным состоянием. Как мы отмечали, психоэмоциональную разгрузку последователи получают, а также, учитывая, что во время проведения практик наблюдались экстатические состояния и состояния озарения, можно считать, что именно эти переживания являются мотивацией для дальнейшей работы над собой.

2. Ощущение принадлежности к миру материальному и идеальному, осознание своего несовершенства, в отличие от Божественного, стремление уменьшить пропасть между мистиком и Божественным. Можно сказать, что этот этап проходят последователи, которые начали свой путь, так как обучение предусматривает порой действительно сложную работу над собой, по мере приближения к ощущению «настоящего момента» и «Потока».

3. Обретая независимость от «чувственных вещей», с новой силой мистик ощущает присутствие Божественного в своей жизни, потеря интереса к материальным желаниям. Считаю, что этот этап достижим только при наличии целей религиозного характера, так как иные цели не дадут возможность освободиться от желаний. Полагаю, что этот этап несовместим с парадигмой «духовный рост равно мирское благополучие».

4. Этап, когда мистик теряет ощущение Божественного Присутствия, что приводит к изменению личности – интересы сосредоточиваются на трансцендентных ценностях. Страдания становятся стимулом к духовному развитию.

5. Единение с Божественным приводит к состоянию, которое в различных традициях называют «святость», «просветление», «озарение», «освобождение», «пробуждение».

6. Конечная стадия – единение личности с Божественным, а в некоторых традициях – полное исчезновение личности мистика. Характеризуется состоянием равновесия в духовной жизни, умиротворением [15, с. 123-124] [9, с. 18-19].

Возвращаясь к мистическому опыту последователей студии «Путь к Себе» можно сделать вывод, что переживания адептов данного неокульта нельзя отнести к традиционно мистическим, в силу того, что все стадии мистического пути они не проходят.

Классификация студии «Путь к Себе»

Согласно критериям Е. Г. Балагушкина, студию внутреннего развития «Путь к Себе» можно отнести к НРД по ряду следующих признаков:

1. Не позиционируют себя как религия.
2. На первом плане находится исполнение «духовных практик».
3. Наличие особого учения.
4. Синтез религиозных практик.
5. Конфронтация с официальными конфессиями (неявная).
6. Главная цель – мистическая трансформация личности.
7. Иррационализм учения.
8. Большая роль эмоционально-психологической стороны, например, проявления экстаза либо религиозных чувств.
9. Коллективный характер исполнения «духовных практик».
10. Обратная связь участников о произошедших изменениях, исцелении или инсайтах.
11. Авторитарная система отношений.
12. Небольшая неформальная группа [3, с. 30-50] [4, с. 67].

Также ряд исследователей применяют к подобным группам понятие «психокульт», понимая под этим названием коммерческую структуру, оказывающую психологические услуги, но использующую неэкологичные методы работы с клиентами [1, с. 45]. Иногда их классифицируют как спиритуально-коммерческие движения, суть которых в предоставлении платных услуг, связанных с передачей знания религиозного характера [11, с. 10].

С точки зрения автора, данную студию надо рассматривать как неокульт, в основе которого лежат отношения зависимости (по критериям западных исследователей Э. Аронсона и Э. Пратканиса), согласно следующим признакам:

1. Создание групповой парадигмы (чему в нашем случае способствует убеждение в тайности передаваемых знаний).
2. Социальная идентичность последователей (чему способствует обряд посвящения).
3. Повиновение.
4. Привлекательность лидера.
5. Миссионерская деятельность.
6. Любое несогласие с идеологией позиционируется как внутреннее сопротивление, из-за недостаточного «просветления».
7. Вдохновляющая цель [2, с. 324-339].

Отмечу, что сами последователи студии внутреннего развития «Путь к Себе» классифицируют ее как тренинг личностного роста. Но это не первый случай, когда психологические тренинги оказываются НРД [6, с. 67].

Н. С. Жиртуева отмечает, что «общество потребления предпочитает традиционным религиям квазирелигии и псевдорелигии». В эпоху глобализации мистические знания используются часто для корыстных целей или в качестве психологической разгрузки: «Если ранее мистические психопрактики применялись с целью совершенствования сознания и личности, то в условиях цивилизации потребления их стали использовать для создания новой формы бизнеса – «индустрии просветления» [8, с. 81].

С точки зрения автора, субъективный жизненный опыт встречи с высшей реальностью последователей студии «Путь к Себе» следует классифицировать как квазимистический.

В дальнейших исследованиях автор планирует на примере анализа данного неокульта, определить результаты подобных переживаний.

Список литературы

1. Абрамова, А. В. Механизмы влияния психокультов на своих потенциальных членов (на примере материалов о деятельности тренинг-центра "синтон") / А. В. Абрамова // Социокультурные корни насилия в современном обществе : Материалы международной конференции, Нижний

Новгород, 01–03 ноября 2012 года. – Нижний Новгород: ООО «Научно-исследовательский социологический центр», 2013. – С. 46-49.

2. Аронсон, Э. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление / Э. Аронсон, Э. Р. Пратканис. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2003. – 384 с.

3. Балагушкин, Е. Г. Религиозные искания и социальный протест (вторая половина XX века) / Е. Г. Балагушкин. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 320 с.

4. Балагушкин, Е. Г. Религиозный плюрализм в современной России. Новые религиозные движения на постсоветском этапе / Е. Г. Балагушкин. В. К. Шохин // Мир России. – 2006. – № 2. – С. 62-78. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-plyuralizm-v-sovremennoy-rossii-novye-dvizheniya-na-postsovetskom-etape> (дата обращения: 13.11.2021).

5. Бертон, Р. Э. Самовоспоминание / Р. Э. Бертон. – СПб. : ИГ «Весь», 2011. – 176 с.

6. Габель, Н. С. Тренинги личностного роста и новые религиозные движения: сравнительный анализ / Н. С. Габель // XXI век: размышления о мире и человеке: Сборник научных работ и эссе студентов, магистрантов и аспирантов / ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет». – М. : Общество с ограниченной ответственностью «Книгодел», 2019. – С. 65-71.

7. Группа студии внутреннего развития «Путь к себе». – URL: <https://vk.com/public157876974> (дата обращения: 10.10.2021).

8. Жиртуева, Н. С. Философско-мистическая культура как альтернатива современной цивилизации потребления: иметь или быть? / Н. С. Жиртуева // Вопросы философии. – 2021. – №2. – С. 76–86.

9. Жиртуева, Н. С. Философско-мистические традиции мира / Н. С. Жиртуева. – М.: Вузовский учебник, ИНФРА-М, 2018. – 274 с.

10. Заннос, С. Человеческие типы. Сущность и эннеаграмма / С. Заннос. – СПб. : ИГ «Весь», 2001. – 352 с.

11. Кузнецова, О. В. Практики спиритуально-коммерческого движения как феномен общества потребления: заключительный отчет о НИР / О. В. Кузнецова, Е. И. Гришаева. – Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – 2013. – 26 с. : сайт. – URL: <http://hdl.handle.net/10995/21354> (дата обращения: 10.10.2021).

12. Перцева, У. С. Деструктивный культ в современном медиапространстве / У. С. Перцева // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2019. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/destruktivnyy-kult-v-sovremenno-mediaprostranstve> (дата обращения: 10.10.2021).

13. Психология эннеатипов // Сайт школы Клаудио Наранхо. – URL: <https://claudionaranjo.ru/about-claudio-naranjo/psychology-enneatipov> (дата обращения: 13.11.2021).

14. Успенский, П. Д. В поисках чудесного / П. Д. Успенский. – М. : Энигма, 2016. – 488 с.

15. Underhill Evelyn. Mysticism: A Study in the Nature and Development of Man's Spiritual Consciousness, Ed. by Anthony Uyl. – Woodstock, Ontario, Devoted Publishing, 1930. – 401 p.

Статья поступила в редакцию 19.11.2021

Kolba, Y. I. «The Path to Self» Inner Development Studio as a New Religious Movement (Features of Teaching and Practice)

The article is devoted to the problem of the spread of new religious movements and and neocults. The author analyzes the essence of philosophical and religious teaching, mystical experience and the system of work of “The Path to Self” inner development studio in the city of Feodosia. The philosophy of the teaching is based on the ideas of G.I. Gurdjieff, R. Burton, K. Naranjo and S. Zannos. The practical activity of the studio consists of performing “spiritual practices” of various traditions, including the practices of Osho, G. I. Gurdjieff, K. Castaneda, during which the mystical experience occurs. Based on research by E. Underhill, E.G. Balagushkin, E. Aronson, and E. Pratkanis, it is concluded that “The Path to Self” inner development studio is a new religious movement and neocult. Its mystical experience should be classified as quasi-mystical.

Keywords: mysticism, new religious movements, spiritual practices, neocult, quasi-mysticism

УДК [141.7:177.8]:821.133.1Сартр

В статье рассматривается проблема социального дистанцирования, представленная в философии Ж.-П. Сартра. Акцент делается на соотношении исторической ситуации и особенностей формирования мировоззренческой парадигмы. В исследовании анализируется образная форма социального изгойства, представленная в литературном творчестве мыслителя, где философские конструкции выступают дополнением эмоционального контекста, переживаемых обстоятельств.

Ключевые слова: социальное одиночество, коммуникация, потребность в общении, тоталитаризм, свобода, самопредъявление, самореализация.

А. В. Миронов, доцент, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: andreyvmironov@gmail.com

«ЗАКРЫТОСТЬ ОБЩЕСТВА» И ЧУВСТВО ПОКИНУТОСТИ В ФИЛОСОФИИ Ж.-П. САРТРА

Трансформационные процессы понимания парадигмы человеческой сущности и форм ее воплощения в XXI веке (гендерные самоидентификации, межкультурная толерантность, сексуальный выбор, способы семейной взаимосвязи и т. д.) актуализировали интерес к рассмотрению оснований межличностного взаимодействия в социуме и место в нем отдельно взятой личности. Прежние ценностные приоритеты в области гражданской коммуникации перестали восприниматься в качестве абсолютных и тем самым инициировали интерес к интерпретации наиболее известных моделей отношения между индивидом и обществом. Анализ концепции социального одиночества в рамках меняющейся исторической динамики позволяет реконструировать наиболее значимые мировоззренческие установки, обусловленные конкретной политической, экономической, религиозной фактологией и соотнести результаты с современными подходами, рассматривающими индивидуальный выбор ракурсов социального участия гражданина в общественной жизни и его мотивации.

Цель исследования: 1) определить причины возникновения тенденции личностной самоизоляции в европейском обществе первой половины XX века; 2) обосновать взаимосвязь общественных настроений и дистанцирование человека от социальной системы; 3) выделить векторы «внутренней эмиграции»; 4) установить зависимость образных литературных форм и поведенческих стереотипов в европейской культуре.

В исследовании используется метод историко-сравнительного анализа, способствующий раскрытию значений ментальной платформы соответствующего периода, а также системный метод, позволяющий сформировать целостную концепцию, раскрывающую разрыв социальных связей между человеком и обществом.

С признанием философией XX века нового контекста в понимании человека, способы представления проблемы самореализации существенно изменились. Мыслители обращаются к литературе, считая ее наиболее адекватной формой изложения переживаемых индивидом чувств по сравнению с философской методикой конструирования мыслящей личности. Рационализация не содержит возможности передачи противоречивых эмоций, настроений, порывов, составляющих ядро внутреннего мира человека. Понимание социальной коммуникации как глубинной сущности, также претерпевает изменения. Описание сложностей взаимоотношений человека с миром в литературном ключе позволяет добиться соучастия читателя в рассмотрении сложных вопросов, и, как следствие, проецирования их в личностный план. Улучшение благосостояния, повышение стандартов комфортности жизни уменьшает потребности во взаимной поддержке граждан. Опека со стороны семьи, сообщества утрачивает свою значимость, современный человек воспитывается как самодостаточная личность, которая должна рассчитывать на свои силы, и цивилизация предоставляет такие возможности. Общение начинает принимать строго избирательный характер, опирающийся на общие взгляды, представления, пристрастия. Обнаружить связующее между людьми все труднее – динамика жизни, изменяющиеся условия, информационный ресурс заставляют в большей степени ориентироваться на себя. Распад патриархальной семьи, уравнивание в профессиональных правах мужчин и женщин делают граждан более свободными и независимыми. Вместе с тем, политическая и

социальная жизнь отличаются жестким прагматизмом, нетерпимостью, восприятием индивида через призму корпоративной принадлежности, а не личных качеств. Страх оказаться вне групповой сферы пересекается с тревогой за тотальную унификацию личности, способную лишить собственной неповторимости и своеобразия. Противоречивость внутренних проявлений требует конструирования прочной защиты, заслона между внутренним миром и внешней действительностью. Скрытность становится неотъемлемой чертой человека. Подлинное «Я» и социально адаптированное «Я» не совпадают по основополагающим параметрам. Выявить их сущность в прежней системе философской методологии затруднительно. Поэтому мыслители «новой волны» отказываются от установившихся стереотипов и ищут новые формы предъявления человеческой идентичности.

Известность французскому философу Ж.-П. Сартру принесла литературная деятельность. В его произведениях определены наиболее значимые моменты индивидуального существования. Одним из важнейших автор считает отчуждение между личностью и обществом, которое трансформируется в утрату коммуникаций и нарастающее чувство социального одиночества. Первая мировая война, революция в России, построение нового социалистического государства, нацизм в Германии, Вторая мировая война, осуждение тоталитаризма в СССР стали вехами в биографии писателя. Кардинальные сдвиги в истории Европы изменили общую атмосферу, откорректировали сложившееся понятие гуманизма, ценности человеческой жизни, по-новому расставили акценты во взаимоотношениях государства и гражданина. Первоначальный оптимизм, вера во всеобщее социальное счастье, справедливый мир, преодоление материальных преград, разделяющих общество, становятся лейтмотивом творчества многих европейских интеллектуалов. Противостояние капитализма и социализма обостряет критику первого и возлагает неограниченные надежды на второе, индивидуальное и коллективное рассматриваются как два типа общественного развития. Первый содержит причины изолированности человека, его обособленности, переходящей в сознательную закрытость.

Можно проследить генезис понимания Ж.-П. Сартром проблемы социального одиночества. 20-30-е гг. – период между двумя мировыми войнами, экономический кризис и атмосфера безвременья, покинутости, в котором одиночество выступает, как неприятие системы общественных отношений, воспринимая ее в качестве чуждого и враждебного механизма, некоей экзистенциальной данности, преодолеть которую невозможно. 40-ые гг. – период оккупации Франции, Движение Сопротивления, возможность преодолеть личностное одиночество коллективной сплоченностью единомышленников, солидарностью, общей идеей. По мере отхода от коммунистической идеологии, писатель возвращается к убеждению о вечном уделе человека – быть одному, что не снимает с него ответственности перед обществом за личный выбор. Утверждение собственного «Я» напрямую связано с признанием других.

В предвоенные годы были опубликованы роман «Тошнота» и сборник рассказов «Герострат». В них намечалась основная линия экзистенциальной философии – герой находится в «пограничной ситуации», предчувствии смерти, заброшенности, разрыве личных связей. Существование на грани безумия возвращает личность к самому себе, отталкивает искусственное (общественные условности демонстрируют свою пустоту и ничтожность на фоне подлинно значимого). Меняющаяся система оценок представляет мир в ином ракурсе. Человек остается один на один с самим собой и начинает знакомство со своей сущностью. Это открытие крайне болезненно своей непосредственностью и очевидностью. С точки зрения Ж.-П. Сартра, никто и никогда не может разделить с человеком глобальных моментов бытия, он вынужден принять всю тяжесть их и стать ответственным за каждое принятое им решение. Исключительность ситуации требует концентрации только на себе, на этой стадии и наступает тотальное одиночество. Формальная коммуникация не способна избавить от этого чувства. Индивид убеждается в бесполезности рационального, привычного способа самоидентификации. Растерянность перед жизнью требует жестких средств самоутверждения. «Я», оказавшись в социальном вакууме, вынуждено себя агрессивно позиционировать, иначе будет утрачено самоуважение. Обратив на себя внимание – значит вызвать к себе интерес со стороны других, воспринимаемых как социальная среда. Если общество отказывает в этом, то вынужденное одиночество толкает на поступки, несовместимые с общепринятой моралью. Равнодушие тождественно унижению: «Я знаю, что они мои враги, но они этого не знают. Они любят друг друга, пожимают друг другу руки. А меня... меня они иногда похлопывали по плечу, потому что считали себе подобным» [1, с. 66]. Личность с трудом может смириться со снисходительностью в отношениях, незаметностью. Внутренний мир противится, жаждет себя заявить, ищет виновного в своих проблемах. Общество, государство, церковь и другие социальные институты – причина

несправедливости, но их обезличенность становится основанием для переноса гнева на окружающих, которые заслуживают наказаний. «Я ни от кого ничего не требую, но и ничего не хочу отдавать» – это стандартное решение в подобной ситуации. Обмен, предполагаемый социальными правилами, нарушается с обеих сторон: индивида не устраивает формализация отношений, он жаждет искренности, любви, подлинной радости. Не получая подобного, он чувствует себя обманутым. Сообщество, проникнутое духом материального прагматизма, не имеет возможности растрачивать свои ресурсы на каждого. Любые рассуждения о гуманизме теряют свой смысл, когда человек оказывается перед «закрытыми дверями». В логике экзистенциализма одна, отдельно взятая личность, стоит заботы о миллионах. Тупик разрешается насилием как способом заставить увидеть, воспринимать, говорить о себе любыми радикальными средствами.

Свобода, как центральный постулат философии экзистенциализма, интерпретирует понимание обстоятельств в контексте конфликта с обществом. Человек вынужден бороться за себя против всеобщей унификации. «Когда он (Ж.-П. Сартр – А. М.) учился в Высшей Нормальной школе, то уже смотрел на себя как на «одинокую личность», который противостоит обществу» [3, с. 204]. Изначальная враждебность между «я» и обществом определила несколько путей разрешения конфликта: нейтралитет, «примирение через игру», бегство от социального, капитуляция. Сартр подчеркивает, что главным затруднением нашей коммуникации является отсутствие общего фундамента с миром других. Стремясь реализовать собственную свободу, индивид оказывается в амбивалентном состоянии: или уклоняться от участия в общественной жизни, чтобы не уподобиться большинству, или добиваться сосуществования с другими на новых условиях. «Свобода для себя – в свободу для других». «Одиночество – контрапункт осмысления действительности. Отдалившись от требований социального мира, индивид понимает степень своей порабощенности и оказывается перед необходимостью искать новые ресурсы существования. Это становится возможным, отвечая на вопросы о смысле жизни, справедливости, сущности добра и зла, ценностях, важности любви. Формирование ответов происходит самостоятельно, тем самым, усугубляя разрыв с окружающим миром и расширяя собственную свободу.

Духовные процессы, вызванные личностными переживаниями, углубляются, охватывая все сферы действительности. Чувство свободы, обретенное индивидом, ассоциируется с состоянием добровольно выбранной изоляции, которая открывает ранее незнакомые нюансы бытия.

Потребность в себе – изначально данность человека, она сталкивается с запросами социального мира и, как правило, не совпадает по своим параметрам. Набор житейских сентенций – «правило одно для всех», «вечно ты выделяешься», «разве ты не такой как все» – в своей настоятельности должен переломить желание отстаивать собственное «Я». Смирение перед законами общественного существования для Ж.-П. Сартра равносильно поражению, капитуляции перед враждебной средой, отказом от индивидуальности. Качества, выделяющие личность из среды других, становятся тяжким грузом, так как нарушается закон тождества: один равен другому. Борьба за их удержание становится борьбой за свою сущность. Социальное одиночество – ответ на требование близости. Если мир не нуждается во мне таком, каков я есть, то я не нуждаюсь в нем: «А сам я жил в тревоге, в то время как весь их ритуал призван был убедить меня, что нет на свете ничего целесообразного, что все от мала до велика занимают определенное место в мире, смысл моего собственного существования от меня ускользал, я чувствовал себя сбоку припека и стыдился своего неоправданного присутствия в этом упорядоченном мире» [4, с. 403].

В автобиографической повести «Слова» Ж.-П. Сартр отмечает: сфера книг – гармоническая, справедливая, в балансе добра и зла, свободы и тирании выигрывает перед реальностью, где вышеперечисленные понятия смещены, результаты непредсказуемы, торжество истины не гарантировано. Выход в мир представляется опасной экспедицией, общественная среда не соответствует теоретическим принципам. Оставаясь в пространстве иллюзий и вымысла, человек не желает нарушать столь благодатную атмосферу внутреннего комфорта. Вызовы мира воспринимаются как нежелательные, поэтому контакты с ним желательно свести к минимуму. Одиночество становится единственно приемлемой формой. «Мир вне меня» не допускается, ограждается, устанавливается дистанция в силу страха слиться с ним воедино и, тем самым, принять его образ, уподобиться безобразному и фальшивому. Пока существует зазор в этих отношениях остается надежда свободного существования.

Одиночество предполагает личностное начало, в котором индивид может укрыться. Отсутствие такового устраняет саму возможность одиночества. Автономность опирается на развитый внутренний мир, способный представить пространство для вариативности проявлений. Фантазии, воображение актуализируют нереализованные в социальной области потенции. Таким образом,

одиночество – одна из ступеней формирования сущности человека. Она соответствует реакции окружающих на самопредъявление. Личность обладает правом устанавливать абсолютные истины для самого себя и следовать им в пределах собственной сферы существования. Сталкиваясь с ними в социальном пространстве, гражданин вынужден реагировать на условности – формализованное бытие, лицемерие, декларируемую, но невыполнимую заботу. Насколько сознание способно понимать подтекст, участвовать в социальной игре, отделять правду от лжи, настолько оно устанавливает контакт с общественными институтами. Ускользание социальных связей катализирует внутренний рост по мере очерчивания «территории свободы».

По Ж.-П. Сартру, одиночество – не самоцель, это вариант избежать порабощения. От рождения до смерти оно преследует человека: «Конфликт есть первоначальный смысл бытия для другого. Все то, что нужно для меня, нужно и для другого. В то время как я пытаюсь освободиться от захвата со стороны другого, другой пытается освободиться от моего, в то время как я стремлюсь поработить другого, другой стремится поработить меня» [5, с. 22]. Мораль, религия, образование настойчиво убеждают отказаться от собственных принципов. Доминирование социальности не ставится под вопрос – это верховная парадигма. Право навязывать исходит из воли большинства, согласившегося принять за истину положения, освященные государством. Отказываясь участвовать в социальной жизни, индивид испытывает внешнее давление, прессинг на свой субъективный мир, так как рычаги воздействия остаются эффективными, эмоциональное сопровождение наполняется негативными эмоциями. Общество крайне болезненно реагирует на ускользание из-под своего влияния. Индивид отвечает ему тотальной неудовлетворенностью, неучастием в социальных процессах, маргинализмом.

Отчаяние во многом становится причиной одиночества. Утрата веры в осмысленность бытия и, как следствие, в порядок, диктуемый обществом, освобождает человека от выполнения обязанностей, предписываемых социумом. Разочарование устраняет надежду на лучшее будущее. И тогда остается безудержный эгоизм, использование другого в своих целях. Отчаяние разрушает личность, замыкает в пределах примитивных инстинктов. А де Мюссе в «Исповеди сына века» писал: «Насмехаться над славой, религией, любовью, над всем в мире – это большое утешение для тех, кто не знает, что делать: тем самым они насмехаются над самими собой...» [2, с. 28]. Франция, пережившая величие времен Наполеона, расплачивается за крушение всех идеалов индифферентностью к социальным проблемам. Истощение энергии 20-30-х годов XX века ассоциируется с утратой ценности отдельно взятой личности. Масштабность потерь мировой войны, исчисляемых миллионами, растворяет субъективность бытия в астрономических цифрах. Ж.-П. Сартр не принимает обобщений: конкретизация – это единичное «я», не уступающее по значимости «мы». Поэтому катастрофа, настигающая личность, также глобальна, как и катастрофа государства: «...человек заброшен, ему не на что опереться» [6, с. 327]. Атеизм, представляющий идейную основу экзистенциализма, не позволяет разделить одиночество с Богом. Ответственность целиком и полностью остается уделом личности. Но даже в добровольной изоляции остается боль за других. Выбирая этот путь, каждый должен задуматься о том, каким образом мир будет существовать без моего участия в нем. Определяется четкая схема: отчаяние уводит от мира в одиночество, в котором человеческая сущность, преобразуется, изменяется и получает мотив вернуться к действию. Социальное одиночество не тождественно равнодушию, оно – следствие болезни общества, с которой человек не способен справиться.

Уход в изоляцию – одна из попыток самообмана. Выстраивая преграду между «Я» и «другим», индивид осуществляет масштабную авантюру относительно собственной личности. Удаляя себя от общественной оценки, он пытается достичь эффекта «недоговоренности», «нераскрытости». На самом деле, за этим прячется пустота и «незаполненность», отсутствие уникального. Ему нечем делиться с окружающими и страшно в этом признаться как себе, так и другим. В одиночестве сознание сочиняет неопровержимые аргументы самостоятельности, они могут касаться любой сферы бытия: любви, дружбы, гражданского мужества, интеллектуальных достоинств, творчества, самоотдачи, при этом являясь мнимым потенциалом. Нереализованность формирует крайние формы проявлений – мизантропию, равнодушие, участь жертвы. Закрывшись от общества, человек приобретает несомненное преимущество: возможность гордиться наличием достоинств, не проверенных другими. Подобный подход не устраивает Ж.-П.Сартра, по его мнению, одиночество – «отрицать себя в пользу другого» [7, с. 333]. Отказывая в поддержке буржуазному сообществу, человек не оставляет конкретного индивида. Действия во благо людей определяются собственным выбором. Устранение из социального пространства может рассматриваться как гуманный акт

осуждения бессмысленности. Признать себя «лишним» – обратить внимание на несправедливость политического устройства и, тем самым, внести вклад в освобождение человечества.

Социальное одиночество используется Ж.-П. Сартром для расшифровки нереализованного права жить для других. Герои его литературных произведений существуют вне активной гражданской позиции. Череда разговоров, встреч, развлечений – попытка спрятаться, заслониться от сознания разорванности с окружающим социальным миром. Коммуникация выполняет псевдофункцию, она не сближает людей, не затрагивает глубинных чувств. Поверхностный опыт отношений не занимает участников процесса, подспудный страх отвращает от жизни, индивиды боятся нарушить комфортное существование в столкновении с социальными проблемами. Участие в жизни общества требует решимости, энергии, уверенности, риска. Самоизоляция позволяет сохранить иллюзию порядка, гармонии, благополучия. Человек избегает вызовов эпохи в той мере, в какой это ему удается.

События, связанные с началом Второй мировой войны, последствия катастрофы военного поражения, оккупации, Движение Сопротивления вынуждают Ж.-П. Сартра во многом пересмотреть свои взгляды. Пребывание в концлагере обогащает писателя опытом солидарности и взаимопомощи, отраженным в последнем романе «Странная дружба» и трилогии «Дороги свободы». Экстремальные обстоятельства, наполненные вынужденной оторванностью от Родины, семьи, друзей, близких, вызывает стремление стать частью сообщества. Одиночество противоестественно в подобной обстановке. Борьба с чуждой идеологией, предательством, слабостью инициирует максимальную концентрацию внутренних сил, трансформирующихся в острую потребность разделить себя с другими.

Одиночество, как проблема социальной жизни, у Сартра выступает данностью буржуазного мира. Ее существование продиктовано негативным фактом отчуждения между индивидом и системой социальных отношений. Личность, чтобы не потерять себя, вынуждена дистанцироваться, устанавливать преграду, чтобы сохранять ценности, позволяющие ей чувствовать себя свободной. Литературная форма, насыщенная сильными эмоциональными переживаниями, сближает читателя и автора, позволяет более действенно перенести столь сложные вопросы в сферу личностного понимания. Анализ самоизоляции, предложенный Ж.-П. Сартром в 30-40-е годы XX века, необходим как для понимания философского процесса Европы, социальной конкретики современного общества, так и для поиска путей развития и самореализации личности.

Список литературы

1. Долгов, К. От Киркегора до Камю / К. Долгов. – М.: Искусство, 1990. – 389 с.
2. Мюссе, де А. Исповедь сына века. Новеллы / Альфред де Мюссе. – Л. : Художественная литература, 1970. – 566 с.
3. Сартр, Ж.-П. Герострат / Ж.-П. Сартр. – М. : Республика, 1992. – 222 с.
4. Сартр, Ж.-П. Стена. Избранные произведения / Ж.-П. Сартр. – М. : Политиздат, 1992. – 480 с.
5. Сартр, Ж.-П. Аллюзия любви / Ж.-П. Сартр, Симона де Бовуар. – М. : Алгоритм, 208. – 240 с.
6. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. Сумерки богов / [Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм и др.]; под ред. А. А. Яковлева. – М.: Политиздат, 1989. – 398 с.
7. Сартр, Ж.-П. Идиот в семье. Гюстав Флобер от 1821 до 1857 / Ж.-П. Сартр. – С-Пб. : Алетейя, 1998. – 721 с.

Статья поступила в редакцию 15.12.2021

Mironov, A. V. "The Closeness of Society" and the Feeling of Abandonment in the Philosophy of J.-P. Sartre

The article deals with the problem of social distancing, presented in the philosophy of J.-P. Sartre. The emphasis is on the correlation of the historical situation and the peculiarities of the formation of the ideological paradigm. The study analyzes the figurative form of social outcast represented in the literary work of the thinker, where philosophical constructions act as an addition to the emotional context, to the experienced circumstances.

Keywords: social loneliness, communication, the need for communication, totalitarianism, freedom, self-expression, self-realization.

УДК [17.022.1+659.4]:378.4(470)SEVSU

В статье даны определения имиджа и имиджа образовательного учреждения. Изложены составляющие имиджа высшего учебного заведения. Осуществлено теоретическое обоснование феномена имиджа вуза и раскрыта его взаимосвязь с рейтингом учебного заведения. По результатам научного поиска формулируется авторское видение критериев и показателей определения рейтинга вуза.

Ключевые слова: высшее учебное заведение, имидж высшей школы, компоненты имиджа, ранжирование вузов, критерии рейтинга вузов, индикаторы и имидж СевГУ.

Е. Ю. Шавардова, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: lenash_72@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ ИМИДЖА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

На нынешнем этапе развития общества существует необходимость в модернизационных сдвигах в высшей школе, которая требует концептуального усовершенствования системы образования и профессиональной подготовки специалистов в следующих направлениях: а) формировании отношения к человеку как цели социального прогресса, а не средства; б) ориентации на активизацию человеческого капитала в высшем образовании и профессиональной подготовке, основанную на концепции гармоничного развития человека; в) реформировании системы высшего образования и профессиональной подготовки; г) продуцировании в процессе подготовки специалиста глубокой профессиональной компетентности и социальной ответственности при решении задач научно-технического прогресса, социального и культурного развития.

Диалектичность конкуренции между учебными заведениями побуждает их занимать активную рыночную позицию, повышать качество образовательных услуг, изучать спрос на просветительские продукты и потребности рынка труда. Высокие требования потребителей к качеству педагогических услуг, побуждают руководителей вузов к использованию средств, которые способствуют привлечению различных групп контрагентов. У современных учебных заведений возникает необходимость формирования собственного имиджа. Эта потребность обусловлена несколькими причинами: сложной демографической ситуацией; дифференциацией и вариативностью системы высшей школы; сложностью выбора направлений и перспектив обучения; потребностью образовательной и управленческой практики при формировании представлений об учебном учреждении, наличии опыта образовательных организаций в данной области [3].

Современный этап развития российского общества диктует общую переориентацию деятельности организаций отрасли образования в соответствии с новыми задачами в XXI веке по подготовке специалистов, органично адаптированного к жизни в стремительном динамичном мире, требует всестороннего концептуального видения развития всех направлений деятельности учреждения, переформатирование процесса предлагаемого собственного просветительского сервиса, создание конкурентоспособного заведения на рынке образовательных услуг. Высшее учебное заведение, производя инновационный продукт, обеспечивает преимущественное соперничество государства на европейском и международном уровнях, поскольку современное экономическое и общественное развитие определяется не экстенсивным, а интенсивным подходом в сфере производства и услуг. Развитие науки и техники приводит к исчезновению многих традиционных для нас специальностей. В нашей жизни появляется много новых профессий, связанных с развитием науки и технологий.

Образовательные учреждения являются микромоделью общества. Они, как общественный барометр, должны тонко чувствовать и реагировать на его вызовы. В их деятельности должен доминировать здоровый консерватизм в сочетании с открытостью к новому и способностью к изменениям. Неслучайно, еще в 80-е годы прошлого века, реагируя на общественные вызовы, высшее образование перестает быть элитарной сферой человеческой деятельности и приобретает массовый характер. Что, конечно, порождает конкуренцию за предоставление образовательных услуг и актуализирует проблему их качества. Данные процессы, как в России, так и в странах Европы усиливаются еще демографическим кризисом. Это обуславливает поиск механизмов и путей обеспечения конкурентоспособности учреждений высшего образования. Одним из определяющих

факторов является имидж учебного заведения, на формирование которого оказывает влияние степень популярности (рейтинг).

Ведущими категориями нашего исследования являются имидж высшего образования и рейтинг. Для раскрытия их сущности были проанализированы теоретические и методологические основы феномена имиджа. Основательное и исчерпывающее исследование они нашли в трудах Ю. О. Ивановой, Е. В. Самаевой, Ф. И. Шаркова, В. М. Соколинского, Е. В. Рязановой, Л. С. Похольченко, Д. В. Латышева, Р. Я. Вакуленко, Н. А. Аширбахиной, Л. Ф. Адиловой, А. А. Чуб, М. А. Симаковой, Ю. Ю. Звездочкина, А. В. Гусевой, П. И. Ананченковой. Проблема рейтинга высших учебных заведений была предметом исследования В. Н. Пугач, А. Ф. Бейшеевой, А. В. Гугелева, Н. В. Ивлевой.

Цель статьи – осуществить теоретическое обоснование феномена имиджа заведений высшего образования и раскрыть его взаимосвязь с рейтингом образовательного учреждения.

При проведении исследования были использованы следующие методы и подходы: анализ, синтез, сравнение, классификация, систематизация и обобщение научной литературы.

Заведения высшего образования, как любая организация имеет внутренний и внешний имидж. Во внутреннем имидже понимают репутацию профессорско-преподавательского коллектива, сотрудников, студентов. Внешний имидж образовательных учреждений – это город, где находится учреждение, интерьер, общественное мнение вузов в регионе, области, крае, государстве, качество образовательных услуг, наличие бюджетных мест, лицензирование, аккредитация, инфраструктура трудоустройства выпускников, социальные акции, связи с общественностью.

В соответствии с означенным имидж вуза условно делится на несколько составляющих:

- имидж образовательной услуги: домыслы потенциальных реципиентов, как-то абитуриентов, студентов и их родителей о качестве образовательных услуг, количестве специальностей, стоимости услуг;
- имидж потребителей: образ вузов, формируемый в соответствии с общественным мнением и т. п.;
- внутренний имидж вуза: имидж научно-педагогического состава и сотрудников, микроклимат в коллективе, внутренние ценности, корпоративная культура и т. п.;
- имидж лидера: ректора, проректоров, деканов факультетов;
- имидж персонала: компетентность сотрудников, уровень подготовки профессорско-преподавательского состава, толерантность, культура поведения и т. п.;
- социальный имидж вуза: общественное мнение о вузах, место в экономической, социальной и культурной жизни города;
- визуальный имидж: здания, корпуса, интерьер, аудитории, внешний вид преподавателей, студентов, символика заведения и т. п.;
- бизнес-имидж: вузы как деловой партнер, его репутация, рейтинг;
- виртуальный имидж вузов.

Имидж учебного заведения воспринимается сквозь призму свойств, которые могут быть полезны человеку, а не с точки зрения его общественного значения. Имидж данного учреждения включает в себя определенные личностные характеристики: положительному имиджу образовательного учреждения могут быть свойственны этичность и гуманность, кроме высокого уровня образования.

В процессе теоретического анализа определено, что положительный имидж образовательной организации можно рассматривать как эмоционально-окрашенный образ учебного заведения, который создается целенаправленно и определяет его престиж и репутацию в целевой аудитории, в результате чего целенаправленные слушатели предпочитают данное заведение.

Структура положительного имиджа включает в себя следующие аспекты: 1) аффективный компонент – оценочно-эмоциональное восприятие образовательного учреждения; 2) когнитивный компонент – сведения о деятельности учебного заведения, особенности его функционирования; 3) конативный компонент – формирование готовности действовать определенным образом по отношению к этой организации, отдать ей преимущество или нет. При этом факторами формирования имиджа высшего образования указываются объективные и субъективные. Объективными факторами формирования имиджа учебного заведения могут быть: дизайн зданий, аудиторий и других помещений, форма одежды студентов, веб-сайт, герб, гимн. Субъективными факторами формирования имиджа могут быть: история организации, традиции и ритуалы, миссия учреждения, авторитет и репутация руководителя, психологический климат в коллективе.

Проектируя вышеизложенное, полагаем, что имиджем высшей школы является образ, который целеустремленно сформировался в массовом сознании о нем. Ныне образовательное учреждение

переживает крайнюю потребность в формировании данного факта. По представлению ученых, она продиктована сложной демографической положением при котором мотивирует высшее учебное заведение отстаивать своего студента и сохранение его контингента; изменением спроса на образовательные услуги; дифференциацией и вариативностью системы образования; сложностью выбора и самоопределения будущих абитуриентов; избытком предложений на рынке образовательных услуг; потребностью в формировании представления о высшей школе; финансовой стабильностью; эффектом доверия к учебному заведению.

Для формирования системы основополагающих показателей деятельности вузов рекомендуется подход, при котором конкурентоспособность образовательного учреждения рассматривается как степень удовлетворения заинтересованности основных групп стейкхолдеров, в качестве которых выступают государство, регион, внешние партнеры, бизнес-сообщества, клиенты, сотрудники. Восприятие ключевыми стейкхолдерами функционирования учебного заведения является необходимым индикатором не только текущего состояния и развития системы просветительства, но и ключом к пониманию стратегического и операционного планирования деятельности вузов для достижения оптимальной траектории развития, отвечающей современным требованиям общества и мировым стандартам жизни.

В определении составляющих имиджа автор статьи считает необходимым учитывать тот факт, что учебное заведение является организацией с открытой системой. Эффективность функционирования этой системы определяется влиянием внешних и внутренних факторов. Имидж учреждения есть структурным компонентом данной системы [4, с. 28]. Поэтому он также формируется как внешними, так и внутренними обстоятельствами, тесно взаимодействующими между собой и обеспечивающими его целостность, результативность и открытость системы.

По показателям научного поиска к факторам внешнего воздействия относятся: внешний вид, инфраструктура и символика заведения; статус и форма собственности (государственная, коммерческая); финансовые возможности; трудоустройство специалистов-выпускников; репутация руководителя; популярность учреждения среди общественности и профессиональных кругах; наличие известных и знаменитых студентов и выпускников учебного заведения; очерки об организации в средствах массовой информации и Интернете; отзывы выпускников, их близких и знакомых; рейтинг учебного заведения в регионе и государстве.

К параметрам внутреннего влияния относят: наличие миссии, стратегии и конкретной концепции развития; качество учебного процесса; динамика и уровень профессионального мастерства преподавательского состава; морально-психологический климат и характер взаимоотношений в коллективе: руководство – преподаватели, управление – студенты, администрация – общественность, педагоги – учащиеся, преподаватели – общественность; внедрение инноваций; традиции; досуг и уровень воспитательной работы; интеграция в европейское и мировое просветительское пространство.

Если подвергать анализу формирование имиджа образовательного учреждения в системе социокоммуникативной деятельности, то можно подчеркнуть несколько особенностей, которые являются важными: - необходимость создания собственного неповторимого образа, который должен быть привлекательным для целевой аудитории; - следует иметь ясные и четкие сформулированы назначение, видение образовательного заведения и собственную философию; - нужно иметь свою систему ценностей, традиций, обычаев; - необходимость предоставления качественных образовательных услуг; - определение и соблюдение целесообразной воспитательной системы в работе со студентами; - наличие авторитета среди аналогичных учреждений-конкурентов; - обязательность постоянного обновления и предоставление информации о деятельности учебного заведения целевой аудитории с использованием креативных социокоммуникативных технологий; - своевременное реагирование на внешние факторы (положительные и отрицательные).

Важными аспектами формирования имиджа могут выступать мероприятия в виде дней открытых дверей, презентаций / мастер-классов для будущих абитуриентов, а также визуально вербальный образ представителей системы высшего образования во время проведения интервью или другого взаимодействия в средствах массовой коммуникации.

Для формирования качественного имиджа высшей школы одним из основных требований является использование современных Интернет-технологий. Так, одним из инструментов коммуникаций в образовательной среде является сайт. Веб-страница стала «лицом» учебного заведения как для внутренней, так и для внешней аудитории.

Исследование отечественных и зарубежных научных публикаций, а также собственного эмпирического анализа свидетельствуют, что основным инструментарием в формировании имиджа

высшего образования является их *рейтинг* (оценка, показатель). Мировая практика составления рейтингов сложилась в 80-х годах прошлого столетия [1, с. 109]. Существуют рейтинги специализированные, студенческие, национальные и международные. Уровнями рейтинговых исследований являются: международный, национальный, региональный и базовый. В настоящее время наличествует 10 международных и 50 национальных рейтингов деятельности заведений высшего образования. Самыми авторитетными международными рейтингами являются «Quacquarelli Symonds (QS)», «Times Higher Education». «ARWU» (Шанхайский рейтинг), «Forbes». Известные национальные рейтинги вузов по качеству образования представлены: «U.S.News&World Report»; «The Princeton Review's», «National American Ranking», «The Complete University Guide», «Sunday Times», «Guardian».

Анализ зарубежных и отечественных рейтинговых систем свидетельствует, что их успешность и эффективность обусловлена определением критериев, позволяющих сформировать показатели и источники оценивания [2, с. 46]. Лучшие мировые вузы входят в рейтинг университетов QS, публикуемый ежегодно и составляемый британской компанией, анализирующей высшие учебные заведения по всему миру. По версии рейтингового агентства QS в проекте 2021 года было оценено более 1300 вузов из 158 стран мира. Ранжирование вузов проводилось на основе шести критериев: академическая репутация (40%), отзывы экспертов (10%), индекс цитируемости (20%), соотношение количества студентов и преподавателей (20%), процент иностранных студентов (5%) и иностранных преподавателей в вузе (5%); составлялся общий рейтинг вузов и предметные рейтинги по 51 направлениям.

Агентство *Forbes* составил рейтинг лучших университетов России 2021. На первой строчке оказалась Высшая школа экономики. В число лидеров попали также МГУ им. М. В. Ломоносова (второе место), МИФИ, МГТУ им. Баумана и УрФУ им. Ельцина.

Рейтинговое агентство RAEX (РАЭКС – Аналитика) опубликовало свои результаты исследований, в которых первое место занял МГУ им. М. В. Ломоносова. СевГУ впервые вошел в рейтинг лучших вузов России по инженерно-техническому направлению. Также СевГУ в первый раз вошел в мировой топ глобального рейтинга университетов Round University Ranking (RUR) за 2021 год. Всего в проекте приняли участие 867 университетов мира, включая 95 вузов России, это 11% от общего числа участников. В 2020 году Россия была представлена 82 университетами, а в 2016 году российских вузов было всего 23. В мировом рейтинге СевГУ занял 829-ю строчку; ранг по качеству преподавания – 730, по качеству исследований – 845, по уровню интернационализации – 821 и 824 – по уровню финансовой устойчивости.

В 2021 году СевГУ поднялся в Национальном рейтинге университетов на 37 пунктов, по сравнению с прошлым годом и занял 212-ое место. Составители рейтинга ранжировали университеты, оценивая их работу по шести критериям: образование, исследования, социальная среда, международная деятельность, инновации и предпринимательство, бренд.

Севастопольский государственный университет – крупнейшее высшее учебное заведение г. Севастополя и одно из виднейших вузов в Крыму. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 декабря 2015 года за № 2627-р утверждена программа развития федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет» на 2016 – 2025 годы. Программа направлена на формирование и развитие на территории г. Севастополь крупного научно-образовательного центра, решающего задачи инновационно-технологического, социально-экономического и гражданско-патриотического развития г. Севастополя, Республики Крым и Российской Федерации.

Согласно программе приоритетными направлениями развития университета являются: морские технологии, энергетика, приборостроение, информационные технологии, перспективные технологии, в числе которых микроэлектроника, нанотехнология и новые материалы, телекоммуникативные системы, биолого-химические технологии, ядерные технологии, рациональное и ресурсосберегающее природопользование, территориальное развитие и градостроительство, управление процессами институциональной и технологической модернизации экономики.

В развитии Севастопольский государственный университет опирается на стратегическую программу Севастополя, Крыма и на Национальную технологическую инициативу России.

Проанализировав известные зарубежные и отечественные рейтинговые системы, автор статьи предлагает свое видение рейтинга образовательных учреждений по следующим критериям и показателям:

Критерии	Показатели
Качество знаний	- количество студентов победителей и призеров международных конкурсов и олимпиад; - количество студентов победителей и призеров национальных конкурсов и олимпиад; - удовлетворенность выпускников полученным образованием и возможностью применять его в трудовой деятельности; - удовлетворенность работодателей качеством подготовки в заведении высшего образования.
Качество профессорско-преподавательского состава	- количество штатных сотрудников, избранных академиками РАН; - количество штатных сотрудников, избранных членами-корреспондентами РАН; - количество штатных сотрудников докторов наук; - количество штатных сотрудников кандидатов наук; - количество штатных сотрудников профессоров; - количество штатных сотрудников доцентов; - количество штатных сотрудников, награжденных Государственной премией РФ в области науки и технологий.
Показатели публикационной активности	- представленность вуза в интернет пространстве в рейтинге Ranking of World Universities; - индекс Хирша в Российском индексе научного цитирования(РИНЦ); - цитируемость в Scopus, Web Science и Researcher D.
Интеграция в мировое и европейское образовательное пространство	- количество иностранных студентов; - количество иностранных преподавателей; - возможность получения двойного диплома.

Таб.1 – Критерии и показатели рейтинга образовательного учреждения

Таким образом, результаты научного поиска позволяют констатировать актуальность проблемы имиджа заведений высшего образования, им является образ, сформировавшийся в массовом сознании. Составляющими имиджа высшего учебного заведения являются внешние и внутренние факторы. Одним из важных факторов в формировании имиджа является рейтинг высшего образования. Для его определения предложены критерии и показатели. Автор статьи считает перспективным дальнейшую разработку более совершенных и качественных методов определения рейтингов высших учебных заведений.

Список литературы

1. Каплюк, Е. В., Методические характеристики основных компонентов оценки организаций высшего образования в мировых рейтингах / Е. В. Каплюк, М. А. Масыч // Journal of Economy and Business. – 2018. – vol. 10. №1. – С. 108 - 112.
2. Троцук, И. В. Рейтинг вузов: методология и методология составления «таблиц лиг» (зарубежная практика) / И. В. Троцук // Вестник РУДН. Серия Социология. – 2008. – № 1. – С. 39 - 48.
3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации от 29.12. 2012 № 273-ФЗ (ред. от 21.07.2014) с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165887 (дата обращения: 1.12.2021)
4. Шавардова, Е. Ю. Социальная специфика имиджа: формат методологии и аудирования / Е. Ю. Шавардова, О. В. Ярмук // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2021. – №1. – С. 26 – 34.

Статья поступила в редакцию 15.12.2021

Shavardova, E. Yu. *Philosophy of the Image of a Modern Educational Institution*

The article substantiates the definitions of the image of an educational institution. The author outlines the components of the image of a higher educational institution, discloses its correlation with the rating of a higher educational institution, and formulates her own vision of the criteria and indicators for determining the rating of higher educational institutions based on the results of scientific research.

Keywords: higher educational institution, image of a higher school, components of the image, rating of a higher educational institution, rating criteria, indicators and image of SevSU.

УДК 111+115

В статье рассматриваются различные онтологические концепции, связанные с представлениями о моделях вероятностного будущего. Проводится исследование взаимосвязи онтологических концепций в соотношении с физическими и космологическими концепциями. Кроме того, анализируются различные вопросы, связанные с проблемой соотношения теоретических установок и эмпирических данных в контексте развития и изменения научных представлений о природе пространства и времени.

Ключевые слова: онтология, стрела времени, абсолютное пространство, кот Шрёдингера, многомировая интерпретация Эверетта, модель де Ситтера

Р. В. Ткаченко, доцент, канд. филос. наук
Севастопольский государственный университет
E-mail: tkachenko.rv5150@mail.ru

БУДУЩЕЕ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Говоря о будущем, человек подразумевает иное, ещё не наступившее время. Благодаря стереотипам, царствующим в мире фантастики, грядущее, в человеческом сознании, ассоциируется, прежде всего, с глобальными технократическими новациями, появление которых повлечёт за собой не менее глобальные социокультурные, политические и экономические изменения. Однако прежде чем сосредотачивать внимание на классификации незамкнутого гипотетического ряда футурологических метаморфоз, необходимо рассмотреть такую недостижимую в настоящем структуру как будущее в онтологическом ракурсе.

В качестве главного препятствия, отделяющего человеческую цивилизацию от будущего, выступает время. Анализируя труды по классической и постклассической онтологии можно столкнуться со своеобразной позицией при оценке времени. Мало кто из мыслителей считал трудно понимаемыми категориями, например, протяжённость или расстояние, но на загадочность или непостижимость времени обращали внимание все. Основная проблема при понимании сущности темпорального потока проистекает из его следующей характеристики: настоящее, то, что обладает для нас наибольшей актуальностью и фактичностью, то, что мы называем «сейчас», не является постоянным и статичным образованием, а характеризуется изменениями и движением в направлении будущего. «Стрела времени ориентирована по данному направлению, так как более дифференцированное по необходимости выступает как прошлое, тогда как менее дифференцированное выступает как будущее и цель. Такой порядок времени – от прошлого к будущему – соотносён с настоящим, то есть с определённой фазой времени, выбранной внутри рассматриваемой индивидуальной системы. Следовательно, здравый смысл наделён всеми условиями для выполнения своей сущностной функции – предвидения» [3, с. 103].

В реальности темпоральный поток существует только как некая абстракция нашего сознания. Тем не менее, наши представления о линейной направленности «стрелы времени» в область будущего являются совершенно обыденным. Подобное представление находит отображение и в семантической и семиотической структуре языка. Здесь можно выделить две темпоральнолингвистические концепции. В первой – точка, называемая «сейчас» находится в постоянном движении в область будущего. Во второй – определённые события и явления выступают в качестве стационарных, а темпоральный поток движется мимо них, так что определённые моменты будущего, проходя через настоящее «сейчас», становятся прошлым.

Однако, как в первом, так и во втором случае, будущее выступает как нечто ещё не свершившееся и, следовательно, не наделённое законченной реальностью. Здесь реальность свершившегося на языковом уровне принадлежит исключительно настоящему (или, говоря языком М. Хайдеггера «актуальности») и прошлому (как фактически законченному действию). Будущему же принадлежит реальность иного рода, так сказать менее определённая, аморфная. Следовательно, «будет» лишено той материальности и плотности, той реальной весомости, которая присуща «есть» и «было». Будущее не является однородным с настоящим и прошлым, и каким бы длительным оно ни мыслилось, оно лишено содержательной законченной конкретности» [1, с. 76].

Наши органы чувств устроены так, что мы не в состоянии ощутить плотность или материальность темпорального потока. Мы только в состоянии ощутить различия между ощущениями реальности и нашими воспоминаниями о прошлых, пережитых ощущениях. Данное различие интерпретируется нашей психикой как подтверждение о происходящих во Вселенной изменениях и, следовательно, о существовании потока времени. Так же наши выводы о темпоральном потоке находятся в соотношении с существованием такого явления как причинно-следственная связь. Стоит отметить, что своеобразное

конструирование онтологических моделей вероятностного будущего может строиться на нескольких базовых основаниях и данные модели могут в корне отличаться друг от друга.

Если мы примем в качестве фундирующего основания столь любимую классическими метафизиками концепцию свободы воли, то человек вполне в состоянии повлиять на будущие события, при помощи одного из выбранных вариантов своего действия. Прошлое рассматривается в этом случае как нечто неизменное, ушедшее и не поддающееся изменениям (если, конечно же, это не сценарий «Назад в будущее»), будущее же открыто, вариативно. Следовательно, вероятностное будущее выступает здесь, скорее, как консеквент при имплицативной логической связи.

Однако, рассматривая такой феномен как следствие какой-либо причины, с позиций жёсткого детерминизма, необходимо указать, что он может проявиться только в результате влияния данной причины и видоизменяться только под воздействием данной причины.

Таким образом, онтологические концепции, интерпретирующие пространство и время не в качестве линейной структура, а в качестве совокупности чередующихся друг за другом моментов (например, как в апориях Зенона Элейского), отрицают наличие темпорального потока и, следовательно, не в состоянии согласовать категории причины и следствия.

Обращаясь к доквантовой физики, мы сталкиваемся с такими категориями как абсолютное пространство и время, которое характеризуется полной безотносительностью, к чему бы то ни было внешнему. Оно всегда остается одинаковым и неподвижным и выступает в качестве универсальной длительности любых процессов во Вселенной. В подобной системе «детерминизм физических законов о событиях подобен предсказуемости правильно собранной мозаики. Законы науки определяют, что происходит в один момент, исходя из того, что происходит в другой, так же как правила мозаики определяют положения некоторых элементов, исходя из положения других. Но, как и в случае с мозаикой, то являются ли события в различные моменты причиной друг друга или нет, зависит от того, как сложились моменты» [4, с. 278].

Обращаясь к квантовой теории, можно сделать вывод, что она базируется на вероятностях. Классическая же аристотелевская логика строится на бинарности «А–не А» (как, например, в законе исключенного третьего), и является той определённой с которой привыкло иметь дело человеческое сознание.

Наиболее ярким примером, иллюстрирующим действие вероятности, может служить эксперимент, известный как «кот Шрёдингера».

Эрвин Шрёдингер, для модели неопределённости, предлагал представить шарик, наполненный ядовитым газом, который может взорваться (гипотетическое событие А) либо не взорваться (гипотетическое событие В). Очевидно, что к исходу определённого времени вероятности обоих событий будут равны 50%. Поместим данный шарик в коробку с живым котом и закроем её.

До того, как мы откроем коробку и увидим результат, вероятности того, что шарик взорвался, и того, что он остался целым, всё ещё равны и составляют 50%. То есть здесь, мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, когда вероятность того, что кот жив, и вероятность того, что он мёртв, также равны.

То, есть данный эксперимент, при использовании категорий линейной аристотелевской логики, описывает ситуацию, когда кот является одновременно живым и мёртвым. Данная ситуация будет сохраняться до тех пор до тех пор, пока мы не откроем коробку.

Модель, в которой произошло гипотетическое событие А (взрыв шарика) и, следовательно, содержится мёртвый кот, здесь сосуществует с моделью, в которой произошло событие В и кот жив. То есть вероятность каждой из этих моделей равна 50%. Классическая физика в состоянии предсказать точные результаты *до того*, как мы заглянем внутрь коробки, квантовая же физика может предсказать вероятности, *пока* мы не заглянем внутрь. Следовательно, при квантовой интерпретации данного эксперимента, мы непосредственно сталкиваемся с вероятностным будущим.

Однако гипотетические сценарии вероятностных событий можно выразить и с помощью иных моделей. Так, в 1957 году Хью Эверет опубликовал тезисы своей докторской диссертации, которая заложила основы иной теории интерпретации вероятностной реальности, а именно модели ЭУГ (модель Эверетта, Уиллера, Грехема) или многомировой интерпретации.

Сравним данную концепцию с гипотетической ситуацией, связанной с «котом Шрёдингера». «В ситуации с «котом Шрёдингера» вектор состояния, то есть вероятностная волна, описывающая возможные исходы квантового процесса, может коллапсировать двумя способами – или по сценарию А, в котором кот мёртв, или по сценарию В, в котором кот жив. Следовательно, если вектор состояния может коллапсировать двумя способами, то мы, до того как увидим один из вероятностных исходов данной ситуации, пребываем в состоянии *«может быть»*» [8, с.175].

Используя модель ЭУГ можно утверждать, что вектор состояния здесь не коллапсирует. Любой вероятностный исход может проявиться в многообразных собственных состояниях или в вероятностных множествах. Так как данные состояния должны где-то наличествовать и не могут сосуществовать в

пределах одного и того же пространственно-временного континуума, то они существуют в различных вселенных.

Таким образом, в мультипространстве, наш мир не является единственным и уникальным. В том же мультипространстве, которое содержит в себе четырёхмерную вселенную Эйнштейна, существуют и иные вселенные, количество которых непосредственно связано с вероятностным разрешением ситуаций. Следовательно, в одной вселенной собственное состояние в конце опыта с ядовитым шариком содержит мёртвого кота, а в другой вселенной собственное состояние содержит живого кота.

Подобное происходит каждый раз, когда возникает вероятность 50% – вектор состояния расщепляется на два вектора в двух вселенных.

Однако возникает вполне естественный вопрос, а именно, о месте конкретного субъективного «Я» в пределах мультипространства. Ведь если мы имеем дело с множеством миров, то в каком из них пребываем мы сами? При использовании модели ЭУГ мы сталкиваемся не только с множественностью вселенных, но и с парадоксальной множественностью «Я» каждое из которых существует в собственной вероятностной вселенной, так что конкретное «Я» распадается здесь на множество идентичных копий, каждая из которых является, в то же самое время, и оригиналом.

Довольно проблематично вычислить точное число вероятностных вселенных, существующих согласно этой модели, но так как возможные вселенные должны были возникнуть из одного Большого Взрыва, (что принимается в данной модели), то это число является очень большим, но не бесконечным. По последним подсчётам оно оценивается как превышающее 10^{100} .

На примере модели ЭУГ и квантовых концепций времени, мы можем увидеть, что проблема вероятностного будущего в состоянии оказывать влияние на формирование мировоззренческих концепций. Коррелятивные следы вероятностного будущего мы так же можем встретить и при анализе такой темпоральной структуры как стрела времени, то есть возможности отличать прошлое от будущего и определять направление временного потока.

Согласно второму закону термодинамики, в любой замкнутой системе энтропия всегда возрастает с течением времени. То есть, можно утверждать, что через определённый период времени, любая система из состояния уравновешенности и порядка перейдёт в состояние беспорядка, поскольку состояний беспорядка в количественном отношении больше. Таким образом, возникновение саморегулирующихся систем в хаотической среде – явление практически невозможное (что не совпадает с базовыми положениями синергетики) [7]. С распадом же систем, а, следовательно, и с возрастанием степени энтропии мы можем столкнуться во вселенной практически на любом уровне – от разбивания чашки и распада империй до гравитационного коллапса звёзд и столкновений галактик.

Возникает закономерный вопрос: если степень энтропии возрастает с течением времени то, следовательно, вселенная в своей изначальности, являлась системой с высокой степенью упорядоченности? Однако не следует забывать, что точка Большого Взрыва является сингулярной, то есть, те или иные количественные или качественные характеристики здесь могут стать бесконечными настолько, что физические законы перестают действовать. Кроме того, «начальное состояние универсума могло быть не однородным и неупорядоченным, в силу существования небольших флуктуаций плотности и скоростей частиц. При экспоненциальном расширении Вселенной, после Большого Взрыва, данные флуктуации расширялись медленнее вследствие гравитационного притяжения лишней массы, что и послужило причиной образования галактик» [9, с. 208].

Расширяющаяся Вселенная является структурой, благодаря которой мы можем сделать вывод о движении темпорального потока, и, следовательно, об изменении окружающего нас мира. Согласно теории Большого Взрыва, Вселенная возникла в бесконечно плотном состоянии и с тех пор расширяется. Нынешнюю скорость расширения Вселенной можно определить, измеряя по доплеровскому эффекту скорости удаления от Земли других галактик, так как их спектры обладают значительным красным смещением. Кроме того, данная теория объясняет причину возникновения такого явления, как космическое фоновое излучение, регистрируемое в микроволновом диапазоне и являющиеся реликтовым излучением, оставшимся от начальной стадии существования вселенной. Следовательно, в теории Большого Взрыва мы сталкиваемся с равнонаправленными космологическими и термодинамическими стрелами времени. Таким образом, будущее здесь напрямую взаимосвязано с космологическими процессами.

Однако за последнее время открыт ряд фактов, не укладывающихся в рамки теории Большого Взрыва. Так, например, «известны галактики, явно физически связанные между собой и находящиеся от нас на равном расстоянии, но имеющие при этом существенно различающиеся красные смещения. Так же не укладывается в рамки теории Большого Взрыва тот факт, что при одном и том же удалении спиральные галактики всегда имеют большие красные смещения, чем эллиптические. Следовательно, получается, что скорость расширения Вселенной (а, значит, и течения темпорального потока) в разных направлениях неодинакова» [5, с. 167].

Конструкция замкнутого течения темпорального потока долгое время представлялась спекулятивной идеей, пока она не была разработана в рамках физики. В 1949 году австрийский математик Гёдель получил в качестве решения релятивистских гравитационных уравнений космологическую модель, в которой некоторые временноподобные линии являются замкнутыми. Известна также релятивистская космологическая модель де Ситтера, темпоральные линии которой тоже замкнуты.

За последнее время в рамках общей теории относительности был получен ряд решений, согласно которым будущее объектов может смыкаться с их прошлым. В качестве примера можно привести циклическую модель мира А. Фридмана. «В одной из циклов «расширение – сжатие» данной модели находится вселенная, подобная нашей, если говорить о направлении в ней временного потока. А в следующем цикле темпоральный поток может оказаться направленным в противоположную сторону (модель вселенной с обращённым временем)» [2, с. 251].

Рассматривая два таких последовательных цикла, можно прийти к выводу, что в подобной вселенной нет ни начала, ни конца. Вселенная, которая сейчас находится в стадии расширения, достигла бы максимальных размеров, а затем сжалась бы снова к конечному взрыву, при этом стёрлась бы всякая структура и информация. Материя во вселенной вступила бы в новый цикл расширения и сжатия, но уже с противоположно направленной асимметрией движения темпорального потока. В конце данного обращённого во времени цикла должен произойти иной Большой Взрыв, отождествлённый затем с уже упоминавшимся первым Большим взрывом в нашем собственном прошлом. То есть именно тот Большой Взрыв, что явился причиной возникновения нашей Вселенной, в будущем завершит эволюцию вселенной с обращённым движением темпорального потока.

Существуют модели, более упрощенные, чем модель Гёделя, которые удовлетворяют уравнениям гравитации Эйнштейна и содержат при этом замкнутые линии времени. Типичный образец подобной конструкции – гипертюр или модель де Ситтера, в которой, как бы не была определена наблюдателем локальная ориентация времени, он всегда может, двигаясь по непрерывным геодезическим линиям, проникнуть из области с темпоральностью одного знака в область с темпоральностью другого знака.

Если принять в качестве базовой концепции теорию Большого Взрыва, то следует, что мы живём в расширяющейся Вселенной, так как мы наблюдаем хаббловское красное смещение удаляющихся от нас объектов. Следовательно, термодинамическая и космологическая стрелы времени в данной вселенной являются равнонаправленными. Если же допустить вероятность нашего пребывания во вселенной с обратным течением времени, то, следовательно, мы бы наблюдали сжимающееся пространство-время и фиолетовое смещение взамен красного. Однако существует ряд нюансов, из-за которых данное утверждение является спорным.

Если во Вселенной с обратным течением темпорального потока действуют соответственно обращённые законы термодинамики и время движется в обратном направлении, противоположному нашему (не стоит уточнять какое из них является истинным), то никакого излучения сближающихся галактик не будет, как не будет вообще излучения с поверхности звёзд. Звёзды здесь будут выступать как объекты, поглощающие излучение, а фиолетовым смещением будут обладать не они, а источники теплового излучения на самой Земле.

Однако какой бы направленностью обладала бы в подобной Вселенной термодинамическая стрела времени? В нашей Вселенной увеличивается рассеивание энергии и, следовательно, растёт энтропия. Возрастание степени энтропии, вызывая картину асимметрии явлений, может внезапно или же постепенно обратиться, и все наблюдаемые явления окажутся обращёнными вспять относительно течения темпорального потока. Но для подобной обращённой во времени Вселенной всё происходящее в ней будет ничем не более примечательным, чем то, что мы наблюдаем в своей повседневности. Разница здесь будет чисто семантическая, но не физическая.

Представляется возможным соединение данной модели с моделью пульсирующей Вселенной, при котором в ней будет обращаться космологическое расширение. Будет ли подобная Вселенная сжиматься, или же напротив, расширяться – обитатели каждой из данных стадий эволюции будут рассматривать собственный универсум как расширяющийся, считая коллапсом Вселенной противоположную стадию, так как при обращённом направлении стрелы времени невозможно определить, в какой половине жизненного цикла подобной Вселенной мы находимся в данный момент времени. В такой Вселенной бессмысленно утверждать, что один Большой Взрыв является её началом, а следующий – концом, как это возможно при однонаправленном линейном восприятии времени. Оба они являются своего рода начальными точками, согласованными друг с другом.

Между гипотетическими обитателями двух стадий эволюции универсума с обратным течением темпорального потока контакт едва ли возможен по причине противоположности логики умозаключений (то, что будет являться информацией для обитателей одной половины, будет выступать в качестве шума для обитателей другой). Однако можно допустить, что в случае постепенного перехода от одного цикла к другому в данной стадии эволюции должны проявиться слабые изменения в поведении излучения от

космических объектов, что будет свидетельствовать о полном изменении самих процессов в далёком будущем.

После открытия, регистрируемого в микроволновом диапазоне, реликтового излучения, многие теоретики стали считать его аргументом в пользу теории Большого Взрыва. Однако данное явление может быть использовано и в качестве подтверждения существования квазистационарной циклической Вселенной.

Реликтовый фон, в данной космологической концепции, есть не остаточное явление из прошлого Вселенной, а зарождающееся явление из будущего.

Однако в концепции Вселенной с обращённым течением темпорального потока существует один проблематичный нюанс, а именно, требование исключительной степени согласованности в движении бесчисленного количества атомов.

Основываясь на том, что понятие «сейчас» носит локальный характер, и что вместо глобального «сейчас» следует анализировать лишь индивидуальные «здесь и сейчас», вполне возможно допустить существование в отдельных частях универсума областей с взаимобратным течением темпоральных волн, каждая из которых обладает собственным ходом времени.

Исходя из соображения, что движущееся время может иметь смысл, если его измерять относительно другого времени, реально предположить существование бесконечного ряда темпоральных измерений, каждое из которых находится в динамическом состоянии относительно последующего. Так же, время, помимо темпоральной динамики, вполне может обладать и некой плотностью. Так, согласно гипотезе Н. А. Козырева, «время может излучаться, экранироваться и даже зеркально отражаться гравитационными полями космических тел. Не будучи материальным носителем, время всё же способно мгновенно передавать информацию, так как, возникая сразу во всех частях Вселенной, оно обладает бесконечной скоростью» [6, с.107].

Время, несмотря на собственную трудноопределяемость и нематериальность, является реальным фактором, принимающим активное участие во всех физических процессах. Именно оно оказывается ответственным за упорядочение данных процессов, проявляясь в фиксируемых причинно-следственных связях. Роль времени как организующего начала всех физических процессов могла оказаться решающей и в процессе возникновения такого уникального явления, как органическая жизнь и её последующая эволюция.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Эпос и роман / М. М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – 304 с.
2. Девис, Л. Пространство и время в современной картине Вселенной / Л. Девис. – М.: Мир, 1979. – 288 с.
3. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. – М.: Академический Проект, 2011. – 472 с.
4. Дойч, Д. Структура реальности / Д. Дойч. – Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2001. – 400 с.
5. Зигель, Ф. Ю. Вещество Вселенной / Ф. Ю. Зигель. – М.: Химия, 1982. – 176 с.
6. Зигель, Ф. Ю. Неисчерпаемость бесконечности / Ф. Ю. Зигель. – М.: Детская литература, 1984. – 256 с.
7. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Едиториал УРСС, 2000. – 312 с.
8. Уилсон, Р. Квантовая психология / Р. Уилсон. – К.: Янус, 2000. – 224 с.
9. Хокинг, С. Краткая история времени: От большого взрыва до чёрных дыр / С. Хокинг. – СПб.: Амфора, 2001. – 268 с.

Статья поступила в редакцию 20.12.2021

Tkachenko, R. V. The Future as an Ontological Category

The article discusses various ontological concepts related to the concepts of the probabilistic future models. The author carries out the study of the relationship of ontological concepts in relation to physical and cosmological concepts and analyzes various issues related to the problem of the correlation of theoretical attitudes and empirical data in the context of the development and change of scientific ideas about the nature of space and time.

Keywords: ontology, arrow of time, absolute space, Schrodinger's cat, multi-world interpretation of Everett, de Sitter model.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

* * *

УДК 061.1/2:342.7(100+470)

В статье представлены и анализируются примеры передового опыта правозащитной деятельности на государственном уровне в европейских государствах. Обоснован тезис, что в современных условиях для реализации комплексной стратегии правозащитной деятельности организациям гражданского общества и их платформ необходимо добиваться укрепления отношений с властными органами, получать признание как авторитетным участникам национальных систем социального обеспечения, а также способствовать формированию культуры и климата, обеспечивающих структурированный диалог между правительством и неправительственными правозащитными организациями.

Ключевые слова: правозащитная деятельность, правозащитные организации, организационное лоббирование.

Е. В. Скребец, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: l_skrebec@mail.ru

М. И. Росенко, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: mariyair@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАВОЗАЩИТНОЙ РАБОТЫ

В условиях разворачивающихся кризисных процессов планетарного масштаба, сопровождающихся сменой парадигм социокультурного и экономического развития, возрастает необходимость работы как государственных институтов, так и представителей гражданского общества над структурными изменениями правозащитной деятельности на всех уровнях. Пандемия COVID-19, которая быстро стала распространяться по всему миру, оказала значительное воздействие на положение в области продовольственной безопасности и уровень безработицы, вызвала кризис здравоохранения и торможение экономической деятельности. Карантинные меры, призванные сдержать распространение болезни, создали условия для серьезных сбоев в функционировании многих подсистем социальной защиты.

Неправительственным правозащитным организациям (далее – НПО) в условиях пандемии стало сложнее сотрудничать с национальными правительствами, предлагать решения актуальных социальных проблем и отстаивать соответствующие структурные изменения. Европейские правозащитные организации констатируют «ощущение уменьшения пространства гражданского общества» [2]. Проблема взаимодействия НПО и национальных правительств стала носить структурный характер, и среда, в которой в настоящее время действуют неправительственные организации, не способствует эффективности правозащитной деятельности в целом.

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что одним из приоритетных направлений правовой политики современного государства является защита прав и свобод человека и гражданина. Цель исследования заключается том, чтобы рассмотреть понятие и особенности современной правозащитной деятельности, раскрыть специфику деятельности европейских НПО, методы их взаимодействия с национальными правительствами, и на этой основе выработать предложения относительно повышения эффективности правозащитной работы в целом.

Значительный вклад в исследование правозащитной деятельности, ее конституционно-правовых основ, форм и методов ее осуществления внесли такие авторы фундаментальных

теоретико-правовых исследований как С. С. Алексеев, М. В. Баглай, Н. С. Бондарь, Л. Д. Воеводин, Н. В. Витрук, О. Э. Лейст, М. В. Мархгейм, Ф. М. Рудинский, И. Е. Фарбер и другие ученые. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания, в том числе: конкретно-исторический, метод системного анализа, структурно-функциональный, а также сравнительный и иные методы, в соответствии с которыми рассматриваются общественные отношения, возникающие в процессе осуществления правозащитной деятельности.

Для современных государств свойственно определение понятия правозащитной деятельности на государственном уровне путем его анализа через призму систем социального обеспечения. Как отмечает российская исследовательница Е. В. Януш, правозащитная деятельность представляет собой вид деятельности, включающий два аспекта: во-первых, он направлен на обеспечение охраны прав, свобод и законных интересов субъектов права путем формирования и закрепления правовых норм, призванных упорядочить общественные отношения, и, во-вторых, он нацелен на защиту прав, свобод и законных интересов субъектов права (частных интересов) в случае их нарушения путем обеспечения функционирования соответствующих государственно-властных структур и (или) лиц, допущенных к оказанию юридических услуг (помощи) [4, с. 42]. М. В. Мархгейм утверждает, что правозащитная деятельность осуществляется публичными и непубличными субъектами, имеющими соответствующий правозащитный арсенал, и составляющими правозащитную структуру общества и государства. Данную структуру автор называет организационно-публичной основой конституционной системы защиты прав и свобод человека и гражданина – правозащитной системы страны [1, с. 22]. Правозащитная деятельность представителями отечественной науки рассматривается как эффективный индикатор уровня развития самоорганизации гражданского общества. Она включает контроль за состоянием правовой защищенности личности и общества, реакцию на факты нарушений, которая направлена на принятие необходимых мер для восстановления нарушенных прав, на положительное изменение ситуации с соблюдением прав и свобод человека и гражданина, и приведение ее в такое состояние, которое будет характеризоваться неуклонным соблюдением и возможностью их реализации, с учетом интересов государства и общества.

Целью правозащитной деятельности является обеспечение состояния максимально возможной в данных условиях правовой защищенности каждого члена общества. Функционирование НПО, в частности, направлено на повышение качества жизни людей и их сообществ в разных государствах мира, на трансформацию общества и создание более справедливого миропорядка. Задачи, которые ставят перед собой европейские правозащитные организации, заключаются в работе над изменением институционных норм и правил, юридических и политических процессов и систем, а также отношения, менталитета и поведения граждан и руководства стран [см., н-р: 3]. Для европейской правозащитной деятельности характерны открытая (двухсторонняя) коммуникация, воздействие за счет увязывания интересов различных сторон, создание обоюдовыгодных ситуаций и стимулирование долгосрочных отношений с лицами, ответственными за принятие решений.

При этом, правозащитная деятельность детерминирована не только общими целевыми установками, но и деятельностной мотивацией, свойственной субъектам правозащиты различной правовой природы. В частности, в системе правозащитных институтов гражданского общества принято выделять общегосударственные, межрегиональные и региональные организации, образования уровня субъекта федерации и местного уровня, институт адвокатуры. Правозащитная система, соответственно, включает в свою структуру совокупность взаимодействующих между собой правозащитных элементов, таких как нормы, субъекты и институты. Однако, как демонстрирует практика, только создание системы специализированных государственных правозащитных органов не приводит к повышению уровня защищенности прав и свобод человека и гражданина. Сформированные по инициативе общественности в целях повышения уровня защиты и соблюдения прав и свобод, НПО способны оказывать влияние на законодательную и правоприменительную практику государства в области соблюдения прав человека путем проведения акций, направленных на правовое просвещение, внесения представлений по улучшению деятельности в сфере защиты прав в органы государственной власти, организации различных форумов и т.д. Деятельность правозащитных организаций также связана с координацией встреч общественных групп с выборными должностными лицами для информирования последних о сложившейся ситуации и внесения предложений по изменению законодательства и социальной

политики; личными встречами с ответственными за принятие решений лицами, делегациями; неформальным общением на различных мероприятиях; выработкой общих документов (например, рекомендаций) и проч. В европейских правозащитных системах НПО занимают важное место и являются элементом, обеспечивающим взаимодействие государства и его граждан в области юридической защиты прав человека и поддерживающим ее высокий уровень. Правозащитная деятельность НПО в Европе выражается в оказании ими правовой помощи гражданам; участии их представителей в законодательном процессе (включая работу по подготовке законопроектов, проведению экспертизы проектов законов, затрагивающих права и свободы граждан, и эффективности действующих законов, подготовку собственных инициативных законодательных проектов); в форме осуществления контроля за исполнением государством международных обязательств в сфере защиты прав человека, а также участия в расследованиях отдельных фактов нарушения прав человека.

Согласно авторитетному мнению европейских экспертов в правозащитной деятельности, особенно в современных условиях, усилия правозащитных организаций наиболее целесообразно направлять на то, чтобы иметь возможность принимать участие в структурированных диалогах и консультациях с правительством, которые касаются реформ в области социальной политики и их реализации. Как демонстрирует практика функционирования правозащитных организаций в европейских странах, эффективно выстроенная система взаимодействия НПО с институтами государственной власти способна побуждать правительство увеличивать государственные ассигнования поставщикам социальных услуг или оказывать влияние на объемы финансирования, которое они получают; формировать благоприятные возможности для некоммерческих организаций по предоставлению социальных услуг, которые ранее находились исключительно в ведении государственных органов; инициировать новые проекты и развитие новых сфер предоставления соответствующих услуг.

Тема правозащитной деятельности на государственном уровне (ПДГУ), например, широко представлена в сети «Каритас Европа». Хорхе Нуньо Майер (Jorge Nuño Mayer) Генеральный секретарь «Каритас Германии» использует для отношений с национальными, региональными и местными органами власти выражение «организационное лоббирование» («verbandliche Lobbyarbeit») – то есть правозащитная деятельность, обеспечивающая укрепление как самой лоббирующей организации, так и государства, иными словами, «правозащитная деятельность на государственном уровне» [3]. Эксперты «Каритас Европа» отмечают, что достаточное законодательное обеспечение деятельности правозащитных организаций в современных условиях должно гарантировать благоприятные нормативные условия, позволяющие им функционировать и преуспевать как некоммерческим организациям. Для эффективной правозащитной деятельности законодательно должен быть определен правовой статус НПО и возможность оказывать их членами влияние на процессы разработки политики и принятия решений, касающихся услуг, которые они оказывают в соответствии с полномочиями, предоставленными правительством. Кроме этого, должна быть предусмотрена возможность передачи правительством полномочий гражданскому обществу на предоставление ряда социальных услуг, сформирована культура и климат, способствующие структурированному гражданскому диалогу между правительством и НПО.

Не менее важно обеспечение финансовых условий, которые должны позволять НПО получать государственное финансирование или финансирование со стороны правительства для предоставления определенных социальных услуг, налоговые льготы, которые могли бы способствовать деятельности НПО, специальные «социальные оговорки» в процедурах государственных закупок, а также возможность создания прямых партнерских соглашений между государством и НПО о предоставлении социальных услуг при государственном финансировании.

Целью политического взаимодействия НПО с национальными правительствами является их успешная совместная работа и возможность для правозащитных организаций добиваться структурных изменений в сфере правозащитной деятельности через участие в официально учрежденных государственных консультативных органах и узкоспециализированных консультациях правительства в сфере политики и/или законодательства, влияющих на судьбы социальных групп, которым оказывают помощь НПО, и разрабатывать рекомендации и предложения по выработке политических положений, касающихся формирования и реализации национальной политики в этой области.

В государствах Европы созданы платформы неправительственных организаций, члены которых принимают участие в «терпеливой долгосрочной лоббистской работе» с министерствами, служащей основой для формирования авторитета НПО. Способы взаимодействия НПО с государственными структурами является создание инициативных групп (например, состоящих из представителей региональных министерств и соответствующих НПО, осуществляющих регулярное взаимодействие); участие в разработке законодательных актов путем предоставления текстов; организация консультаций и/или общественных обсуждений, в том числе путем внедрения механизмов совместных заседаний и обмена информацией о соответствующих проблемах. Предпосылками эффективной правозащитной деятельности на государственном уровне считается сотрудничество НПО с другими организациями гражданского общества, привлечение юристов или квалифицированных специалистов в области политики и права для того, чтобы предлагать качественные изменения в законодательстве или политические преобразования, организованная обширная база волонтеров, которая используется с целью получения доступа к структурированному диалогу или партнерству с правительством и органами власти.

Наиболее важным организационным требованием для успешной правозащитной деятельности на государственном уровне, согласно мнению лидеров одной из крупных и влиятельных правозащитных организаций Европы, является готовность и способность правозащитных организаций вкладывать значительные время и энергию в построение уважительных отношений с соответствующими органами власти на основе взаимного доверия [3]. Немаловажным условием также представляется им эффективное взаимодействие НПО со средствами массовой информации как на национальном, так и на местном уровне. Европейские НПО констатируют, что важнее получение авторитета и доверия тех, кто принимает политические решения, нежели выстраивание сильного общественного профиля в СМИ, когда речь идет о влиянии на формирование законодательства, регулирующего политику. Например, показательно мнение экспертов правозащитной деятельности, работающих в Европе, которые акцентируют внимание на том, что активность в НПО СМИ должна иметь следующие особенности:

- правозащитные организации не должны привлекать к себе широкого внимания СМИ перед взаимодействием с правительством и во время такового в периоды, когда необходимо оказывать влияние на конкретные изменения в политическом или правовом поле;

- правозащитные организации никогда не должны публично притязать на признание за достигнутые результаты правозащитной деятельности, связанные с изменениями в законодательстве, за исключением случаев, когда это признание выражено коллегами из правительства и когда необходимо продемонстрировать спонсорам программ достижения и итоги проделанной работы;

- правозащитные организации следует избегать «суждений» и «сенсационных» заявлений для СМИ. Например, секретариат «Каритас Европа» отслеживает и предупреждает членские организации об инцидентах с участием организаций гражданского общества, которые могут отрицательно сказаться на общественном восприятии или репутации НПО, и предоставляет им краткие инструкции о том, как реагировать на такие инциденты, чтобы смягчить отрицательные последствия [3].

Таким образом, стилем эффективной правозащитной деятельности европейских НПО традиционно является уважительный и конструктивный, исключающий конфликты, учитывающий интересы правительства и избегающий публичного несогласия с позициями, выраженными политиками или коллегами-представителями гражданского общества, которое может нанести ущерб отношениям и подорвать доверие, – то есть «дипломатичный стиль» [3].

Для эффективного, конструктивного сотрудничества государства с НПО, согласно мнению европейских экспертов, необходимо осознанно и взвешенно укреплять отношения с национальными правительствами, налаживать связи с региональными и местными органами власти и успешно совместно реализовывать стратегии правозащитной деятельности. Именно в этом свете координируется и осуществляется правозащитная деятельность в странах Западной Европы. Как демонстрирует опыт европейского правозащитного движения, концепции правозащитной деятельности и сильного государства не противоречат друг другу, а находятся в тесном взаимодействии: успешная защита прав неблагополучных общественных групп приводит к усилению общественного и делового авторитета, укреплению отношений с правительствами, а

также большей самодостаточности НПО. Безусловно, универсальной модели системы правозащитной деятельности и ее взаимодействия с конкретным государственным механизмом, которые были бы применимы к любой стране или контексту, не может существовать. На конкретную модель правозащитной деятельности и модель организационного лоббирования оказывает влияние социальная система государства, поэтому стратегия НПО всегда должна согласовываться с определенной обстановкой. Неизменным и важным организационным условием для эффективной правозащитной деятельности является готовность и способность правозащитных организаций вкладывать значительные усилия в построение уважительных отношений с соответствующими органами власти на основе взаимного доверия.

Эффективно функционирующие правозащитные организации, сотрудничающие с органами государственной власти, не только способны обеспечивать и отстаивать интересы нуждающихся групп населения, получая ресурсы для благотворительной работы, но и позволяют позиционировать себя государству сильной, сплоченной структурой. Данная проблема является актуальной для ряда постсоветских государств, к проблемам правозащитной деятельности которых относится слабая координация усилий, отсутствие согласованных целей и доминирование отдельных институтов при необходимости в компромиссах и отсутствии общего мнения и целей. В современных условиях задачами деятельности публичных и непубличных субъектов, имеющих соответствующий правозащитный арсенал, и составляющих правозащитные структуры, должно являться способствование подлинно интегральному развитию, социальной справедливости и устойчивости общественных систем.

Список литературы

1. Мархгейм, М. В. Правозащитная деятельность публичных структур в Российской Федерации. Монография / М. В. Мархгейм. – Ростов н/Д: Ростиздат, 2006. – 111 с.
2. Правозащитная деятельность на государственном уровне. Исследование практических методов «Каритас» по укреплению отношений с правительствами // Каритас Европа (Caritas Europa) : сайт. – URL: https://www.caritas.eu/wordpress/wp-content/uploads/2019/06/institutional_study_FINAL_RU-singles.pdf (дата обращения: 12.08.2021).
3. Справочник по правозащитной деятельности. Некоторые успехи правозащитной деятельности «Каритас» в Европе / Программа ЕС по вопросам занятости и социальных инноваций «EaSI» (2014-2020), 2018 // Каритас Европа (Caritas Europa) : сайт. – URL: <https://www.caritas.eu/wordpress/wp-content/uploads/2018/07/160327-PU-Advocacy-handbook-RU.pdf> (дата обращения: 12.08.2021).
4. Януш, Е. В. О соотношении понятий «Юридическая деятельность», «Правоохранительная деятельность» и «Правозащитная деятельность» / Е. В. Януш // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – № 4. – 2017. – С. 38-46. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-yuridicheskaya-deyatelnost-pravoohranitelnaya-deyatelnost-i-pravozashchitnaya-deyatelnost> (дата обращения: 10.07.2021).

Статья поступила в редакцию 14.12.2021

Skrebets, E. V., Rosenko, M. I. On the Problem of the Effectiveness of Human Rights activities: the Experience of European Human Rights Work

The article presents and analyzes examples of best practices of human rights activities at the state level in European countries. The thesis is substantiated that in modern conditions, in order to implement a comprehensive strategy of human rights activities, civil society organizations and their platforms need to strengthen relations with authorities, gain recognition as authoritative participants in national social security systems, and also contribute to the formation of a culture and climate that ensures a structured dialogue between the government and non-governmental human rights organizations.

Keywords: human rights activity, human rights organizations, organizational lobbying.

УДК 355/359:001.11

Рассматриваются проблемы функционирования военной науки как одного из важных элементов военной сферы нашего государства. Предлагается авторское определение понятия «военная сфера», представлены ее специфические особенности, обосновывается особая значимость военно-научного компонента военной сферы и место в нем военной науки, представлена ее современная проблематика, не имевшая аналогов в прошлом, прописаны основные задачи совершенствования военно-научного компонента военной сферы.

Ключевые слова: военная сфера, военно-научный компонент, военная наука, национальная безопасность, военная безопасность.

И. В. Бернацких, канд. полит. наук

г. Москва

E-mail: Bernackih2011@mail.ru

В. В. Ларченков, профессор, канд. полит. наук

г. Москва

E-mail: vags422@inbox.ru

ВОЕННАЯ СФЕРА ГОСУДАРСТВА И ЗНАЧИМОСТЬ ЕЕ ВОЕННО-НАУЧНОГО КОМПОНЕНТА

Отечественными учеными, в сферу научных интересов которых входят проблемы национальной безопасности, давно установлено, что важнейшим элементом военной политики и доктрины государства, их теоретической основой является военная наука. В то же время пути реализации этой очевидной истины – в силу как объективных, так и субъективных причин – весьма и весьма сложны.

В своей фундаментальной работе «Отечественная военная наука: страницы истории, проблемы, тенденции» патриарх отечественной военно-философской мысли профессор С. А. Тюшкевич с сожалением отмечает, что «отношения между военной наукой и военной политикой, и доктриной в российской империи, а затем и в Советском Союзе нередко складывались драматично» [12, с. 206]. Николай II накануне Первой мировой войны, пишет далее он, считал применение военной науки к военной доктрине государства и его военной политике ненужным и даже вредным. Руководство СССР считало этот альянс возможным, но никак не необходимым, в силу чего новейшие положения и принципы военной науки о стратегической обороне, боевой готовности вооруженных сил и другие, увы, не нашли должного отражения при выработке военной политики и военной доктрины государства накануне Второй мировой войны [12, с. 206], за что было дорого заплачено в ходе Великой Отечественной.

Не задались эти отношения и в 90-е годы новейшей истории России. Впрочем, в тот период государству было, как говорят, не до науки в прямом смысле слова. Несмотря на это, в Министерстве обороны все-таки стремились отстаивать свои позиции поскольку военная наука в тот период оценивала состояние военной сферы как критическое. Так, в 1992 году коллективом Военной академии Генерального штаба под редакцией генерал-полковника И. Н. Родионова был разработан теоретический труд, уже во введении которого указывалось, что именно военная наука, «опираясь на достижения научно-технического прогресса, экономические, социально-политические и моральные возможности государства, результаты и выводы других наук, определяет военно-стратегические концепции по обороне страны, требования к ее подготовке для отражения возможной агрессии. Особое же внимание она уделяет познанию и исследованию закономерностей, тенденций, принципов, форм и способов вооруженной борьбы» [3, с. 3].

Устойчивого, апробированного или сколько-нибудь официального определения понятия «военная сфера», к сожалению, не существует. В силу этого отсутствуют и сколько-нибудь подробные исследования этого феномена с точки зрения его содержания и структуры. Однако есть исследователи, которые взяли на себя труд и ответственность сформулировать определение этого понятия. Но прежде, чем представить его на суд читателей, разберемся, для начала, в его семантическом состоянии.

Итак, «военная сфера». Первое слово данного понятия в толковании не нуждается, но для порядка уточним: «военный», значит, обслуживающий оборону страны, потребности армии..., относящийся к войскам государства [13]. Второе слово рассмотрим таким же классическим способом: при помощи авторитетных словарей русского языка. «Современный толковый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой трактует его, как «пределы распространения чего-либо» [7]. В известном «Толковом словаре»

Д. Н. Ушакова «сфера» обозначает «область, место, пределы, в которых существует, действует, развивается, применяется что-нибудь» [13], по смыслу – именно то, что соответствует нашему представлению. И, наконец, слово «сфера», как «область, пределы распространения чего-нибудь» [9] в классическом словаре С. И. Ожегова. Таким образом, если бы авторам выпала честь прокомментировать словосочетание «военная сфера» в каком-нибудь достойном словаре, было бы предложено следующее: *«пределы, в которых существует, действует, развивается, применяется что-либо, связанное с военной деятельностью государства»*: от, скажем, уроков начальной военной подготовки в общеобразовательной школе до атомных подводных крейсеров и гиперзвуковых ракет.

Достигнутые на сегодняшний день знания о сущности «военной сферы», ориентированные на дальнейшее ее познание, для широкого толкования ее понятия и отличительных особенностей, выявления тенденций развития и совершенствования «военной сферы» являются, к сожалению, не вполне достаточными, поскольку военная сфера как объект исследования представляет собой исключительно сложное по структуре образование, чем и обусловлены различия в ее трактовках, где авторы, как правило, акцентируют внимание лишь на каком-либо определенном аспекте (группе «родственных» аспектов) этого феномена, которым, безусловно, является данное уникальное общественно-государственное явление.

К примеру, часть исследователей, к которым принадлежит и В. П. Булатов, предлагают считать военную сферу совокупностью «объектов и деятельности сложных подсистем ВПК и Вооруженных Сил, научно-технического, обеспечивающего (инфраструктура) и образовательного компонентов оборонного предназначения» [2, с. 71].

Существует также мнение, когда под военной сферой подразумевают совокупность взаимосвязанных сторон жизнедеятельности общества (экономической, социальной, политической, духовной и др.), предназначенных для обеспечения военными средствами устойчивого развития государства в системе мирового сообщества.

Военную сферу понимают и как совокупность различных общественных отношений, в той или иной степени связанных с военным делом и военной деятельностью, считая, что их основу составляют военно-политические отношения.

С учетом представленных подходов к толкованию определения военной сферы полагается возможным сформулировать ее дефиницию следующим образом: ***военная сфера – это объективно необходимая, специфическая, относительно самостоятельная область жизнедеятельности государства, связанная с подготовкой, функционированием, развитием и применением военной теории и практики с целью обеспечения военной безопасности общества.***

В то же время следует учитывать и то, что «вооруженные силы удовлетворяют не только потребности во внешней, отчасти и внутренней безопасности, но и, при условии их соответствующего состояния, не менее важные потребности в самоуважении народа, его уважении со стороны мирового сообщества...» [2, с. 71]. Это позволяет сделать вывод о том, что влияние вооруженных сил отнюдь не исчерпывается выполнением политических функций по обеспечению военной безопасности [10, с. 118]. Военная наука сегодня не исчерпывается только новыми подходами к теории стратегии и оперативного искусства, техническими разработками «супероружия» и оружия, поражающее действие которого основано на новых физических процессах и явлениях. Сегодня военная наука позволяет себе вторгаться и в еще недавно табуированные кластеры, например, в разработку гуманитарных и даже политологических аспектов военной и оборонной проблематики.

Доктор технических наук генерал-лейтенант в отставке А. Г. Лузан, размышляя о проблемах Вооруженных Сил и в целом военной сферы, подчеркивает: «Сейчас крайне важен продуманный, научно обоснованный подход к решению этих проблем, и решаться он должен с привлечением военной науки под руководством компетентных целеустремленных руководителей... Ведь в этом и состоит реальное обеспечение безопасности нашей Родины» [8, с. 116].

В военной сфере занято большое количество специально подготовленных в военном отношении людей, оснащенных оружием и боевой техникой, а также работающих в оборонно-промышленном комплексе и других отраслях, непосредственно связанных с решением задач военной науки, прямо или опосредованно обеспечивающих функционирование военной организации в соответствии с основными политическими целями государства.

Военная сфера обладает своими вполне определенными *специфическими особенностями*, к числу которых относятся:

– создание элементов и функционирование всей военной сферы подчинено основным политическим целям общества и государства, главной из которых является его сохранение, обеспечение благоприятных мирных условий развития и национальной безопасности страны;

– развитие и совершенствование военной сферы обусловлено необходимостью локализации и минимизации негативных последствий военных опасностей и угроз с использованием военной силы, вооруженных сил по их прямому предназначению – ведению вооруженной борьбы в военных условиях и в потенциальной, сдерживающей форме для предотвращения войн и агрессий против государства в мирных условиях;

– военная сфера является также в определенной степени «универсальной производственной сферой». Определяется это следующим: выпускаемая продукция, товары и услуги, производимые в ней, а также выстроенная инфраструктура служат основной задаче: сохранению безопасности государства. Одновременно с этим многочисленные военно-научные теоретические и практические разработки, а также новейшие технологии находят применение и в гражданских секторах, придавая новые импульсы их развитию;

– руководство и управление военной сферой, обеспечение ее функционирования являются исключительной прерогативой государства как основного политического института вне зависимости от общественно-политического и социально-экономического устройства общества;

– формирование и функционирование военной сферы и военной организации, являющейся ее важнейшим элементом, осуществляется в строгом соответствии со специфической и относительно самостоятельной областью национального законодательства – военным правом;

– военная сфера тесно связана с другими сферами общественной жизни, которые выступают в качестве субстанциональных основ ее формирования и функционирования, поскольку военная мощь является результатом и выражением совокупной мощи государства, формирующейся во всех областях жизнедеятельности общества;

– силовые структуры военной сферы – военная организация государства и ее ядро, вооруженные силы, комплектуются особым профессионально-кадровым составом, целенаправленно формируемым для решения задач обороны страны и ее всестороннего обеспечения;

– военная сфера представляет собой относительно закрытую систему, что связано с объективной необходимостью сохранения государственной и военной тайны в интересах обеспечения безопасности страны;

– военная сфера в отличие от иных сфер общественной жизни имеет сознательно и целенаправленно установленные границы, и пределы во всей жизнедеятельности общества, строго определяемые в соответствии с существующими и вероятными военными угрозами, а также возможностями государства.

К числу основных структурных компонентов военной сферы следует отнести: институционально-управленческий, нормативно-правовой, военно-силовой, ресурсно-финансовый, профессионально-кадровый, военно-научный, ценностно-мировоззренческий, функционально-деятельностный, инфраструктурный

Нельзя упустить из внимания тот факт, что в некоторых случаях военную сферу идентифицируют как военную организацию государства. Это категорически недопустимо, поскольку военная организация государства есть лишь часть, пусть и основная, военно-силового компонента военной сферы.

Но в данном случае нас интересует военно-научный компонент военной сферы. Особая значимость этого компонента определяется следующими обстоятельствами.

Во-первых, вступление человеческой цивилизации в информационно-технологическую эпоху объективно обуславливает необходимость радикального совершенствования научно-информационного и технологического обеспечения развития всех сфер жизни общества, без чего невозможен его прогресс.

Во-вторых, в условиях глобализации достижения в науке становятся мощным фактором конкуренции и соперничества. В этой связи академик Г. В. Осипов пишет: «Кто владеет наукой, тот владеет современным миром. На этой концепции строится военная стратегия Соединенных Штатов Америки. Исходная концепция этой стратегии основывается на трех принципиальных тезисах: в интересах США необходимо обеспечить военное превосходство над всем миром; для обеспечения превосходства в вооружении необходимо превосходство в науке; высший успех в науке другой страны должен рассматриваться как угроза Соединенным Штатам» [11, с. 15]. Не больше и не меньше.

Такие установки военно-политического руководства США, если реагировать «зеркально», априори представляют собой угрозу национальной и военной безопасности нашей страны, переводят военную науку нашего государства, располагающуюся далеко за пределами Вооруженных Сил РФ, в особый стратегический ресурс страны, требующий не только развития, но и всесторонней защиты от различных посягательств, что объективно требует сегодня решительного усиления военно-научного компонента военной сферы Российского государства.

Военно-научный компонент формируется на основе практически всех областей отечественной науки поскольку военная сфера, будучи тесно связанной с другими сферами жизни общества, включает их возможности, которые определяются уровнем научного обеспечения развития каждой из них.

Следовательно, научный компонент, являясь понятием собирательным, объединяет в себе и научные составляющие других компонентов военной сферы.

Первоосновой военно-научного компонента военной сферы, еще раз подчеркнем, является военная наука. «Военная наука – это, по сути, философия военного дела, – утверждают авторы журнала «Военная мысль». – Ее призвание – осмысливать процессы, происходящие в военной сфере, делать из них необходимые выводы и определять ближайшие и дальнейшие ориентиры продвижения вперед. Именно на основе науки зиждется каркас военно-теоретической мысли, поскольку она опирается на систему познаваемых законов и закономерностей, присущих вооруженной борьбе» [4, с. 41]. Военная наука органично входит в систему всего научного знания и прямо или опосредованно связана со всеми науками, но вместе с тем имеет свои отличительные особенности, определяемые ее объектно-предметной областью исследований. Военная наука во всех ее многочисленных и разнообразных отраслях, и направлениях исследований составляет непосредственную основу военно-научного компонента.

Уточним, что военно-научный компонент военной сферы формируется на основе науки, понимаемой в самом широком смысле: как сферы человеческой деятельности, в которой вырабатываются и теоретически систематизируются объективные знания о действительности, образующие в совокупности научную картину мира. На состояние военной сферы оказывает влияние практически вся отечественная наука во всех ее многочисленных областях и направлениях, поскольку она определяет общий цивилизационный уровень развития общества, всех его сфер, которые, будучи тесно взаимосвязанными, оказывают влияние и на военную сферу.

В настоящее время перед отечественной наукой стоит целый ряд проблем, требующих безотлагательного решения в интересах повышения ее эффективности и результативности. К числу некоторых из них относятся:

- не востребованность некоторых результатов исследований, в том числе, в области фундаментального академического научного знания;
- крайне низкая эффективность использования имеющихся ресурсов (кадрового, технологического, знаний), что в полной мере проявилось после начавшегося в последнее время увеличения финансирования НИОКР и др.

Как уже отмечалось, в настоящее время все большую остроту приобретает проблема защиты интеллектуальной собственности, несанкционированного получения зарубежными организациями передовых отечественных технологий, в том числе – и прежде всего – в военно-научной сфере.

Учитывая кризисное состояние российской науки недавнего времени, западные научные, деловые, и особенно военные, круги, экономя свои затраты на научные разработки, широко скупали, практически за бесценок, передовые достижения России в сфере науки. Отток ученых на Запад «в комплекте» со своими новаторскими идеями создавал и создает новые угрозы национальной безопасности страны и прежде всего в военной сфере. Не случайно в СМИ с удручающей периодичностью появляются разоблачительные статьи об утечках очередных передовых технологий ОПК. В этом же ряду и не афишируемые зарубежные инвестиции в отечественную науку. Стратегический интерес стран запада в таком «сотрудничестве» вызывает закономерное опасение, поскольку ведет, как правило, к прямой зависимости и потере научного суверенитета, что, в свою очередь, порождает дополнительные требования уже к технологической безопасности страны.

Решение указанных и многих иных проблем обуславливает необходимость реформирования военной науки, как компонента военной сферы. Военная наука в ее прежнем виде и содержании, отражающем главным образом все то, что связано с ведением вооруженной борьбы, уже не может решать «по накатанному» новые проблемы в обеспечении национальной безопасности. Не случайно некоторыми весьма серьезными учеными высказывается мнение о необходимости создания новой, «большой» военной науки с расширением предметной области исследований в ее рамках [12].

В современных условиях становится все более очевидным, что военная наука входит в новый этап своего развития. Это обусловлено необходимостью решения целого ряда научных проблем, некоторые из которых в прошлом не имели аналогов. К числу их относятся:

- теоретико-концептуальная разработка характера войн нового поколения; научное исследование сущности новых «видов» современных войн; уточнение и трактовка сущности войны с точки зрения использования как вооруженной борьбы, так и невоенных методов противоборства; определение элементного состава современных войн;
- разработка эффективных путей и способов предотвращения войн и военных конфликтов в современных условиях, исследование возможностей использования военной силы в потенциальной форме для достижения этих целей; продолжение разработки концепции стратегического сдерживания;

– исследование целей и причин возможной войны в новых условиях цивилизационного развития, выработка современных подходов и критериев определения оборонительного или наступательного характера войн различного масштаба;

– прогнозные исследование моделей вооруженных сил будущего, их оптимального состава, структуры, оснащения перспективными видами вооружения и боевой техникой; научное обоснование направлений и путей оптимизации, и совершенствования военной организации государства;

– развитие теории военного искусства;

– научное обоснование путей комплексного совершенствования военной сферы общества в целом в соответствии с потребностями и тенденциями развития военной мощи государства, прогнозируемыми военными опасностями и угрозами, возможностями страны.

Потребности процессов развития военной науки не ограничиваются названными направлениями. В интересах научного обеспечения модернизации военной сферы необходимо дальнейшее развитие исследований во всех областях и по всем направлениям военной науки, в том числе:

– в области теории военного строительства; оперативной, боевой и мобилизационной подготовки;

– теории военного обучения и воспитания;

– военной истории;

– военно-инженерного искусства, военно-морского искусства;

– теории военной экономики и тыла и др.

Однако время, устойчивая тенденция к переформатированию современной геополитики, метаморфозы глобалистики, помноженные на революционные достижения в развитии ВВСТ и возведенные в степень посредством культивирования новых видов агрессий (кибернетической, информационной, ментальной и т.д. т.п.), обязывают военных ученых оперативно дополнять эту самую «классику» новыми актуальными направлениями. «Нужна институционализация военной науки, в том числе создание специальной структуры, которая бы изучала политологические ее аспекты» [1, с. 82]. – уверен, в частности, политолог, доктор философских наук, профессор О. А. Бельков.

«В результате военная наука, – отмечал начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации В. В. Герасимов, – должна дать ответ на вопросы, какие Вооруженные Силы должны быть на рубеже 20-30-х годов, какова их структура, какое иметь вооружение, какому виду и роду войск отдать приоритет, в каких формах и способах применять войска и силы?» [6, с. 82].

Организацию функционирования военно-научного компонента военной сферы в Вооруженных Силах РФ в настоящее время обеспечивает Военно-научный комитет (ВНК) Вооруженных Сил РФ.

К числу основных задач по совершенствованию военно-научного компонента военной сферы следует отнести:

– опережающее развитие теории строительства, подготовки и применения Вооруженных Сил, выработка рекомендаций по совершенствованию их структуры, форм и способов боевого применения группировок войск, развитию ВВТ, исследованию других наиболее актуальных вопросов;

– совершенствование системы планирования научных исследований и координации деятельности научно-исследовательских организаций и вузов Министерства обороны РФ, научных организаций РАН, других министерств и ведомств, ведущих исследования по оборонной тематике;

– совершенствование военно-научного комплекса Вооруженных Сил, его состава, структуры и штатной численности с учетом существующих потребностей, укрепление нормативной правовой базы, определяющей условия и порядок функционирования комплекса, расширение спектра и диапазона военно-научных исследований;

– развитие моделирующей и лабораторно-экспериментальной базы, дальнейшая автоматизация процессов проведения исследований, в том числе, системы информационного обеспечения;

– расширение сферы военно-исторической работы (в т. ч. активизация и повышение наступательности НИР в противоборстве с фальсификациями отечественной военной истории), научно-информационной и издательской деятельностью в Вооруженных Силах;

– организация и координация военно-научного сотрудничества с иностранными государствами.

Дальнейшее развитие военной мысли, новые актуальные исследования и достижение на их основе значимых для национальной безопасности результатов на всех существующих и будущих направлениях военной науки способно обеспечить опережающее совершенствование военно-научного компонента военной сферы. Не случайно Президент России В. В. Путин, определяя военной сфере основные задачи на перспективу, назвал в ходе расширенного заседания коллегии Минобороны, и конкретные задачи военной науки:

«Техническая модернизация армии и флота требует внедрения новых форм и способов действий войск, а для этого нужно развивать военную науку. Не только изучать опыт современных вооруженных конфликтов и локальных войн, но и делать прогнозы на будущее, в том числе учитывать появление в

армиях ряда зарубежных государств оружия на новых физических принципах. Мы знаем об этом, работаем над этим, но надо держать это постоянно в поле нашего внимания» [5], – подчеркнул Президент.

В заключение следует отметить, что военная сфера, как одна из сложных общественных подсистем, тесно взаимодействует с политической, экономической, социальной, культурной сферами и другими областями жизнедеятельности общества, которые объективно необходимы для ее успешного развития. В объеме военной сферы складываются военно-политические отношения, функционируют различные государственные и негосударственные институты, осуществляется военная деятельность, понимаемая в широком смысле, всесторонне развивается военная наука.

Поэтому, по нашему мнению, обновление и совершенствование военной сферы и ее важнейшего компонента – военной науки – должны осуществляться в соответствии с конкретными общественными трансформациями, происходящими в современном российском обществе, на основе выработанной и перспективной – научно обоснованной – модели будущего. Главная цель модернизационных процессов в военной сфере Российской Федерации в современных условиях – восстановление военного могущества государства в интересах обеспечения стратегического сдерживания, создания мирных условий существования и динамичного развития страны, недопущения развязывания войны или вооруженных конфликтов против России.

Список литературы

1. Бельков, О. А. Теоретические основы обеспечения военной безопасности / О. А. Бельков // Безопасность России 2013-2014. Экспертно-аналитическое обозрение. – М.: Фонд «Наука-XXI», 2014. – С. 78-96.
2. Булатов, В. П. Геоэкология военной сферы / В. П. Булатов // Вестник ВГУ. Сер. География. Геоэкология. – 2000. – С. 68-74.
3. Военная наука. Теоретический труд / под ред. И. Н. Родионова. – М.: ВАГШ, 1992. – 326 с.
4. Воробьев, И. Н., Киселев, В. А. Роль военной науки в формировании нового облика Вооруженных Сил России / И. Н. Воробьев, В. А. Киселев // Военная мысль. – 2011. – № 2. – С. 38-44.
5. Выступление Президента РФ В. В. Путина на расширенном заседании коллегии Минобороны. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/65174> (дата обращения 17.08.2021).
6. Герасимов, В. В. Вооруженные Силы Российской Федерации: современное состояние и направления их развития до 2030 года / В. В. Герасимов // Безопасность России 2013-2014. Экспертно-аналитическое обозрение. – М.: Фонд «Наука-XXI», 2014. – С. 78-96.
7. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. – URL: onlinedic.net/efremova/page/word10168.php (дата обращения 10.08.2021).
8. Лузан, А. Г. Военная наука: реальность, мифы и перспективы / А. Г. Лузан // Воздушно-космическая сфера. – 2020. – № 1. – С. 115-120.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь. – URL: tolkovyj-slovar-ozhegova.slovaronline.com/search?s=сфера (дата обращения 10.08.2021).
10. Ольшевский, В. Г. Военная сфера в социальной структуре общества: методологические предпосылки анализа / В. Г. Ольшевский // Вестник Военного университета. – 2010. – № 2. – С. 116-122.
11. Осипов, Г. В. Введение в социологическую науку «Экономика и социология знания» / Г. Осипов. – М.: Наука; Вече, 2010. – 224 с.
12. Тюшкевич, С. А. Отечественная военная наука: страницы истории, проблемы, тенденции / С. А. Тюшкевич. – М.: ИД «Критерий», 2013. – 236 с.
13. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка. – URL: ushakov.slovaronline.com (дата обращения 10.08.2021)

Статья поступила в редакцию 26.12.2021

Bernatskikh, I. V., Larchenkov, V. V. The Military Sphere of the State and the Importance of its Military Scientific Component

The article considers the problems of the functioning of military science as one of the important elements of the military sphere of our state. The authors propose their definition of the concept of "military sphere", present its specific features, substantiate the special significance of the military scientific component of the military sphere and the place of military science in it, present its modern problems, which had no analogues in the past, spell out the main tasks of improving the military scientific component of the military spheres.

Keywords: military sphere, military scientific component, military science, national security, military security..

УДК 325.1(4:[5-15+6-17])

Анализируется влияние миграционных потоков с Ближнего Востока и Северной Африки на социально-политическую устойчивость стран Европейского союза. Рассмотрены социальные, экономические, политические и этнокультурные последствия масштабной миграции из указанного региона в страны Европы. Отмечается отсутствие единства действий у стран-членов ЕС в условиях миграционного кризиса 2015 г.

Ключевые слова: миграция, Ближний Восток, Северная Африка, миграционный поток, политическая нестабильность, миграционный кризис

Л. А. Перминова, магистрант

Севастопольский государственный университет

E-mail: perminowa.lidya@yandex.ru

Е. Н. Максимова, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: astarta_05@mail.ru

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЕКТОР МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: КЕЙС АРАБСКИХ СТРАН

В эпоху глобализации наблюдается ускорение темпов различных социально-политических процессов, миграционные процессы в данном ряду не представляют исключения. Более того, миграционные процессы сегодня способны видоизменять не только характер внутренней политики государства, но и всю политическую систему. Транснациональные перемещения становятся фактором национальной, региональной и мировой политики.

Интенсификации миграционных потоков способствовал кризис государств Ближнего Востока и Северной Африки, начиная с арабской весны 2011 г. До сих пор стабильность (в отдельных случаях целостность) многих государств рассматриваемого региона не восстановлена, что позволяет констатировать наличие достаточно высокого дестабилизационного потенциала региона в мировом масштабе. Все это делает возможным новый массовый приток иммигрантов в Европу, который будет создавать угрозы странам Европейского союза.

Очевидно, что феномен миграции с точки зрения его причин и последствий многогранен. Рассмотрим основные причины миграции. Исторически основной причиной миграции являлась потребность человека в безопасности и поиске лучшего достатка. На сегодняшний день, помимо данных причин, с течением времени и изменением мироустройства появились и новые причины. В частности, поиск работы и достойной оплаты труда; создание межнациональных браков (глобализация и интеграция народов); избегание последствий природного характера; политические репрессии; военные и террористические действия и др. [4, с. 200 – 209].

Современные миграционные процессы стали вызовом для всего мира. Баланс распределения населения в большинстве своем распределяется на территорию Европы и крупных городов Соединенных Штатов Америки. Если раньше этот процесс удавалось контролировать, то в настоящий момент это вышло из-под контроля. Миграционные потоки не проходят бесследно, они имеют множество последствий. Влекут за собой определенные социально-экономические и политические последствия для различных государств. Также данный процесс отражается и на этническом, культурном равновесии государств. А также угрожает безопасности государства, общества и даже личности. Например, на данный момент, перемещения человеческих ресурсов приводят к экономическим и социальным проблемам у «принимающей стороны»:

1. «Перекрышка» бюджета государства, в связи с выплатами социальных выплат мигрантам;
2. Ущемление экономических интересов коренного населения;
3. Повышение уровня преступности;
4. Повышение уровня безработицы – размеры социальных выплат в Европе и США позволяют комфортно жить без наличия работы;
5. Размытие культурных границ;
6. Отсутствие желания мигрантов интегрироваться в национальную культуру страны пребывания и пр. [6, с. 336 – 342.].

Европейский миграционный кризис начался в 2015 году, когда огромный поток беженцев из регионов Ближнего Востока и Северной Африки направился в Европу. Миграционные потоки не проходят бесследно, они имеют множество последствий. Влекут за собой определенные социально-

экономические и политические последствия для различных государств. Также данный процесс отражается и на этническом, культурном равновесии государств, способен создать угрозы безопасности государства, общества и личности.

Большое количество граждан арабских государств мигрируют в Европу. Мигранты считают, что в Европе «лучшая» жизнь, там они смогут полноценно функционировать: жить, работать, создавать семьи и растить детей. Почему именно туда? Чем же данное направление привлекает людей?

Рассматривая мотивы миграции населения с территории Ближнего Востока, следует, во-первых, отметить конфликтогенность территории, проявляющуюся в актуализации внутренних и внешних конфликтов. Во-вторых, наличие застарелых социально-экономических проблем в регионе, острота которых стала все более очевидной в условиях изменения демографической структуры общества. В этом отношении формы миграции остались прежними, изменилась лишь их интенсивность. Так, основными формами миграционных потоков граждан Ближнего Востока являются: внешняя миграция (как говорилось выше, предпочтительно США и страны Европы); постоянная миграция: длительность от 1 года и более, мигранты не рассматривают возвращение на родину; экономическая миграция: отсутствие рабочих мест, низкая стоимость оплаты труда.

Специфика миграции на Ближнем Востоке обозначена еще тем фактором, что эти же государства могут выступать и в качестве: стран-доноров; стран транзитной миграции; принимающих стран [6, с. 345]. Из-за запутанности текущей ситуации и проблем в связи с определением первопричин трансформации миграции данного региона существует данная специфика.

Среди факторов привлечения мигрантов в Европу можно выделить исторический, экономический и социокультурный факторы. Рассмотрим подробно каждый из приведенных факторов.

Исторический фактор. После Второй мировой войны европейские государства стали привлекать мигрантов на территории своих государств, но привлекать именно трудовых мигрантов. На втором месте по количеству мигрантов находилась Германия. Пик трудовой миграции в Германии пришелся на шестидесятые года XX века. Граждане Турции, Туниса и Марокко прибывали на территорию государства на основе двусторонних соглашений. Турецкие граждане иммигрировали из страны по причине безработицы. Примерно через 10 лет, количество мигрантов достигло 2 миллиона человек. По этой причине власти Германии начали регулировать данный феномен, в итоге въезд в государство был существенно ограничен. В 1988 году был возобновлен въезд мигрантов, на тот момент в страну въезжали граждане Турции и Восточной Европы. Уже в 2000-х годах в число мигрантов добавились беженцы из Косово и Боснии и Герцеговины.

На сегодняшний момент в Германию иммигрируют не только в трудовых интересах. Статистика на 2017 год говорит о том, что 18, 6 млн. человек в Германии имеют иммиграционное происхождение. 2,3 млн. человек имеют корни в странах Ближнего и Среднего Востока, 740 тыс. человек – африканское происхождение. Самой масштабной является турецкая диаспора.

Великобритания и Франция являлись колониальными империями на территории Ближнего Востока. Очевидно, что мигранты с Ближнего Востока и Северной Африки стремились перемещаться в бывшие метрополии. Во Францию стремились мигранты из Алжира. Франция проводила политику ассимиляции мигрантов. Языковая общность позволила иммигрантам легко адаптироваться во Франции. В 2000-х годах во Франции находилась самая большая мусульманская община, которая, насчитывала в среднем 7 млн. человек, из них 1,5 млн. алжирцев, 1 млн. марокканцев, около 350 тыс. выходцев из Туниса [2, с. 74]. На данный момент благодаря статистике, известно, что 39% иммигрантов из Африки (Алжир, Марокко, Тунис – 30%) [5].

В таком государстве, как Великобритания, на момент 2000-го года проживало около 2 млн. мусульман. В большинстве это были выходцы из Индии и Африки. Активное формирование мусульманской общины в Великобритании началось еще после окончания Второй мировой войны, и к 1960–1970-м гг. Великобритания стала придерживаться политики ограничения миграции из стран Британского Содружества.

Таким образом, к началу 2010-х гг. на территории трех стран Европы – проживали достаточно большие по численности мусульманские общины, которые сформировались за предыдущие полвека. Эти общины неоднородны как по странам происхождения мигрантов, так и по степени интегрированности их в европейское сообщество.

Экономический фактор. Данный фактор представляется наиболее значимым среди всех прочих. В Европейских странах достаточно хорошо развита социальная сфера, в частности, социальное обеспечение граждан. Иммигрантов привлекают размеры социальных выплат, на которые можно полноценно жить. В большинстве стран соискатели убежища не имеют права работать, ожидая

статуса беженца, и получают денежные выплаты от государства. Выплаты, которые получают граждане:

1. Единовременное пособие (размер пособия регулирует каждая страна, Бельгия – 800 евро);
2. Ежемесячное пособие – размер выплаты также регулируется каждой страной и зависит от состава семьи мигранта. Если семья имеет несколько детей, то размер пособия увеличивается на каждого ребенка или на определенное количество членов семьи.

3. Компенсация питания, жилья, обучения и других социальных благ. Во многих странах ЕС в центрах временного размещения люди обеспечиваются питанием, одеждой, имеют возможность изучать язык, дети имеют доступ к образованию. Люди, проживающие вне центров размещения, получают доплаты на жилье.

В таких странах как, Великобритания, Франция, Швеция, Германия, Бельгия наиболее высокие социальные выплаты. В настоящее время иммигранты не просто перемещаются из своей страны, а отправляются туда, где хороший уровень жизни и достаточно высокие социальные пособия.

Социокультурные факторы. К основным факторам данной группы относятся родственные связи и язык, которые способствуют миграции. Люди, переместившиеся в Европу, создают образ «лучшей жизни» для людей, которые остались на родине. Делают они это с помощью социальных сетей и родственных связей. В современном мире социальные сети играют не последнюю роль в распространении информации. Мигранты создают блоги, какие-либо группы, сообщества, чаты, где рассказывают по каким маршрутам можно добраться в ту или иную страну, какие пособия люди могут получать. Рассказывают свои личные истории, и люди хотят попробовать, попасть в «лучшую жизнь» – ведь другие люди смогли.

Мигрантах из Алжира, Туниса, Марокко, прибывшие во Францию, имеют возможность достаточно легко адаптироваться в стране по причине знания языка. В данных североафриканских странах французский язык является вторым по распространенности после арабского (в Тунисе французский язык является наряду с арабским государственным).

В современном мире проблемы миграции решаются посредством двух подходов: мультикультурализм и ассимиляция. Цели двух обоих подходов едины – создание интегрированного общества, в котором конфликты на почве иноэтничности и инокультурности будут отсутствовать, либо будут минимальными [3, с. 169].

Принцип мультикультурализма предполагает сохранение национальной и культурной идентичности мигрантов, что, в свою очередь, нередко существование определенной дистанции между мигрантами и коренным населением. Политика ассимиляции базируется на необходимости слияния мигрантов с принимающим обществом. Изначально европейские страны преследовали политику ассимиляции, но постепенно страны Запада Европы начали отказываться от нее в пользу политики культурного плюрализма, называя ее «мультикультурализм», который стал официальной государственной политикой Европы в 80-е годы XX века. Политика мультикультурализма, проводимая в европейских странах, представлялась привлекательной и для мигрантов, поскольку способствовала обеспечению равенства прав и свобод иностранных граждан. В принимающих странах искоренялась дискриминация по национальному или конфессиональному признаку.

Однако в дальнейшем, по мере увеличения количества мигрантов в европейских странах и их нежелания социализироваться по национальным светским «лекалам», политика мультикультурализма зашла в тупик. Это способствовало росту скептических оценок политики мультикультурализма, как среди населения, так и среди политических элит. Кроме того, миграционные потоки с Ближнего Востока, усиливающиеся в периоды обострения вооруженных конфликтов, стали не просто создавать ресурсную нагрузку на европейские страны, но и экспортировать экстремизм на их территории.

Изначальное стремление оказания помощи Европейским сообществом мигрантам и беженцам с Ближнего Востока и Северной Африки, обернулось проблемами социального, экономического и гуманитарного характера. Особую значимость обретают такие проблемы, как игнорирование мигрантами европейских ценностей, насаждение европейцам своего образа жизни, исламизация, обретающая радикальные формы, а также непосредственно эскалация напряженности и конфликтности. Все это способно не только подорвать социальные, экономические и гуманитарные основы государств, которые создавались десятилетиями, столетиями и веками, но и качественно изменить общество и подорвать легитимность политической системы.

В частности, рост недоверия к политическим элитам и правительствам стал следствием миграционного кризиса в Европе в 2015 году. Эпицентром кризиса стала Германия. Так, большинство немецких граждан (81%) считает, что власти их страны не справляются с миграционным кризисом. Работа кабинета министров не устраивает 61 % опрошенных, а рейтинг Ангелы Меркель оказался самым низким с августа 2011 г. После неудачного «начала», когда канцлер

Германии захотела продемонстрировать себя с лучшей стороны, пригласив всех и каждого к ней в страну, процесс переселения беженцев стал выходить из-под контроля. Усугубление экономического положения в стране, внутренняя нестабильность, большое количество беспорядков – вот к чему привела подобная «недальновидная политика». Чего стоят одни только массовые нападения на женщин, совершенные в Кельне в новогоднюю ночь. Полиция получила более 400 заявлений от женщин, которые подверглись сексуальным домогательствам со стороны мужчин «африканской и арабской внешности» [1].

Сложившаяся ситуация показала, что на уровне ЕС отсутствует единый план действий по обеспечению безопасности в сфере миграции. Реакцией, на сложившуюся ситуацию, стало предложение председателя Еврокомиссии Ж.-К. Юнкера о введении квот на прием иммигрантов для всех 28 стран членов ЕС. Предполагалось, что размер квот должен зависеть от объема национального ВВП, численности населения, уровня безработицы и количества уже принятых иностранцев. Эту идею поддержали Германия, Италия, Австрия и Швеция; страны Восточной Европы выступили категорически против; Франция, Испания и Португалия заняли сдержанную позицию; Великобритания и Дания не принимали участия в голосовании по квотам (эти страны имеют особый статус в ЕС, позволяющий не участвовать в миграционной политике союза).

В дальнейшем на министерской встрече Совета ЕС было принято решение отказаться от идеи квот, взамен страны сообщества пообещали добровольно разместить 40 тыс. беженцев. Однако на неформальных встречах Еврокомиссия предлагала вернуться к системе квот. Ситуация изменилась за несколько дней, когда в результате рекордного наплыва беженцев из Австрии Германия первой из стран Шенгена ввела паспортный контроль на своих границах. Очередные попытки выработки общей позиции по вопросам квот не привели к практическим результатам. Против принудительного распределения беженцев между государствами-членами ЕС выступили странами Вышеградской группы – Словакия, Чехия, Польша и Венгрия. Также против расширенных и обязательных квот категорически против выступили Румыния и страны Балтии.

Учитывая то, что территория Ближнего Востока имеет высокий конфликтогенный потенциал, можно предполагать, что миграционные потоки будут периодически интенсифицироваться. В этом отношении страны Европейского союза должны быть способны отвечать на возникающие вызовы и угрозы.

Список литературы

1. Гасанов, Р. М. Миграционный кризис в Европе: причины, последствия, перспективы разрешения / Р. М. Гасанов // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2016. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyy-krizis-v-evrope-prichiny-posledstviya-perspetivy-razresheniya> (дата обращения: 17.12.2021).
2. Миграционный кризис в Европе / под ред. А. П. Кошкина. – Вып. 6. – Москва : ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2016. – 92 с.
3. Нечаев Д. Н. Модели и практики разрешения этнокультурных противоречий в национальных государствах: международный опыт / Д. Н. Нечаев, А. Е. Волкова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – №2. – С.168-172.
4. Олинтер, Н. А. Миграционный шокаут Европы / Н. А. Олинтер // Восток: вчера, сегодня и завтра. – 2017. – № 9. – С. 200-209.
5. Отчёт INSEE «Иммигранты, иностранцы – дополнительные результаты переписи населения 1999 года». – URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques> (дата обращения 17.12.2021)
6. Семененко, И. Г. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах / И. Г. Семененко // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – № 12 (103). – С. 342 – 366

Статья поступила в редакцию 23.12.2021

Perminova, L. A., Maksimova, E. N. *The European Vector of Migration Processes: the Case of Arab Countries*

The article deals with the influence of migration flows from the Middle East and North Africa on the socio-political stability of the European Union countries. The authors consider social, economic, political and ethno-cultural consequences of large-scale migration from this region to European countries. There is a lack of unity of action among the EU member states in the context of the migration crisis of 2015.

Keywords: migration, Middle East, North Africa, migration flow, political instability, migration crisis.

УДК 32(612)

В статье анализируется политическая ситуация, сложившаяся в Ливии после «арабской весны», с 2011 г. до нынешнего времени. Утверждается, что стабилизация политической системы Ливии до сих пор не достигнута. Выявлены основные акторы политической ситуации и их интересы, осуществлена периодизация политического развития Ливии последнего десятилетия, приведены оценки возможных сценариев развития политической ситуации. Оптимальным вариантом политического развития представляется федеративное устройство Ливии с широкими полномочиями регионов с сохранением за центральным правительством ведения вопросов, связанных с внешней политикой, обороной, экономикой с распределением доходов от продажи природных ресурсов.

Ключевые слова: Ливия, Муаммар Каддафи, ситуационный анализ, интервенция, раздробленность, «арабская весна», ООН, НАТО.

А. В. Карпов, магистрант

Севастопольский государственный университет

E-mail: avkarpov@sevsu.ru

Д. В. Маковская, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: dvmakovskaya@sevsu.ru

ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИВИИ: СИТУАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

Влияние иностранных государств на развитие событий в Ливии началось ещё задолго до 2011 года. Будучи стратегическим пунктом между Африкой и Европой, а также обладая ценным ресурсным потенциалом (нефть, газ, медь, огромный подземный источник пресной воды и др.), начиная с XX века Ливия была объектом повышенного интереса иностранных государств. Так, 10 июня 1940 г. Франция, Италия, ФРГ и Великобритания были вовлечены в войну с Италией (Италия объявила войну Великобритании, в результате чего было проведено шесть «ливийских кампаний»), боевые действия перешли на территорию Ливии, в результате чего Ливия была разделена на три части. Под власть английского командования попали исторически сложившиеся территории Киренаики и Триполитании, а под власть французского – провинция Феццан (Феззан) [2, с.151].

После обретения Ливией независимости и объявления об этом 24 декабря 1951 г. страна стала первым арабским государством, получившим независимость по решению ООН (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 21.11.1949 г.), однако воздействие на нее и участие в ее жизни со стороны различных мировых акторов на этом не закончилось [2, с.156].

Так, события уже начала XXI века показывают, что внимание иностранных государств никуда не исчезло и по состоянию на начало 2022 года пошатнувшаяся стабильность Ливии, не имеющая легитимности и единства нынешняя власть, сделали некогда надежду всех африканских стран легкой добычей для крупных мировых держав.

Сегодня можно делать определенные выводы о причинах и последствиях, приведших к свержению лидера, Муаммара Каддафи, правившего страной в течение 42 лет и наступившего в результате вмешательства извне хаосу, который продолжается в стране до сих пор. Проблемы развития этой страны нельзя списать исключительно на вмешательство Запада, поскольку внутренних причин для прихода государства в кризисное состояние также было вполне достаточно [2, с.150]. Но, все-таки, при отсутствии влияния на внутривнутриполитическую ситуацию в Ливии со стороны внешних акторов, внутренний кризис, скорее всего, можно было бы урегулировать своими силами, что не привело бы к столь разрушительным последствиям.

Однако, до 2011 года вопросам безопасности Ливии не уделялось особого внимания, поскольку политика Каддафи была ориентирована на развитие экономических отношений с США и западными странами. Тем не менее, Каддафи все же пытался привести к объединению племена Ливии (на тот момент их насчитывалось около 140), понимая, что отношения между племенами являются ключевым моментом в обеспечении спокойствия жизни в стране. Система безопасности Ливии строилась с целью поддержки внутренней власти, а не ограждения от внешних угроз. То есть ливийская армия стала поддержкой режима Каддафи и его семьи. При этом, хорошо обученные и оснащенные войска были размещены в центре, а квалификация вооруженных сил снижалась к периферии: «Ливия стала уникальным примером покорения "периферии" "центром"» [3, с.116].

Для обеспечения защиты от внешних угроз и для нормализации отношений с США и западными

странами, снижения риска конфликтов с ними, Каддафи выполнял требования международных институтов, а именно: принял программу ликвидации оружия массового уничтожения (19.12.2003 г.); позволил инспектировать Ливию другими странами; прекратил программы химического и ядерного оружия под контролем Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ); ликвидировал запасы химического оружия и боеприпасов; подписал Дополнительный протокол к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) (2003 г.). С этой же целью Ливия брала на себя и вину за ряд терактов, совершенных в других странах (однако, участие в них Ливии не было доказано), выплачивая компенсации потерпевшим.

Неравномерное распределение Каддафи ресурсов (в приоритете находились его приближенные) породило негативные социально-экономические последствия; неравенство регионального развития, маргинализация Киренаики и ответом Каддафи на мирные протесты стали жестокие репрессии, что спровоцировало более острые волнения и вмешательство ООН через введение эмбарго [3, с.117].

«Арабская весна» привнесла изменения в части безопасности в большей степени в масштабе регионов. Ливия столкнулась с терроризмом, но не только как с внутренней разрушительной силой, но и как с внешним фактором, который в некоторых случаях спровоцировал экономические проблемы и проблемы безопасности (речь идет об эмбарго со стороны США и ООН). Также Ливия подверглась бомбардировкам в 1980-х гг. со стороны США за связь с терроризмом. В 2000-х гг. Ливия отказалась от враждебной политики в отношении своих соседей и попыталась интегрироваться в международное сообщество. И когда в конце 2010 г. началась «арабская весна», Ливия столкнулась с одним из самых значительных восстаний в ее истории, а терроризм, некогда раскинув свои сети, продолжил ухудшать ситуацию в стране. Если за 42 года правления Муаммара Каддафи в Ливии не случилось каких-либо крупных катаклизмов или изменений, то в 2011 году революционная волна всколыхнулась в масштабах всей страны.

С 20 октября 2011 года после свержения и убийства вождя Народной Ливийской Арабской Джамахирии Муаммара Каддафи в Ливии мира и порядка не наступило. Слабость власти стала проявляться в невозможности контроля ополченцев. Также Ливия стала местом проникновения и деятельности экстремистских сил. Разрозненные формирования ополчения, пытающихся создать препятствия для переходного процесса, «стало одной из наиболее важных причин провала послереволюционного процесса», а из-за политической нестабильности «снизилась мотивация действовать единообразно в целях восстановления государства, ливийский народ предпочел действовать на местном уровне, чтобы преодолеть свои проблемы в повседневной жизни» [3, с.118].

На внутреннем уровне прослеживается разрозненность интересов политических группировок. При этом, попытки стабилизировать государственную власть не приносили особых результатов. Так, в мае 2013 г. был принят закон о политической изоляции, предусматривающий ряд ограничений для высокопоставленных чиновников, и который должен был «прочистить» ряды госслужащих Ливии, но вызвал лишь новые дискуссии и волну увольнений важных деятелей [3, с.117].

На региональном уровне проблемы возникли также из-за неразберихи на правительственном уровне: на тот момент имело место наличие двух правящих начал (Триполи и Тобрук), что ослабляло объединение и затрудняло восстановление государства. В результате сложилась ситуация, когда силы ополчения в своей военной мощи значительно преобладали над правительственными войсками, а это, безусловно, подрывало общий уровень безопасности. Кроме того, например, в сравнении с революцией в Тунисе, для Ливии последствия «арабской весны» оказались гораздо более тяжелыми, что с учетом прочих факторов спровоцировало рост экстремистских сил и террористической деятельности.

При этом, террористические действия и нестабильность ситуации на территории Ливии угрожали и соседним странам. Например, Мали стала одной из стран, наиболее пострадавших от ливийского кризиса после 2011 г.: повстанческое движение туарегов на севере Мали возобновилось из-за неконтролируемых границ с Ливией и, как следствие, незаконного оборота оружия. Судя по всему, факт наличия нескольких политических сил и был причиной невозможности обеспечения стабильности на территории Ливии. Только их совместные действия и «обеспечат как внутривосточную стабильность, так и региональную безопасность» [3, с.118].

Когда рассматриваешь ситуацию в Ливии со стороны, можно сделать заключение о том, что раскол Ливии произошел по вине как западных государств, так и внутренних причин. «Арабская весна» и последующий развал Ливии стал результатом как подпольных действий США и их партнеров, так и волны народных восстаний, которые посредством, в том числе, социальных сетей западного происхождения, стихийно разнесли новости от одного населенного пункта к другому. Кроме того, против власти Каддафи выступали люди, уставшие от застоя власти в стране.

Так, что касается внешнего воздействия, то 17 марта 2021 года исполнилось десять лет с момента принятия Советом Безопасности ООН резолюции № 1973 об установлении бесполетной зоны над Ливией. Этот документ был истолкован группой стран – участниц НАТО как юридическое обоснование

для силового (прежде всего посредством использования бомбардировочной авиации) вмешательства в ход вооруженного конфликта в Ливии.

Проведенное в Ливии военно-силовое вмешательство в 2011 году, было осуществлено при ведущей роли Франции, поддержанной Великобританией. Хотя политически операция была поддержана США (на уровне НАТО), основную нагрузку в ее проведении приняли лишь 8 стран – участниц альянса. Притом в военном отношении взаимоотношения США с двумя западноевропейскими державами (Францией и Великобританией) фактически можно описать термином «аутсорсинг» [1, с. 11-15].

Притом, достаточно высокая степень интернационализации различных форм внешнего участия (прямой и косвенной военной поддержки сторон конфликта) наблюдается в Ливии на протяжении практически всего периода 2011-2022 годов. В 2011 г. силовое вмешательство группы стран – участниц НАТО во главе с Францией и Великобританией облегчалось воздержанием России как постоянного члена Совета Безопасности ООН от голосования по проекту резолюции №1973 (по решению тогдашнего президента Д. А. Медведева), что позднее было признано российским руководством в качестве ошибки [6].

«Арабская весна» привела к уничтожению существующего в Ливии режима Каддафи ценой огромных людских и материальных потерь, что привело фактически к распаду Ливийского государства на три неполноценных псевдогосударственных образования. Вопросом над закономерностью или случайностью и над полной картиной ливийской революции от ее истоков до нынешнего состояния тления вооруженного конфликта и до возможного развития ситуации в дальнейшем размышляют различные ученые и исследователи, которые приходят, порой, к выводам, полностью противоречащим друг другу.

В постреволюционные годы международный интерес к Ливии постепенно уменьшается. Тем не менее, страны ООН предпринимали попытки стабилизации ситуации в Ливии после 2011 г. ООН, Совет мира и безопасности Африканского союза учредили специальный Комитет по вопросам Ливии. В сентябре 2011 г. ООН учредила Миссию ООН по поддержке Ливии (МООНПЛ) для обеспечения общественной безопасности, государственной власти, экономического развития и политического диалога между различными группами и участниками.

Однако, пошатнувшаяся стабильность Ливии, не имеющая легитимности и единства нынешняя власть, сделали страну легкой добычей для крупных международных акторов. Так, происходит воздействие на Ливию со стороны США, ЕС, Турции, Саудовской Аравии, ОАЭ, Италии, Катар, Франции, Египта, России и некоторых других. Эти страны решают свои политические, экономические задачи, поставляют в Ливию военную технику и оборудование, выступают со своими инициативами, мешая найти сторонам ливийского кризиса сколько-нибудь приемлемый компромисс.

В отличие от периода правления Каддафи, когда архитектура безопасности носила исключительно централизованный характер, защищая и поддерживая власть, в послереволюционный период система безопасности основывалась на действиях ополченцев. Но поскольку силы ополченцев никак не контролировались, также, как и поставки оружия, Ливия была ввергнута в полный хаос.

Территориально обстановка в Ливии на данный момент выглядит следующим образом:

– центр и северо-восток страны, занимая большую часть Киренаики, Феззана и небольшую часть Триполитании находится под контролем Ливийской национальной армии (ЛНА). Ею командует фельдмаршал Халифа Хафтар (полевой командир по версии западных СМИ). В городе Тобрук находится ливийский парламент (Палата представителей), имеющий международное признание и поддерживающий Хафтар и одновременно от него зависящий, в руках которого сосредоточена военная сила, а значит, настоящая власть. Еще Хафтар фактически контролирует большую часть территории, где находятся значительные месторождения нефти и газа, а также ряд нефтеперерабатывающих заводов и нефтеналивных терминалов страны.

Необходимо отметить светскую риторику данной стороны, которая резко критикует террористические формирования и официально заявляет о борьбе против моджахедаизма.

– северо-запад страны, занимая большую часть Триполитании, с официальной столицей страны Триполи, возглавляет премьер-министр Ливии бывший глава МВД расформированного Правительства национального согласия (ПНС) Фатха Башага, назначенный на эту должность Палатой представителей Ливии 10.02.2022 г., где с марта 2021 года уже заседает признанное ООН, но утратившее 24.12.2021 г. полномочия (в связи с вынесенным Дбейбе парламентом 21.09.2021 г. вотумом недоверия, а также с окончанием ранее установленного срока работы правительства до проведения всеобщих выборов 24.12.2021 г.) правительство национального единства (ПНЕ) во главе с премьер-министром Абдель Хамида Дбейба. Дбейба намерен продолжить работу до избрания новой исполнительной власти.

Наличие двух правительств означает отсутствие правительства в принципе.

– юг страны, занимая небольшую часть Феззана и Киренаики, представлен крупными трайбалистскими группировками, а также наличием в той или иной мере независимых от двух правительств радикальных исламистов в других районах страны [5, с. 393]. Не подчиняются ни Дбейбе,

ни Хафтару, однако там существуют вооруженные отряды, лояльные этим лидерам.

Но кроме указанных, в ливийском конфликте задействованы и другие региональные и мировые акторы международной политики: государства, международные организации, террористические группировки и племена. И каждый из этих акторов поддерживает в Ливии свою сторону конфликта в соответствии со своими политическими и экономическими интересами.

К примеру, сегодня в Ливии существуют две национальные нефтяные компании, одну из которых контролирует Триполитания, а другую – Киренаика. Нефть есть на востоке страны, но правом сбыта нефти в страны Евросоюза обладает лишь запад страны – Триполи. Каждая из сторон выражает свое недовольство тем, как распределяются нефтедоллары. И если годами между Киренаикой и Триполитанией шли военные конфликты, то нет сомнений, что и далее будет продолжение все той же борьбы регионов за распределение национального богатства.

С точки зрения общенационального лидера, рассматривая середину 2018 года, когда была произведена попытка освобождения Дерна от боевиков и возобновление борьбы за нефтяные залежи, когда действия командующего ЛНА Хафтар по этим направлениям показали, что он не намерен объединять два исторических региона Ливии, что нарушало его устное соглашение с главой ПНС Сараджем в Париже 29 мая 2018 года. Таким образом видно, что ситуация в Ливии осложнялась все новыми и новыми событиями, доказывающими, что страна еще не обрела всеобщего лидера [2, с.160].

Также проблемой власти Ливии являются ополченцы, которых она не может контролировать. В послереволюционный период страна стала легкой добычей для проникновения экстремистских сил. Наличие автономных разрозненных формирований ополчения, пытающихся создать препятствия для нормализации обстановки в стране, стало одной из наиболее важных причин провала этого процесса. Из-за политической нестабильности снизилась мотивация действовать совместно для восстановления государства. Ливийский народ предпочел действовать на местном уровне, чтобы преодолеть свои проблемы в повседневной жизни.

Важно заметить, что существует общая заинтересованность всех стран Европейского региона в стабилизации положения на территории Ливии из-за общей миграционной ситуации на Ближнем Востоке, и частная заинтересованность отдельных европейских стран в реализации своих, отличный друг от друга, сценариев развития событий. Так, ЕС и не сформировала четкого направления взаимодействия с Ливией, а интересы Франции, Италии и ФРГ (частично и Великобритании) обусловлены исключительно их коммерческой заинтересованностью в поставках нефти и газа из Ливии и обеспечением внутренней безопасности своих стран [2, с.162].

При рассмотрении периодизации развития ситуации в Ливии со времени событий 2011 года, то согласно одной точки зрения весь этот процесс единое целое. С другой стороны, это цепь сменявших друг друга этапов:

- события 2011 года;
- последующая переходная фаза;
- 2014-2020 годы – борьба ПНС и ЛНА с постепенно идущим примирением;
- 2021-2022 годы – формирование нового правительства, в составе которого нет ни Сараджа, ни Хафтар [4, с. 14-36].

– начало 2022 года установление нового двоевластия (новый премьер-министр Фатха Башага, назначенный на эту должность 10.02.2022 г. и Абдель Хамида Дбейба, чьи полномочия истекли 24.12.2021 г.), при котором противоречия в стране выглядят даже более запутанным, чем до начала 2022 года.

Против Абдель Хамида Дбейбы объединились практически все ливийские тяжеловесы, которые ранее считались непримиримыми противниками. Помимо самого Фатхи Башаги, это и командующий ЛНА Халифа Хафтар, и председатель Палаты представителей Агила Салех, и бывший вице-премьер Ахмед Майтиг, и даже председатель Высшего государственного совета (и недавний член запрещенного в РФ движения «Братья-мусульмане») Халед аль-Мишри. Причина такой солидарности в личности Абдель Хамида Дбейбы, который сумел спутать карты уже утвердившим свое влияние в стране силам и нарушил их планы. Кроме того, на стороне Дбейбы выступают руководители Национальной нефтяной корпорации и Центрального банка, тем самым оставляя в руках ПНЕ основные источники финансов и доходов.

Ситуацию в Ливии должны были разрешить первые в истории Ливии президентские выборы, которые были намечены на 24.12.2021 года (в ознаменование 70-летия независимости страны), согласно договоренностям, достигнутым на Форуме ливийского политического диалога. Но они были отменены за несколько дней до даты голосования из-за невозможности их провести в связи с нестабильностью ситуации в стране.

На вопрос, а стоит ли форсировать проведение голосования, где выборы ради выборов в расколотом обществе могут легко нарушить установившийся хрупкий мир в Ливии и вновь погрузить ее в пучину гражданской войны, сложно дать однозначный ответ. После Муаммара Каддафи пока не появилось общенациональной консолидирующей фигуры. Сына Каддафи не приемлют в Триполитании и

Киренаике, Дбейбу – в Феззанае и Киренаике, Хафтара – в Феззанае и Триполитании. Ни один из них в случае победы на выборах не устроит всех. Ливия расколота и разобщена, и с 2011 года в каждом регионе страны сформировались свои элиты с собственными вооруженными отрядами. От полученной силой оружия власти никто добровольно не откажется. Надо договариваться, чтобы соблюсти интересы каждого. Выборы эту ситуацию не исправят, а наоборот, в условиях разобщения в обществе их проведение только обостряют ситуацию. Скорее всего, необходимо выработать другую модель возвращения Ливии к нормальной жизни: восстановление экономики и решение первоочередных социальных проблем, определение государственного устройства, функций центра и регионов, общенациональные выборы устраивающего все стороны лидера.

Самая главная проблема для Ливии в постреволюционную эпоху – отсутствие легитимного и центрального правительства. Процесс политического урегулирования в Ливии был вытеснен борьбой нескольких сторон конфликта и возникшее двоевластие. В результате завершение конфликта и нормализация обстановки в ближайшее время не представляется возможным. А Ливия нуждается в мощной правовой государственной власти над силами ополченцев, вооруженными и политическими группами, исключая необходимость внешнего вмешательства и нуждается во всеобщем лидере – значимом, харизматичном человеке, способном вести за собой и убеждать население в своих словах и взглядах.

Крайне сложными представляются прогнозы, но наиболее оптимальным вариантом является федеративное устройство Ливии с широкими полномочиями регионов с сохранением за центральным правительством ведения вопросов, связанных с внешней политикой, обороной, экономикой с распределением доходов от продажи природных ресурсов. И должно быть укрепление отношений с местными, региональными, глобальными участниками и международными организациями.

В случае же активного вмешательства международного сообщества со своими интересами и поддержки какой-либо одной из сторон, конфликт может затянуться на долгое время, и процессы стабилизации в Ливии завершены не будут, страну могут ожидать дальнейшая маргинализация, раздробленность и междоусобица.

Список литературы

1. Арзаманова, Т. В. Позиция Германии во время ливийского кризиса 2011. Новая внешнеполитическая стратегия или предвыборный маневр? / Т. В. Арзамасова // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2011. – № 26 (42). – С. 11-15.
2. Высочина, Е. С. Ливия – африканское поле битвы мировых держав: к изданию книги М.Ф. Видясовой «Ливия. Куда идет страна 140 племен?» / Е. С. Высочина // Новый исторический вестник. – 2021. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/liviya-afrikanskoe-pole-bitvy-mirovyh-derzhav-k-izdaniyu-knigi-m-f-vidyasovoy-liviya-kuda-idet-strana-140-plemen/viewer> (дата обращения: 12.02.2022)
3. Высочина, Е. С. Судьба постреволюционной Ливии и проблемы ее внутренней и международной безопасности в исследовании турецкого ученого / Е. С. Высочина // Новый исторический вестник. – 2021. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudba-post-revoljucionnoy-livii-i-problemy-ee-vnutrenney-i-mezhdunarodnoy-bezopasnosti-v-issledovanii-turetskogo-uchenogo/viewer> (дата обращения: 12.02.2022)
4. Ганиев, Т. А. Гражданская война в Ливии: ход боевых действий и интересы сторон / Т. А. Ганиев // Электронный научный журнал «Архонт». – 2020. – № 3 (18). – С. 14-36.
5. Конфликты и войны 21 века (Ближний Восток и Северная Африка) / Междоусобный конфликт в посткаддафийской Ливии. – М.: ИВ РАН, 2015. – 504 с.
6. Путин В. В.: Резолюция ООН по Ливии неполноценна и ущербна. – 2011. – 21.03. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/03/2011/5703e4fe9a79473c0df1bcd1> (дата обращения: 12.02.2022)

Статья поступила в редакцию 15.02.2022

Karpov, A.V., Makovskaya, D. V. Dynamics of the Political Development of Modern Libya: Situational Analysis

The article analyzes the political situation in Libya after the "Arab Spring", 2011 to the present time. It is claimed that the stabilization of Libya's political system has not yet been achieved. The authors identify the main actors of the political situation and their interests, carry out the periodization of the political development of Libya of the last decade, and estimate possible scenarios for the development of the political situation. The best option for political development seems to be a federal structure of Libya with broad powers of the regions, while the central government retains the management of issues related to foreign policy, defense, and economy with the distribution of income from the sale of natural resources.

Keywords: Libya, Muammar Gaddafi, situational analysis, intervention, fragmentation, "Arab Spring", UN, NATO.

Научное издание

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов
Выпуск 24
2021

Под общей редакцией *Е. Н. Максимовой*

Составление, верстка, оригинал-макет – *А. А. Ковалевский*

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Гагарина, д. 13,
каб. 3.7 E-mail: iorbook@sevsu.ru
URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-64133 от 25.12.2015. Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна

Подписано в печать 21.03.2022. Формат 60×84/8. Заказ № 28/2021.
Усл. печ. л. 4,41. Уч.-изд. л. 4,32. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в
РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7